

Северо-Запад

КОНАК И ПРИВАДКИ ПРОШЛОГО

Северо-Запад

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

Северо-Запад, 1996 г. Том 23 "Конан и Призраки прошлого"

Торн Сейшел Стюарт. Дары зингарцев (роман), стр. 155-298

- [Торн Сейшел Стюарт](#)

- [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Торн Сэйшел Стюарт
Дары Зингарцев
(Северо-Запад, 1996 г. Том 23 "Конан и Призраки
прошлого")

Глава первая

Костер в ночи

«Милостью Митры Жизнеподателя король и властелин Зингары Кратиос Третий — единокровному брату своему, благородному принцу Римьеросу, герцогу Лара. Брат мой! Сим письмом отрываю тебя от беспечных забав в твоем домене и призываю в столицу по делам государственной важности. Единственному тебе могу я доверить исполнение задуманной мною затеи, ибо кроме явных целей будут у нее и тайные, о коих никто, кроме нас с тобой, знать не должен. Знаю я, что, проводя время за охотами и балами, не слишком вникал ты в дела нашего государства, но сие не заботило и не огорчало меня, покуда ты был молод. Нынешним же летом исполнилось тебе двадцать три года, и потому решил я, что настало тебе пора оправдать высокий титул герцога Лара и принца крови. Вспомни, как трепетало твое сердце, когда Орнадо, благородный Магистр Ордена Воителей Света вручил тебе рыцарские шпоры. Какой отвагой дышало лицо твое, — а ведь тебе было всего двенадцать лет! И я подумал тогда: «Вот стоит передо мною сын моего отца, истинный принц и рыцарь!» Но до сих пор Судьба не предоставила тебе возможности облагородить этот дар никаким подвигом во славу Ордена и лучезарного Митри. Но теперь наконец спекалась цель, достойная тебя, твоего титула и имени...»

Таков был стиль его братца. Пространнейшее послание, полное туманных намеков и красивых фраз — и ничего о сути. Уясни он еще из письма, что его ожидает, принц, вероятно, тянул бы с ответом, как мог, или вовсе отказался бы приехать в Кордаву. Римьерос сплюнул в сердцах. Иногда на беду, иногда на счастье, но юный принц Зингары обладал превосходной памятью на все, что когда-либо увидел записанным на бумаге или пергаменте. Уже не менее года прошло с того дня, как получил он это письмо, но до сих пор помнил каждое его слово — как помнил все письма, записочки, свитки и книги, прочитанные им. Последних, впрочем, было не много — принц Римьерос не был поклонником литературы — ни духовной, ни светской. Вырвавшаяся из руки ветка хлестнула его по лицу, и он грязно выругался. Нергал раздери его братца, светлейшего короля Зингары и Карских острровов! Но королям не говорят «нет», будь они хоть трижды братья. Даже когда они отсылают тебя с «делом государственной важности», а по сути — удаляют от двора на два с лишним года. Что он поччял, и поччял ли что-то, когда избрал именно Римьероса для этого похода? Хотя поход и в самом деле можно было приравнять к подвигу: отвезти императору Кхитая ценный дар, пройдя Великим Путем Шелка и Нефрита, через внутреннее море, степи и джунгли. Самые отважные из купцов Запада водили караваны в страны сказочных богатств, что лежат за морем Вилайет, но ни разу не бывало в тех краях королевских послов.

По правде сказать, прежде в том к нужды особой не было — ну кому какое дело при дворе до тех дальних краев, рассказы о которых напоминают скорее сказки, какими балуют няньки на ночь детей, краев столь далеких, что и поверить в их существование было бы трудно, когда бы ни товары, что привозили порой купцы. Тончайшие шелка, расшитые диковинными птицами и драконами, лаковые шкатулки и украшения, ценившиеся куда выше того золота, что пошло на их изготовление. Но то дело торговцев — и женщин, радующихся подобным безделицам. Для короля же дальняя держава, на которую и войной

идти бессмысленно, и союз заключать особого проку нет, никогда не представляла интереса.

Так было всегда. До недавнего времени.

Но теперь новый правитель Зингары пожелал отмстить и возвысить свое королевство в глазах правителей востока. Так, по крайней мере, объяснил он брату при встрече.

«Возглавлять посольство должен непременно принц крови, — возбужденно рассуждал Кратное Третий, расхаживая по огромному, пустому и потому гулкому тронному залу. — Такой случай выпадает раз в сто лет. Ты пойдешь не как проситель к государю, а как член королевского дома к равному себе, с даром не столько ценным, сколько значимым. Мы нашли эту редкость случайно, советники наши утверждают, что Император Китая будет рад подарку. А если вручит этот подарок не кто-нибудь, а брат короля, он будет не только рад, но и польщен. Ты понимаешь? И караваны потянутся не куда-нибудь, а в Кордаву. О, мы поставим наконец на место этих проныр-аквилонцев, всюду желающих сунуться первыми! Да и аргосские бандиты искусят себе все локти...»

Римьерос хорошо знал своего царственного брата. Когда тот начинал говорить вот так — слишком воодушевленно и громко, — это, как правило, означало, что имеется у венценосца некая тайная мыслишка. И высокородные речи были призваны утаить истину от невнимательного слушателя.

Принца, однако, при всем желании едва ли можно было счесть наивным и неискусенным придворным. Слишком долго он жил при дворе, слишком долго варился в бурлящем кotle интриг. И, наконец, слишком хорошо изучил зингарского венценосца. К тому же, был он отнюдь не без греха — и потому, едва заслышав о предстоящем ему пути на край света, облился холодным потом: что могла означать эта ссылка на несколько лет? Неужели братец и в самом деле разнюхал что-то? Но готовящийся заговор только-только начал обретать форму, в планы герцога Лара было посвящено от силы трое человек, и за каждого из них принц мог ручаться как за самое себя... Или и впрямь правдивы слухи, что король Зингары не гнушается и черной магией, если хочет добить интересующие его сведения? Не зря же отирался при дворе тот стигиец-изгнаник.»

Камешки с грохотом посыпались у него из-под ног, и Римьерос поднял голову. Побледнев, он отскочил назад: под ногами у него внезапно разверзлась пропасть. В задумчивости он не заметил, как подошел к краю обрыва. Сделай Римьерос еще шаг, и Зингара никогда бы больше не увидела своего возлюбленного младшего принца.

— Однако темнеет, пора возвращаться, — сказал он вслух, когда сердце снова забилось более или менее ровно. Свернуть себе шею в здешних диких местах отнюдь ему не улыбалось.

Какие бы планы ни питал в отношении брата Кратное, принц отнюдь не собирался облегчать ему задачу.

Впрочем, несмотря на то, что король явно не опечалился бы, если бы Римьерос и в самом деле не вернулся домой, он не мог отправить брата на верную смерть. К тому же младший был любимцем королевы-матери, и уж она постаралась проследить, чтобы ее отпрыск в пути ни в чем не испытывал недостатка — в том числе и в мудрых советах опытного воина.

Поэтому принц Римьерос, герцог Лара, лишь возглавлял посольство, а войском на марше командовал барон Марко да Ронно, старый воин и бывалый путешественник. Он

распоряжался припасами, снаряжением, высыпал людей вперед на поиски стоянок и просто разведать местность, распределял обязанности на каждый день и при этом умудрялся присматривать за своевольным, заносчивым юношей не хуже, чем за собственным сыном.

Обычно он не отпускал принца охотиться без свиты, но иногда на Римьероса что-то словно находило, он становился угрюм и сумрачен. В таком настроении он мог велеть выпороть пажа только за то, что тот не долил вина в кубок, боясь расплескать его, подавая принцу.

Барон выжидал день, а затем наутро небрежно говорил Римьеросу: «Вчера на озере, купая лошадей, конющие видели стаю голубых цапель — они полетели к северному берегу. Какие прекрасные, должно быть, это птицы!» Или: «Говорят, в здешних лесах водятся летающие белки. Можно ли верить таким глупостям? Я до сих пор не видел ни одной, а вы, сударь?» И Римьерос брал лук и кинжал, велел седлать коня и уезжал в лес или на озеро — на весь день до позднего вечера. Возвращался он с пышным голубым плюмажем на шляпе или тушкой диковинного зверька. Принц недаром славился как самый искусный охотник во всей Зингаре.

Пробродив в одиночестве день, он обычно успокаивался — на какое-то время.

Римьерос взобрался на каменистый холм, вздымающий лысую макушку над морем деревьев — но ничего не увидел. В этот день неудачи преследовали его одна за другой: подстреленная оленуха свалилась в пропасть, принц в азарте погнал за ней коня — и едва не сорвался сам. Наверное, не стоило так рисковать, но он преследовал добычу с полудня до заката, пока наконец не ранил, и ему жаль было бросать трофей, доставшийся с таким трудом. Лесная королева была белой, словно свежайшее молоко или снег на вершине горы, и Римьерос уже предвкушал, как привезет ее в лагерь под восхищенные взоры молодых дворян и челяди. Но белая оленуха не желала даваться в руки — ни живой, ни мертвой.

Рухнувшего наземь коня принцу пришлось добить: он охромел на обе передние ноги и только захрипел, когда Римьерос попытался заставить его подняться. Проклиная свое неизменное невезение — упустить такую добычу! — принц кое-как выбрался из ущелья и пошел в сторону лагеря, вспомнив, что устал и голоден.

Невеселые мысли сменяли одна другую в его темноволосой голове; весь во власти своих дум, он шел почти наугад, руководствуясь чутьем охотника, никогда прежде его не подводившим. Но то ли он слишком увлекся погоней, то ли попал в заколдованное место — даже с холма не мог разглядеть он излучины неширокой реки и дымки лагерных костров. Во все стороны, сколько хватало глаз, простиравось зеленое море джунглей с редкими островками таких же холмов. Римьерос понял, что заблудился. Небо было еще светлым, но с заходом солнца под пологом леса сгустились сумерки, и каждая лиана стала казаться притаившейся в листве змеей, а каждый резкий крик обезьян, устраивающихся на ночь, — воплем неведомого и невидимого в чаще существа,

Римьерос, бранясь и поминая всех демонов Кхитая, пробирался сквозь заросли. Не то чтобы он боялся оставаться один ночью в лесу, хоть и был почти безоружен, вовсе нет. Просто даже в походе он предпочитал спать на пуховиках и вкушать пищу, приготовленную лучшим поваром, специально прихваченным с собой из дома.

— В конце концов, есть же тут поблизости деревушки этих узкоглазых, — пробормотал он. — Только вчера мы проехали две или три. За любой из моих перстней они зарежут собственных детей мне на ужин.

Небо темнело, внизу, под пологом леса, становилось душно от аромата цветов. Зингарское войско уже не первый день шло сквозь джунгли, и Римьерос знал, что можно себе позволить в этих лесах, а что нельзя. Он знал, что опасно пробовать съедобные на вид и ароматные плоды, и что чем сильнее запах цветка, тем вероятнее, что он окажется ядовитым.

Один из оруженосцев уже поплатился жизнью за свое любопытство: он пожелал поближе рассмотреть венчик гигантского соцветия — его даже нельзя было назвать цветком, скорее это было какое-то пышное алое облако, спустившееся на землю. Но едва человек оказался рядом, облако словно всосало его в себя, сжалось и скрылось за множеством плотных, мясистых зеленых лепестков.

На приглушенные вопли товарища сбежалось трое или четверо мечников из свиты. Обнаружив с изумлением, что крики исходят из огромного бутона на толстом стебле, они принялись рубить его мечами. Но когда они наконец справились с хищным растением, из раскрывшегося бутона вывалились только безобразные обглоданные останки, облепленные какой-то желто-зеленой слизью с резким тошнотворным запахом. Слизь задымилась, испаряясь, и зингарцы в ужасе бежали от страшного места, даже не забрав тела.

Держась едва заметной в темноте звериной тропы, Римьерос вскоре вышел к новому безлесому холму. Поднявшись на вершину, он огляделся в надежде увидеть огни если не лагеря, то хотя бы деревни.

Он судил о Кхитае, западную границу которого их войско миновало два или три дня назад, по своей стране, и полагал, что между селениями, раз уж они начались, не может быть больше дня пути. На самом же деле в той гористой, поросшей лесами, а местами заболоченной местности, в которой они оказались, спустившись с гор, отдельных селений не было. Деревушки жались друг к другу по две, три или четыре, и до следующего такого очага человеческого жилья можно было идти и три дня, и неделю.

Великая Поднебесная Империя была несравненно больше маленькой Зингары.

Щуря темные глаза, Римьерос вглядывался в мерно колышущееся море деревьев. Быть может, ему только почудилась тонкая белесая ниточка дыма, поднимающаяся из долины у реки? Но порыв ветра донес до него слабый запах дыма, и зингарец, просветлев, зашагал в ту сторону.

Костер означал человека, пусть даже желтолицего и узкоглазого. Это могли быть ночующие в чаще лесорубы или странствующие монахи, которых его войско уже не раз встречало на дороге — пестрые стайки улыбчивых бритоголовых кхитайцев, чье сходство с диковинными птицами усиливалось отрывистой, то ли щебечущей, то ли мяукающей речью.

Но кто бы ни были хозяева ночных костров, принц был уверен, что сможет с ними договориться. Как он уже сумел заметить, уважение к важным особам граничило здесь с поклонением: едва завидев на дороге пышную процессию посольства — лошадей в разноцветных попонах с яркими гербами, сияющую на солнце сталь и по золоту оружия и лат, окрашенные в алый цвет перья и конские хвосты на шлемах — едва завидев все это великолепие, местные жители останавливались и принимались усиленно кланяться, а если к ним обращались с просьбой, — выраженной, чаще всего, на языке мычания и жестов, поскольку ни одного из западных наречий эти крестьяне не понимали — они со всех ног бежали исполнять ее, даже толком не уяснив, в чем она состояла.

До костра оказалось несколько дальше, чем он предполагал, глядя на него с высоты холма. Но вот наконец, злой и исцарапанный, он вырвался из кустарника на небольшую прогалину.

Посреди поляны горел костер. У костра, спиной к Римьеросу, сидел человек. Одна Больше, насколько сумел разглядеть в темноте принц, на поляне не было никого.

Это было бы только к лучшему, если бы не одно загадочное обстоятельство. Сидящий у костра был хайборийцем, а не уроженцем Востока — достаточно было взглянуть на его широченные плечи и масляно поблескивающую в свете костра бронзовую кожу обнаженных рук, длинных и мускулистых. Что он мог делать здесь, один, в этих чуждых краях вдали от обжитых мест? Это было более чем странно — а потому Римьеросу невольно чудилась в безмятежно устроившейся у огня фигуре скрытая угроза.

Пользуясь тем, что незнакомец, похоже, не заметил гостя, ибо даже не обернулся на шум в кустах, зингарец с жадностью разглядывал его, пытаясь понять, что за человек перед ним, а еще больше — принюхиваясь к доносящимся от костра восхитительным запахам жаркого. Римьерос невольно слегка сглотнул слюну. Кем бы ни был этот человек, он не откажет в приюте почти соотечественнику»

От костра внезапно донесся смешок.

— Если хочешь есть — подходи и садись, а не бурчи животом в зарослях бамбука, словно двуцветный медведь пан-да, — услышал Римьерос веселый низкий голос, говоривший по-аквилонски.

Справившись с первоначальным изумлением, принц недовольно нахмурился: мало того, что его появление замечали, незнакомец каким-то образом тут же вычислил, что его гость — не кхитаец, раз заговорил с ним на самом распространенном на западе языке.

Между тем чужак не только не вскочил на ноги, но даже не обернулся, по-прежнему сидя к принцу спиной. Римьерос горделиво выпрямился и подошел к костру с достоинством, которое присуще всем истинным царедворцам. Обидные слова о медведе он решил пропустить мимо ушей.

— Да пребудет с тобой милость Митры Жизнепода-теля, незнакомец, — церемонно произнес он с кивком, означающим приветствие. — Я в самом деле пробродил в лесу весь день и проголодался. И если.»

Хозяин костра поднял на него смеющиеся синие глаза.

— Ну конечно, зингарец, Кром меня разбери! Кто же еще будет так многословно отвечать на простое приглашение поесть! Садись, садись, не криви губы. Кто ты таков и как здесь оказался?

Говоря все это, он нагнулся вперед и принял поворачивать над жаркими угольями несколько тонких вертелов с насаженными частями какой-то дичи.

— Ты ведь не побрезгую козлятиной? Малыш был еще совсем сосунок, мать его завалило камнями, он мыкался вокруг, так что пришлось их добить.. Знай я, что нынче у меня будут гости, зажарил бы обоих.

Римьерос, несколько шокированный в первый миг таким запанибратским приемом, оправился и, усмехаясь, проговорил:

— Сойдет и козлятина. Незваному гостю не пристало привередничать. Хотя, конечно, будь я во дворце моего отца, покойного короля Зингары, я велел бы выпороть на конюшне того, кто предложил бы мне отведать этой пищи черни.

Он ожидал немедленной смены тона, быть может, даже смущенных извинений, но черноволосый синеглазый гигант только вздернул брови.

— Сто, да ты важная птица? Нынешнего короля Зингары, Кратиоса, я знаю; ты, верно, его брат? Который же из трех?

— Я — принц Римьерос, герцог Лара, — веско сказал Римьерос и наконец сел, решив, что после объявления его титула ему уж вовсе не пристало стоять в присутствии этого человека.

— А-а, Римьерос Безземельный! — отозвался хозяин со смехом. — Что ж, а я — Конан из Киммерии, и земли у меня еще меньше, чем у тебя, принц. Вот этот кусок, пожалуй, уже готов... Бери, не стесняйся. Здесь на всех хватит!

Принц вспыхнул, залившись краской до самых корней волос, рука его метнулась к кинжалу у бедра. Прозвище Безземельный он получил за то, что был четвертым ребенком в семье. До тех пор самое большое количество наследников мужского пола в семьях королей Зингары исчерпывалось тремя детьми, и то обычно двое из них не доживали до совершеннолетия — либо в силу частых болезней, либо благодаря клинку и яду, на кои не скучились придворные доброхоты. И потому когда родился четвертый сын, принц Римьерос, король был вынужден откупить у своих баронов хотя бы небольшой домен, ибо владения короны были уже распределены между тремя старшими братьями.

Майоратами поступились только двое — дела их были так плачевны, что легче было продать отчие земли, чем содержать их. То, что получилось в результате объединения этих двух поместий, могло именоваться герцогством только в указе короля.

Вскоре, однако, отважный Родерго, третий брат, погиб в стычке с аргосскими пиратами, и Римьерос уже предвкушал, что будет отныне именоваться «герцог Каррьяло», но нашлась девица, причем знатного рода, которая утверждала, что беременна от погибшего принца. И в результате долгого разбирательства герцогство, не уступавшее домену Гурралид, которым надеялся при рождении наследный принц, отошло какому-то трехмесячному младенцу и его ловкой матери. Она стала богатейшей женщиной в Зингаре, ибо старый король не мог нарадоваться на внука и всячески отмечал и задаривал невестку. И даже после смерти отца Кратное, воссев на золоченый трон в Верхнем дворце Кордавы, отказался оспаривать решение Единого Духовного и Светского суда.

Над Римьеросом, упавшим земли брата, потешалась вся страна — И стоило проехать тысячи бесконечных лиг, чтобы первый встречный у костра бросил тебе в лицо обидную кличку! Принц был уже готов затеять ссору, но тут вдруг рассыпал имя, которым назывался его обидчик.

— Конан из Киммерии? — повторил он и наконец пригляделся к незнакомцу.

На вид хозяину ночного костра было лет двадцать семь-двадцать восемь, но прищуренные синие глаза могли принадлежать и сорокалетнему мужчине, и семнадцатилетнему юноше, в зависимости от того, смеялись они или смотрели с пристальным вниманием. Густые черные волосы беспорядочной копной лежали на плечах, лицо и руки гиганта пестрели старыми шрамами, что говорило об опыте многих сражений. Мышцы под загорелой кожей были так выпуклы, что казалось, будто шевелятся клубки змей. Сопоставив все увиденное с произнесенным именем, Римьерос от любопытства вмиг забыл о нанесенной обиде и выпалил:

— Не тот ли ты Конан, что под именем Амры-Льва держал в страхе все южное побережье Материка? Помнится, за голову этого разбойника была назначена изрядная сумма.

— Пять полных мер золотых песет, — не без удовольствия кивнул означенный разбойник. — Но, как видишь, голова моя все еще при мне, хотя с годами иные назначают за нее все больше и больше.

— Уж не от рвения ли жаждущих таких наград бежал ты на восток? — усмехнулся Римьерос. — Но здесь нет морей, где бы мог ты проявить свой гений разбойника и мародера.

Синие глаза на миг недобро сощурились, изучающе глядя на принца. Римьерос уже решил, что вот теперь ссоры не миновать, но варвар широко и дружелюбно ухмыльнулся.

— Когда я был таким же мальчишкой, как ты, молодой петушок, я тоже готов был вцепиться в глотку всякому, кто избирал меня мишенью для насмешек, — миролюбиво заметил Конан. — Таких, впрочем, со временем находилось все меньшее.

Поворотив уголья, он снял с костра один из вертелов и принялся за дымящееся, ароматное мясо. Видя, что Римьерос сидит неподвижно, напряженно выпрямив спину и уставив голодные злые глаза в землю, он с хорошо разыгранным недоумением поинтересовался:

— Ты не хочешь есть? Хочешь? Тогда почему не ешь?

— Благодарю, — сдержанно отозвался Римьерос и потянул к себе другой вертел.

Мясо оказалось мягким и сочным, хоть и с душком, как показалось принцу, никогда раньше не пробовавшему козлятины, но знавшему с чужих слов, что это — еда самой низкой черна. Впрочем, неприятный запах почти перебивался запахом дыма и смолы, шипящей на полу-сырых дровах.

Конан украдкой следил за тем, как зингарец, стараясь сохранять на лице маску равнодушия, жадно кусает мясо, обжигая язык и губы.

Киммериец искренне забавлялся, подразнивая молодого задибу. И в то же время был рад увидеть на другом краю света человека из своего мира. Он был уже по горло сыт круглыми лицами с кожей всех оттенков желтого цвета.

Утолив первый голод, зингарец, видимо, из чувства благодарности, стал чуть менее спесив и более словоохотлив. На вопрос Конана, что же все-таки делает зингарский принц крови в этих оставленных Митрой землях, Римьерос, кривя губы, ответил:

— Везу драгоценный дар повелителю сказочного Кхитая. Если ты бродишь здесь поблизости, то уже слышал, наверное, о моем посольстве: отряд из трехсот человек не может пройти незамеченным.

— Это тот, что стоит нынче ночью выше по реке? — отозвался Конан. — Так это твои воины? Не слишком ли много мечей у вас для мирного посольства?

Едва в голосе ночного хозяина снова послышалась насмешка, Римьерос выпрямился и сделался надменен.

— Если ты не долетел сюда по воздуху, варвар, то должен знать, что путь через пустыни, степи и горы небезопасен. Я потерял в дороге всего пятнадцать человек, но мог потерять гораздо больше.

— Не сомневаюсь, — весело кивнул Конан. — Мне самому приходится постоянно одергивать своих приятелей, чтобы не лезли на рожон. Особенно Силлу — девчонку строптивую, вроде тебя Сагратиусу же все море по колено — особенно, если полна его фляги. Мы уж всякого тут перевидали — и змей, и хищных цветов, и черного лотоса.

Римьерос обеспокоенно огляделся.

— Мы? А мне показалось, что ты один? Ты упомянул по меньшей мере двоих — где же они?

— Я их как раз здесь ожидаюсь, — отозвался, зевая, Конан. — Мы разминулись у горного озера, и я их, похоже, немного опередил.

Он встал, потянулся всем телом, прогнав волну по затекшим мышцам. В жестах его была

естественность большой дикой кошки, он не менял позу, а словно перетекал из одного положения в другое.

— Не пора ли нам устраиваться на ночь? Или ты предпочтель добратся до своих? — спросил Конан принца. — Здесь не слишком далеко, не успеет сесть луна, как ты уже будешь в своем шатре нежиться на шелковых пуховиках.

Не добившись внятного ответа, он потянулся к сумкам и принял вытаскивать из самой дальней плотно скатанное одеяло из верблюжьей шерсти — стояла та ранняя весна, когда солнце уже припекает, но земля еще не прогрелась, и ночью становится холоднее льда.

В Римьеросе волной вскипала злоба. У него выдался неудачный день. Этот неожиданный ужин у костра — вонючая козлятина, запитая домашним некрепким вином — казался принцу самой большой из всех неудач, выпавших ему сегодня. Мало того, что к нему отнеслись как к бродячему псу: сунули кость и снисходительно потрапали по загривку. За одно это гораздо более знатные люди лишились бы жизни если не на плахе, то в поединке. Но больше снисходительно-добродушного отношения язвили зингарца насмешки, язвили тем горше, что произносились с уверенным спокойствием. Неужели этот дикарь и в самом деле думает, что если рядом с ним на земле лежит длинный меч, он может безнаказанно глумиться над принцем крови?

— Нет, благодарю, — ответил Римьерос, вставая. — Я лучше вернусь в лагерь, не то они обеспокоятся и вышлют на поиски солдат. — Он потянулся к поясному кошелю, словно за деньгами. — Козлятина была превосходна, хоть и попахивала. Добрый ужин стоит добрых денег.

Конан, уже улегшийся у костра, приподнялся на локте.

— Прах и пепел! — сплюнул он. — Можешь съесть свои деньги на сладкое, Римьерос Гордец. Или ты задумал принести-таки в Кордаву мою голову, что платишь золотом за гостеприимство?

Римьерос промолчал, поджав губы и радуясь, что в темноте не видно, как он краснеет — уже второй раз за очень недолгое время, что ему было совсем не свойственно. «И за это ты мне заплатишь», — подумал он, а вслух сказал:

— Прощай. Еще раз благодарю.

Конан буркнул что-то невнятное. Похоже, он уже спал. Поднявшись на сотню шагов вверх по реке, принц ополоснул в воде пылающее лицо. Ярости его не было предела. Никто еще никогда не смел разговаривать с ним таким тоном — даже его венценосный братец! На ум ему снова пришло сравнение с заблудившейся собакой, которую, накормив, гонят прочь, и он разозлился еще больше.

— Меч его лежит рядом с ним в ножнах, — бормотал принц, щуря на полную луну темные глаза. — Если тихонько подкрасться, отшвырнуть ножны пинком и одновременно ударить.»

Принести в Кордаву голову Конана-киммерийца! Хо! Римьерос — победитель Амры! Того самого Амры, что держал в непрестанном страхе все Черное побережье! Ола, Йерро, ты сумасшедший, разве не слышал ты, что он может ударом кулака свалить буйвола? Но ведь у страха глаза велики...

У страха глаза велики, но втрое велик был соблазн вернуться на родину победителем легендарного короля разбойников. Вольно ж ему было насмехаться над принцем крови! Конечно, убийство во сне — это не совсем по законам чести, но разве не был он приговорен к смерти еще отцом Римьероса? И варвары спят ночами, и, как говорят, спят крепко. Не так

уж сложно было бы убить его, лишь бы ударить прежде, чем он доберется до меча. Задача осложнялась тем, что иного оружия, кроме длинного кинжала, при Римьеросе не было, потому что стрелы он растратил, преследуя белую оленуху.

«Но ведь тебе случалось выходить и на волка с одним только кинжалом, — ободрил он себя — Этот здоровяк не страшнее вожака-ветерана, которого вы, сударь, уложили прошлой зимой под испуганный визг, а затем рукооплесканье дам». Римьерос и в самом деле справился тогда в одиночку с матерым хищником, но совершенно забыл, что до того этого волка егеря трое суток гоняли по лесу, не давая ему прилечь ни на миг, — чтобы под конец выгнать по тоннелю, огороженному сеткой и красными флагами, на большую арену, где поджидал его принц — в кольчуге и при оружии. Шкуру этого волка он потом преподнес домье Ревглене, и ее прелестное лицо стало еще прелестнее от густого румянца, залившего щеки...

Он решил подобраться к Конану по воде, рассудив, что даже чуткий слух варвара обманет непрестанное журчание струй и шорох ветра в густых зарослях тростника.

Римьерос выждал, пока луна не скрылась за вершинами деревьев, а затем начал осторожно спускаться.

Следуя правилу всех ночующих в лесу, Конан, прежде чем ложиться, сунул в костер огромное полено — половину ствола упавшего дерева. Ствол горел медленно, от середины к концам, и бесформенная глыба, какой казался киммериец, завернувшись с головой в одеяло, была хорошо видна в свете угольев. Принц подобрался ближе и замер в тростнике, вытянувшись, словно выпь.

Проверяя, крепок ли сон варвара, Римьерос кинул в тростник несколько камешков, они прошуршили юркими зверьками в прошлогодних высохших стеблях. Но бурое одеяло даже не вздрогнуло. Рукоять меча и край ножен, высовывавшиеся из-под него, красновато отблескивали в свете костра. Крадучись, как кот по черепичной крыше, шаг за шагом, Римьерос подходил все ближе и ближе к костру. Ему не впервые приходилось вот так подбираться к добыче, словно сливаюсь с травой, землей и кустами.

Это был тяжкий труд, но принц знал по опыту, что, продвигаясь незаметными шагами, можно провести самую пугливую дичь. А варвар, услышавший его еще в бамбуках, был, несомненно, пугливой дичью.

Склонившись над спящим, Римьерос сосчитал до десяти, чтобы унять азартную дрожь в руках. Киммериец спал. Даже посапывал тихонько. Принц правой рукой бесшумно вытащил из ножен кинжал, а левую руку протянул к мечу варвара. Нашарив, не глядя, холодную рукоять меча, он одним жестом отшвырнул его прочь, одновременно замахиваясь.

Кинжал его целил киммерийцу прямо под левую лопатку.

С быстрой вскидывающейся вверх змеи, да что там — с быстрой белой молнии Митры метнулась из-под одеяла рука и двумя пальцами сжала правое запястье зингарца. Римьерос, взывав от нечеловеческой боли, выпустил кинжал. Миг — и рука его была уже завернута за спину, а сам он, завывая, словно на дыбе, клонился лицом к земле, едва не касаясь ее губами.

— Так-то теперь платят в Зингаре за постой? — раздался над ним знакомый голос. Теперь в нем не было и тени дружелюбия. Но и злобы, против ожидания, тоже не было в нем — одно лишь безграничное презрение. — И если таковы нынче в Кордаве принцы, каковы же ваши разбойники?

— Пус-ти, — прохрипел, выгибаясь, Римьерос. От боли у него все плыло перед

глазами, он явственно слышал, как хрустят, выворачиваясь из суставов, его кости.

Конан выпустил его руку и от души пнул в тощий оттопыренный зад, обтянутый лиловыми бархатными штанами.

Принц кубарем покатился по траве. Киммериец сделал шаг в сторону и подобрал свой меч.

— Ты и в самом деле думал, что я буду храпеть и ждать, пока ты соизволишь отправить меня прямиком на Серые Равнины? — поинтересовался он.

Принц, стоя на четвереньках, молчал, тяжело дыша. Рот его был черен, лицо перепачкано.

— Если ты вернешь мне нож, я буду драться с тобой ножом, если не вернешь — перегрызу горло! — сказал он наконец, все еще хрипя.

— Дра-аться? — искренне удивился Конан. — Мне — с тобой?

Недобрая улыбка искривила его губы, когда он шагнул ближе к принцу. Сталь тонкого палаша с шипением вылетела из ножен, и Римьерос отшатнулся, ожидая, что его сейчас попросту зарубят на месте, но еще нашел в себе силы выкрикнуть:

— Ублюдок! Киммерийский козел, жрущий вонючую козлятину! Дай мне оружие, и я...

— Обойдешься, щенок, — прощедил сквозь зубы Конан и наотмашь хлестнул его гибким клинком по спине. — Убирайся! Убирайся с глаз моих, не то, клянусь Кромом, я тебя так разукрашу, что не узнает родная мать-королева!

И сталь снова опустилась на спину принца, срезав на лету прядь всклокоченных длинных волос.

— Прочь!

Пунцовы от стыда и злости, Римьерос еле увернулся от нового удара, перекатился через плечо и скрылся в кустах. Там он вскочил на ноги и, отбежав на почти тельное расстояние, крикнул, потрясая кулаками:

— Ты мне за это заплатишь, пожиратель козлятины! Моя плоть священна, за меня отомстит сам Митра, покровитель нашего рода! Тебя пожрет зловонная пасть Нергала, ты...

Конан сплюнул и сделал шаг в сторону Римьероса. Тот незамедлительно повернулся и исчез за деревьями.

— Ну и мокрица, — пробормотал киммериец, снова укладываясь у костра. — Надо было распороть ему рот от уха до уха, чтобы разевал его еще шире... Сразу видно, что никогда не спал на голой земле — не то знал бы, что каждый шаг отдается громом.

Он не слышал, как зингарец подкрадывался по реке, но едва тот вылез на берег, Конан проснулся от гула его осторожных шагов и довольно долго лежал, выжиная, когда учащенное дыхание охотника раздастся над самым его ухом.

До рассвета оставалось еще немного времени, и Конан, следя мудрой повадке крупных хищников каждую свободную минуту использовать для сна, свернулся под одеялом и заснул, едва успел закрыть глаза.

Глава вторая

В пути

Голубь Тридцать Второй:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары и правителю Карских островов. Государю и брату моему сообщаю, что мы на конец, после долгих и трудных странствий, вступили в земли Китайской Империи. Погибло еще трое, среди них — достойный рыцарь Роккье да Вейзар. Они упали в пропасть, оступившись на жутком мосту — я еще дивлюсь, как сумели мы переправиться по нему, зыбкой паутиной висящему над пропастью. Сделан он из особого тростника, растущего только здесь, тростник этот на диво прочен, так что, завязав лошадям глаза, мы без труда перевели их по этому шаткому мостику. Но стоило кому-нибудь из людей глянуть вниз, балансируя на краю, как он падал ничком, не чувствуя ни рук, ни ног, и так сорвались мой оруженосец и помощник негодника Алонно, моего повара. О последнем я не пожалел бы, а ныне желаю ему вечно корчиться в когтях Нергала, ибо, пытаясь его удержать, сорвался и добрый Роккье. Мы не сумели поднять тела со дна пропасти — но сложили на краю ущелья высокое надгробие в память о славном рыцаре. Да упокоит Солнцевикий его отважную душу!»

В остальном же путешествие наше проходит день ото дня успешнее, ибо начали уже попадаться на пути селения, возделанные земли, а с ними — дороги. Мы оставили горы и болота позади, ныне перед нами лежат бесконечные джунгли, полные уже испытанных и новых, неизвестных опасностей.

Нам по-прежнему не везет с проводниками — негодяи сбегают ночью в страхе, едва услышат в зарослях свирепый рык тигра. Но эти благородные хищники еще ни разу не нападали на лагерь.

Еще одна забавная мелочь, которая, льщу себя надеждой, способна вызвать у тебя, брат мой, недоверчивую улыбку: можешь себе представить, не в Аргосе и не в Зингаре, а здесь, на самом краю света, я наконец встретился с Конаном из Киммерии, известным у Черного Побережья под именем Амры. Встреча наша не была мирной, я столкнулся с ним в лесу случайно, почти безоружный. И все же он едва не поплатился жизнью за все свои бесчинства у наших берегов. Ему удалось улизнуть от меня, и с тех пор он рыщет вокруг нашего войска, надеясь застать меня врасплох — мы неоднократно натыкались на следы его стоянок. Я в ответ усилил ночные посты и еще не отчаялся заполучить его и привезти в Зингару тебе на потеху — если не всего, то хотя бы голову.

Голубей в клетке осталось не более десятка, и потому я не рискну выпустить птицу, пока мы идем под удущливой сенью здешних лесов. Едва я достигну хоть мало-мальски приличного города, и снова дам знать о себе.

За сим остаюсь, преданный тебе принц Римьерос, герцог Лара».

Тщательно запечатав тончайшую рисовую бумагу в два слоя кожи, Римьерос вынул из клетки голубя и приладил письмо на лапку птицы Здравый смысл подсказывал ему, что из пяти выпущенных голубей до Кор-давы добирался в лучшем случае лишь один, но все же

время от времени он отправлял новое письмо — не столь-ко для брата, сколько для матери.

Королева Теодорис была одной из тех троих, кого принц посвятил в свои честолюбивые замыслы свержения брата с королевского престола. Ради своего младшего сына она готова была перевернуть землю и небо, он же отвечал ей снисходительной привязанностью, позволяя обожать себя, лишь бы это не слишком ему докучало. Материнская любовь может оказаться весьма полезной вещью, если мать эта — вдовствующая королева Зингары.

Узнав, что король посыпает младшего брата с дарами к Императору Кхитая, королева сначала пришла в ужас, но, будучи женщиной мудрой, скоро рассудила, что если дать принцу надежный эскорт, ничто не помешает ему вернуться на родину живым и невредимым не позднее, чем через два года. К тому времени подозрения правящего брата — если у него таковые и возникли — скорее всего рассеются, а принц Римьерос вернется народным героям, отважным рыцарем, побывавшим на краю света и преодолевшим несказанные опасности ради славы и процветания родной Зингары. Она изложила все это сыну, и он, хоть и нехотя, но сделал вид, что воодушевлен предстоящей поездкой и гордится возложенной на него миссией.

Итак, королева осталась в самом сердце вражеского лагеря, но не преминула отправить с принцем второго участника заговора — барона Марко. У старого воина были свои счеты с нынешним королем Зингары: в самом начале правления тот дважды, отступая, провел неприятельские войска через земли барона. Заманивая акви-лонцев в глубь страны и одновременно лишая их добычи, зингарские полководцы распорядились жечь за собою все поселки и деревушки. Аквилонцы, разозлившиесь, довершили разорение, равняя с землей все, что еще оставалось. Их небольшое войско удалось после этого разбить сравнительно легко, и король был в восторге от подобного метода изматывания противника.

Однако старый воин, ветеран многих битв и походов, барон Марко открыто возмутился подобным безжалостным обращением правителя с собственным народом, а более всего — с принадлежащими лично ему землями™ и тут же попал в немилость. После чего королеве, ценившей по достоинству его поистине собачью преданность, не стоило большого труда постепенно внушить опальному царедворцу мысль, что несправедливо обиженный Римьерос — настоящее воплощение всех заветных чаяний народа.

В этом был тонкий расчет: убедить барона Марко в том, что для Зингары наилучшим королем будет Римьерос, означало убедить почти всю армию. Авторитет старого воина среди простых солдат был огромен, и если бы королю вздумалось поднять против баронетства Ронно свои войска, он сначала столкнулся бы с бунтом окрестных мелких дворян, чьи владения находились под протекторатом баронства, а затем был бы вынужден подавлять если не восстание, то по меньшей мере недовольство собственной армии.

Окажись король на одном холме, Ронно на другом, а зингарская армия посередине — больше двух третей пошли бы за бароном. Он умел быть и хозяином, и отцом, и полководцем, и верным псом.

У благородного рыцаря Марко да Ронно был только один недостаток: в голове его, серебристой от седины, не могло уместиться более одной мысли за раз. Единожды уверовав в то, что Римьерос — будущий благодетель Зингары, он более не думал об этом, и никакие вздорные выходки принца не могли разубедить его. Он приписывал их горячности, молодости, излишней любви к риску и опасности. Он порой даже называл принца «государь», ничуть не стесняясь чужих ушей, и такова была сила его веры, что он заразил ею и тех, кем распоряжался.

И если сам Римьерос был равнодушен к цели похода, то молодые дворяне немало гордились возложенной на них высокой миссией.

Мать-королева с детства приучила сына никогда не вымешивать дурное настроение на тех, кто тебе нужен или может оказаться полезен, и большая часть отряда не знала о его резких припадках ярости и раздражения. А в хорошем расположении духа принц был и великодушен, и щедр, и остроумен. Поход, столь бессмысленный и бесцельный с его точки зрения в начале, оборачивался неожиданной стороной: по завершении миссии Римьерос возвращался в Зингару с сотней рыцарей, закалившихся в нелегком походе и преданных ему до мозга костей.

Третьим же из заговорщиков был Светлейший Распорядитель Двора, герцог Пастрелья. Этот ловкий и хитрый царедворец с давних пор был влюблена в королеву. В молодости слыла она женщиной редкой красоты, а зрелость придала ее облику истинное величие. Старый герцог боготворил ее — как она боготворила своего сына. Его обожание было тем сильнее, чем несбыточнее мечта обладать когда-нибудь предметом своей страсти. Королева дарила его своей дружбой и даже любовью, но ни разу не изменила мужу — ни до, ни после его смерти.

Ей казалось — и казалось вполне справедливо, — что после ночи любви герцог может охладеть к ней, как только убедится, что возлюбленная его оказалась не богиней, но обычной смертной женщиной. Распорядитель Двора был третьей по значимости фигурой в государстве — после короля и Верховного Жреца Митры. Королева не раз убеждалась в том, сколь полезной может оказаться дружба герцога Пастрелья — и не хотела ее терять.

Словом, как ни мал был круг заговорщиков, он включал в себя и членов королевской фамилии, и армию, и казну. Сам Римьерос не рассчитывал всерьез на успех, по крайней мере, в ближайшие годы. Но мать его придерживалась другого мнения и в отсутствие обожаемого сына продолжала готовить почву для переворота — причем небезуспешно.

Принц вышел из своего шатра, держа птицу в руках. Послушал, как бьется ему в пальцы крошечное сердце, и выпустил голубя, чуть подкинув его вверх.

Лагерь расположился на ночь на небольшом плоскогорье. Эта возвышенность была лишь краткой передышкой, скалистым островом в море деревьев. За ним вновь начинались бесконечные леса, поделенные узкой ниточкой дороги, и наутро отряду опять предстояло погрузиться во влажную духоту и полумрак джунглей.

— Неправда ли, жаль, государь, что до нас не могут добираться вот так же вести с родины, — раздался за спиной принца голос барона Марко. — Иногда я сожалею, что несведущ в магии. Вот уже год, как я не видел жену и дочь, и даже не могу узнать, все ли у них благополучно.

Он с тоской следил за тем, как, набирая высоту, голубь кругами поднимается в небо и растворяется в свете заходящего солнца.

— Чужой край, чужое небо, — пробормотал барон. — Скоро наступит ночь, и мы увидим чужие звезды»

— Мне кажется, мой добрый друг, вы нынче не в духе? — с улыбкой обернулся к нему Римьерос. Сам он пребывал в великолепном настроении. За три дня пути встреча в лесу переплавилась в его воображении в славный подвиг, который не подтверждался трофеем лишь потому, что принц оказался перед разбойником безоружным.

Добравшись до лагеря, он наорал на часовых, преградивших ему дорогу, не раздеваясь, бросился на постель и проспал почти до полудня. О своей встрече с Конаном он не

рассказывал никому, пока воины не наткнулись в лесу на свежее кострище у лесного ручья. Земля вокруг воды была испещрена следами такого размера, что не оставалось никаких сомнений, что побывал здесь не щуплый малорослый хитаец, а чистокровный хайбориец. Тем более что следы оставлены были сапогами, а не плетеными или деревянными сандалиями, в каких здесь разгуливали все — от нищего монаха до жены деревенского старейшины.

Барон Марко потребовал подробного рассказа, и Римье-ерос преподнес ему встречу у костра в таком свете, что старый воин счел нужным усилить ночные караулы и взял с принца слово, что тот больше не будет уходить в лес один, без собак. Вот и в этот вечер, прежде чем устраиваться на ночь, барон выслал несколько небольших отрядов прочесать местность вокруг лагеря — на всякий случай.

— Вернулся отряд Ринальдо, — сказал мрачно да Ронно. — Они нашли еще следы стоянки того человека. Ринальдо утверждает, что варвар идет не один. Хотите посмотреть, мой принц?

— Он говорил, что поджидает товарищей — вероятно, таких же разбойников, как и он сам, — отозвался Римье-ерос. — Давняя ли это стоянка?

— Не более двух дней.

— Тогда не стоит трудов. Что мы там увидим? Я подожду, пока он не окажется рядом — чтобы можно было спустить собак по его следу и затравить как матерого кабана... Полно хмуриться, барон, пойдемте лучше ко мне и выпьем вина — за то, чтобы этот голубь до-брался до Кордавы живым и невредимым!

Барон Марко просветлел и под крутил седой ус.

— Благодарю за честь, государь!

Войдя в шатер, Римье-ерос почти силой усадил старого воина в складное кресло и, не обращая внимания на бурные протесты, собственноручно разлил по двум кубкам темно-красное аргосское вино.

— Запасы наши подходят к концу, — с сожалением заметил принц, выливая последние капли из оплетенной бутыли толстого темного стекла. — В этом краю, как видно, не знают, что такое настоящий виноград. Правда, та штука — так и не помню, как они ее назвали — ну, которую мы пили во второй деревне, сразу за перевалом, была весьма недурна, хоть и крепковата.

— Принц говорит о сакве? Похоже на то, что наши крестьяне делают из пшеницы. Неплохо, но, конечно, с настоящим вином это зелье не сравнить. Когда мы вернемся, я велю выкатить из наших замковых подвалов бочку с золотыми обручами. Ее зарыл в землю еще мой пррапрадед, завещав опробовать вино через сто лет после своей смерти.

— Оно должно быть божественно, — отозвался Римье-ерос, жмурясь, как кот. — Я могу надеяться присутствовать при вскрытии этого сокровища? Нет, нет, друг мой, не вскакивайте с места, мне довольно одного вашего кивка. Вступив наконец в земли Кхитая, я вдруг осознал, что миссия наша близится к завершению. Мне казалось совершенно бесконечным это странствие через весь материк, но ведь путь домой всегда втрое короче. Нам осталось лишь добиться приема у Императора и вручить ему вот это. — Он похлопал ладонью по крышке огромного сундука, в котором хранился ларец с даром правителю Кхитая.

На стоянках сундук всегда помещался в шатер принца, а днем его везли в специально сооруженной для этих целей повозка Повозка представляла собой еще один ларец из резного темного ореха, сложное ажурное сооружение на колесах, высотой в рост человека, и сама по

себе являлась также немалой ценностью.

— Я тоже буду рад завершить наше дело и повернуть домой, — кивнул барон. — Но я рад этому испытанию, ибо на родине нас ждут испытания и свершения, куда более грозные.

— Тс-с, — приложил Римьерос палец к губам, — об этом ни слова. Сначала нужно вернуться. Итак, за благополучное возвращение — и нашего пернатого посланца, и наше.

* * *

— Эй, эй, эй, смотрите-ка, что я добыла!

Силла бежала вприпрыжку сквозь заросли, воздев над головой свою добычу. Темные ее глаза сияли восторгом и гордостью.

— Горлица! И какая жирная! Вы только гляньте — словно ее специально откармливали нам на ужин! — Она кинула на траву окровавленную тушку.

— Горлица? В этих джунглях? — изумился Конан. Он взял в руки еще теплое птичье тело. — И впрямь жирная. Неужто сбежала из клетки? Что нам — привычно, здешним в диковинку, могли держать как редкую птицу. Что ты наделала, дрянная девчонка!

В окровавленном комке взъерошенных перьев трудно было что-то различить, но острый глаз киммерийца мгновенно заметил темное кожаное кольцо, плотно облегавшее лапку птицы. Нащупав тонкую бечевку, он отвязал кожу, и на ладони у него оказался крошечный конверт с листом почти прозрачной, мелко исписанной бумаги.

Силла дернула смуглым плечом.

— А что такого? Подумаешь, чей-то голубь. Следить надо было получше, — надувши губы, ответила она.

Сагратиус заглянул Конану через плечо и пробасил:

— Великий грех, дочь моя! Но как бывший жрец

Митры могу отпустить тебе его, ибо не знала ты, что творила.

— Да в чем дело-то? — уже по-настоящему сердясь, топнула ногой девушка. — С каких это пор запрещено бить птицу в лесах?

Конан, щуря глаза, разбирал убористый витиеватый почерк. Письмо было написано на одном из хайборийских языков, но с таким количеством росчерков, завитушек и прочих ненужных украшений, что у киммерийца, и без того не слишком складно разбиравшего буквы, вскоре зарябило в глазах. Кинда, хоть и вовсе не умел читать, тоже с любопытством разглядывал находку. Тем временем Сагратиус, наставительно тыча в мертвого голубя толстым пальцем, пояснял:

— Это не просто горлица, это почтовый голубь. Он нес кому-то важное письмо за тысячу лиг, а ты его подстрелила. Теперь письмо никогда не дойдет — не возьмемся же мы сами доставлять его!

Конан, разобрав наконец первые несколько слов, оглушительно расхохотался.

— «Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары!» — Нет, не возьмемся, клянусь Кромом! Пусть его послания сами о себе заботятся... — По-прежнему щурясь, он продолжал читать по складам, приговаривая: — И как же идут дела у нашего несравненного принца? Судя по всему, скверно. Когда идешь по висячему мосту, нужно смотреть вверх, а не вниз» О, а это что еще такое? «мелочь способна

вызвать улыбку.» — Клянусь Белом, покровителем всех обманщиков! Да это же он обо мне! «Встретился с Конаном из Киммерии, известным у Черных Берегов еще под именем Амры. Встреча наша не была мирной, я столкнулся с ним в лесу случайно, почти безоружный. И все же он едва не поплатился жизнью за все свои бесчинства в наших морях. Ему удалось улизнуть от меня, и с тех пор он рыщет вокруг моего войска, надеясь застать меня врасплох — мы неоднократно натыкались на следы его стоянок. Я в ответ усилилочные посты и еще не отчаялся заполучить его и привезти в Зингару тебе на потеху — если не всего, то хотя бы голову!» Вот ведь шакалий выродок! Ну, с меня хватит!

Взяв письмо брезгливо, как дохлое насекомое, двумя пальцами, он бросил его в костер. Тонкий листок взвился вверх в потоке горячего воздуха, вспыхнул — и мгновенно рассыпался в прах. Конан обернулся к Силле.

— Напрасно я банил тебя, малышка. И в самом деле, знатная добыча! Значит, он где-то поблизости, этот несчастный слизняк!

— Это ты о ком? — поинтересовался Сагратиус. Конан сел, скрестив ноги, и принял ловко оципывать птицу.

— На всех, конечно, не хватит, но ты, моя смуглай

охотница, полакомишься всласть! — приговаривал он. — Я не стал рассказывать, а со мной, между прочим, приключилась забавная история, пока я дожидался вас за перевалом. По здешним дорогам идет зингарское войско — сотня молодых головорезов, именующих себя рыцарями, а к ним — еще два раза по столько оруженосцев, коющих и слуг. Едут они в столицу, с каким-то драгоценным даром Императору.

Киммериец говорил, а пальцы его проворно трудились над тушкой. Трое его товарищей уселись было вокруг послушать интересную историю, но Конан живо призвал их к порядку:

— Вы чего расселись? Займитесь пока костром и ужином. Слушать-то можно и так.

— Ты рассказывай, не отвлекайся, — отозвался Сагратиус, но все же поднялся с места и, подвесив котелок, принял раздувать уголья. Силла задумчиво остругивала прутик.

— У реки я просидел несколько дней, дожидалась вас, и вконец извелся от безделья. И как-то вечером вывалился к моему костру из бамбуков зингарец — тощий, скуластый и носатый. А мне так надоели эти желтые рожи, что я был рад даже и зингарцу. У меня как раз козленок пекся на угольях, хватило бы на троих. Подошел зингарец к костру, сел. И смотрит на меня так, как будто я его собирался поджарить. Ты кто таков, спрашиваю я. А он мне — принц, мол, зингарский, возглавляю посольство брата-короля к Императору Поднебесной. Ну принц так принц. Я его накормил. Он поел и к своим засобирался — я ему сказал, что видел лагерь выше по реке. Ушел он, вроде бы даже поблагодарили. Луна еще не села, как он вернулся — воткнуть мне нож в спину.

— А что это он так? — с неудовольствием поинтересовался Сагратиус. — Или ты обидел его чем?

— Да вроде бы нет, — пожал плечами Конан. — Чем я мог его обидеть? Просто за мою голову в Зингаре и Аргосе хорошие деньги назначены. Видно, принц решил прославиться. А вместо славы получил хорошего пинка от меня на прощанье! А вот и голубок-то наш зингарский готов! — Он приподнял за ногу оципованную тушку. Силла протянула ему заостренный прут, Конан насадил на него птицу и подвесил на распорках над костром — сбоку, где пламя потише, а уголья пожарче. — В общем, вытянул я его клинком пониже спины на прощание, да благородный принц и был таков. Думал, на том дело и кончится — а оно смотри как обернулось!

Суровое, точно из камня высеченное лицо киммерийца казалось в этот миг обиженно недоуменным, точно он и сам в толк не мог взять, с чего так оскорбился его непрошенный гость. Он, разумеется, был отнюдь не столь наивен, сколь хотел казаться сейчас — но в такие минуты, в компании приятелей, за шутками-прибаутками, в ожидании сытного ужина, да еще в обществе славной малышки, варвар не прочь был подурячиться немножко, скинув с плеч груз прожитых лет, кровавых боев, чужой подлости и предательства. В такие минуты мир казался совсем юным и чистым, и ему хотелось смеяться. Спутники его, однако, думали каждый о своем.

— Драгоценный дар Императору, говори! — задумчиво протянул Сагратиус. — Хотелось бы знать поточнее, что это за дар такой. Клянусь милостивым Митрой, зингарский король не пошлет триста человек охранять какую-нибудь безделицу!

— И думать забудь! — оборвал его мечтания Конан. — Ни за какие сокровища не пойду я вчетвером на хорошо обученное войско в триста человек. Я смотрел за ними потом весь следующий день. У них толковый начальник. И острые мечи. А нас ждут сундуки столичных ротозеев, и не пристало нам уподобляться аквилонским сокольничим, которые, едва выехав, набрасываются на первую же добычу, будь это хоть годовалый заяц. — Он, ухмыляясь, посмотрел на аквилонца.

Сагратиус покраснел, набрал в грудь побольше воздуха и начал:

— Древнее искусство аквилонской соколиной охоты.

— Сколько это — триста? — спросил вдруг Кинда. Он смотрел на свои растопыренные пальцы, пытаясь, видимо, соотнести впервые услышанную цифру с чем-то знакомым.

— Сколько у твоей матери было детей? — спросил в ответ Сагратиус, слегка раздраженный тем, как бесцеремонно прервали его едва начавшуюся речь.

— Вот, — показал птульку две руки — пять пальцев, и еще три.

— Вот если бы их было два раза по столько, то у них на ногах и руках было бы пальцевTM нет, ровно на одного человека меньше. Ну, в общем, почти столько, сколько людей у Римьероса.

— Много! — отозвался Кинда и покачал головой. — Вчетвером — никак.

— Кинда дело говорит, Сагратиус! — рассмеялся Конан. — И потом — откуда такая страсть к наживе? Где же твой обет нестяжательства, нерадивый жрец Митры? Сагратиус Майл, изгнанный из святой обители отшельников за слишком большую податливость зову плоти, чревоугодие и просто веселый нрав, горделиво выпрямился.

— Истинный слуга Солнцеликого везде найдет себе достойное поприще. Помимо сбора средств к существованию, я совершаю богоугодное дело, путешествуя с вами, дети греха! Я еще не отчаялся обратить в истинную веру эту вот поклонницу лжепророка туранского Эрлика, чью бороду она поминает слишком часто! — заявил он. — А равно как и вот этого сына степей, низкого ростом, но высокого духом, который верует, что весь его род пошел от демона песчаной буриTM.

— Великого бога Ша-Трокка, — сурово поправил его Кинда. — Каждая песчинка, которую он несет с собой, — один из нас, вернувшийся к отцу, — добавил он нараспев, на своем языке, однако поскольку эти слова он произносил довольно часто, все его поняли.

— Вот-вот, — продолжал несостоявшийся монах. — Я уже не говорю о тебе, Конан.

— А что я? — весело поинтересовался киммериец. Такие разговоры возникали у них довольно часто и

успели превратиться в некое подобие игры, где Сагратиус был многотерпеливым

пастырем, а остальные — упрямые ми еретиками.

— Я чту Солнцеликого Митру. Но у каждого народа — свой бог. Поди разбери, какой сильнее и лучше.

Сагратиус уже воздел вверх указательный палец и раскрыл рот для очередного веселого поучения, но тут Силла задумчиво сказала:

— А по-моему, главное, с чьим именем на устах ты родился, и с чьим умрешь. А кому молился все остальное время — совсем неважно. Уж как-нибудь боги разберутся между собой.

Конан взглянул на девушку с искренним восхищением.

— Как она тебя, а? Поди-ка, возрази что-нибудь! Меня при рождении встретил Кром, и после смерти примет Кром, на чьи бы алтари не возлагал я приношения! Молодец девчонка, даром что в кости выиграна!

Это тоже была игра, и Силла, в полном соответствии со своей ролью, зашипела на киммерийца, словно змея, которой наступили на хвост:

— Да лучше бы меня продали в рабство стигийцам! Или тому богатому купцу из Шема! Уж у него бы мне не пришлось бегать полуоголой по лесам и самой добывать себе пропитание!

Сагратиус был прав: каждый из них чтил своего бога, и разные боги вели каждого из них. Но похоже, на сей раз боги сговорились меж собой свести четверых своих детей для каких-то непостижимых для смертного целей. Ибо странными и запутанными путями шли эти четверо, чтобы в конце концов оказаться вместе.

Силлу, своюенравную и непокорную, но в то же время наивно-доверчивую девочку, родом из горной деревушки на окраине Турана, Конан и в самом деле выиграл в кости в трактире Аграпура. Родители ее, не в силах прокормить всех пятерых детей, продали двух дочерей в рабство. Коре, старшей, повезло: ее купил заезжий нобиль из Немедии. А Силла, девушка дерзкая и своюенравная, ни у одних хозяев не задерживалась подолгу. Ее передавали с рук на руки, пока наконец последний хозяин не проиграл ее в кости заезжему северянину — причем, как подозревал Конан, проиграл вполне намеренно.

В бесконечных странствиях Конану редко нужны были спутники, а уж двадцатилетняя девчонка, озлобленная и несдержанная на язык, была и вовсе обузой. В первый же день она наговорила новому хозяину столько, что менее терпеливый к женским выходкам человек наутро постарался бы сбыть ее с рук. Но ночью, свернувшись в клубочек под одеялом Конана, она превратилась в маленького, напутанного и несчастного ребенка. Она вздрагивала и всхлипывала во сне, прижимаясь к боку варвара, так что он почти не спал ни в эту, ни в следующую ночь.

Силла не поверила своим ушам, когда северянин объявил ей, что они отправляются на восток добывать ей приданое. Сначала она подумала, что новый хозяин шутит. Но очень скоро поняла, что он и в самом деле решил устроить ее судьбу.

«Придется потрудиться, раз уж иначе мне от тебя никак не избавиться», — прибавил он со смехом. После этого в ближайшую же ночь, проведенную не под открытым небом, а в постели — это было приблизительно на десятый день их путешествия — она постаралась выразить ему свою признательность тем единственным способом, что был ей доступен.

Конан почти засыпал, и потому не сразу понял, что вытворяет его новая собственность. А когда понял, остановиться уже не мог. Девчонка, такая молоденькая и хрупкая с виду, оказалась выносливой, умелой и изобретательной любовницей. Ее ничуть не смущала их

разница в десять лет, более того, она умела обратить себе на пользу по-отцовски покровительственное отношение Конана.

Длинное и звучное ее имя — Дартомарика — киммериец быстро заменил прозвищем Силла — «козочка» в переводе с туранского языка.

Вдвоем они направились в Вендию, и по дороге Конан учил девушку всему, что считал необходимым: умению подолгу оставаться без пищи и воды, стрелять из лука и метать ножи, прятаться в густой траве и врачивать раны. Силла, словно стараясь оправдать новое имя, день ото дня прыгала все резвее. Иногда она с ужасом думала о том часе, когда Конан вручит ей мешочек драгоценности, выкраденных из сундука какого-нибудь вендейского либо кхитайского богача, и скажет: «Возьми и будь счастлива, а у меня своя дорога.» Но золото и драгоценности, попав в их руки, словно растворялись в воздухе. Это немного утешало Силлу, ибо давало надежду, что на приданое ей они наберут не скоро. Втайне она мечтала, что Конан, восхитившись ее талантами разбойницы и искушенной любовницы, оставит ее при себе навсегда. Но в то же время что-то подсказывало ей, что, вздумай она сказать ему об этом, он рассмеется ей в лицо.

Сагратиуса Мейла, аквилюнца, они подобрали на восточной границе Вендии. Причем подобрали в буквальном смысле слова, потому что бывший смиренный служитель Митры валялся на дороге мертвецки пьян.

Какими путями он попал в Вендию, Сагратиус вспомнить не мог. Помнил только, что когда Верховный Наставник, наскучив его бесконечными нарушениями устава, выгнал нерадивого собрата из Обители, Мейл направил стопы к друзьям — ученикам Королевской Школы Ремесел — и пил беспрудно десять или двадцать дней, заливая свое горе.

Очнулся он в цепях, в караване невольников, следившем в Стигию. По словам его хозяина, продать его не было никакой возможности — едва Сагратиус трезвел, он становился буен. А пока был пьян — не интересовал никого, несмотря на гигантский рост и большую силу. Поэтому работоговец избавился от него, сбив за бесценок скупщикам жертв Сету, Великому Змею Ночи. И предупредил, что аквилюнца надо постоянно подпаивать, иначе убытки будут неисчислимые. Те не вняли совету. И напрасно: сообразив, что действовать надо быстро, Сагратиус выжал подходящий миг, порвал цепи, разметал обрывками сторожей, вскочил на спину ближайшей кобыле и был таков. Но на юге рисунок созвездий совсем иной, чем на севере, и потому, пытаясь попасть на северо-запад, Мейл после долгих блужданий оказался в Вендии. По его словам, правда, выходило, что он отправился в Вендию нарочно, задумав отыскать в горах легендарную Долину

Лунного Света. Правда, Долины так и не нашел — да и мудрено было отыскать ее, странствуя от кабака к таверне, а от таверны к трактиру.

Конан взял Сагратиуса с собой, предполагая за хорошее вознаграждение пристроить его к какому-нибудь каравану, идущему на запад. Но вскоре обнаружилось, что несостоявшийся жрец Митры, обладатель бездонного вечно голодного чрева и вечно пересохшего горла, задира и весельчак, — спутник полезный и приятный. Силла ворчала несколько дней, но быстро успокоилась — после того, как в результате их с Конаном совместной вылазки оказалась с ног до головы увешана золотыми украшениями. Сагратиус добыл ей полный свадебный наряд рани Саватери, младшей дочери князя тех земель.

И последний их спутник, Кинда, оказался в маленьком отряде так же случайно, как и все остальные. Конан и Сагратиус отбили карлика у его соплеменников. На границе гирканских пустошей и поросших лесом предгорий все еще обитал древний народ

птульков, Людей Степи.

Мужчины и женщины этого племени были некрасивы, низкорослы, с длинными, чуть ли не до колен руками, с плоскими, но очень выразительными лицами. Несмотря на маленький рост, в руках их таилась невиданная сила. Позже, когда Кинда оправился от побоев, Конан дважды боролся с ним под азартные вопли и свист Сагратиуса и Силлы. И оба раза ни один из них не одержал верх — а киммериец был чуть ли не на две головы выше пульта-куга.

Карлик провинился в том, что не позволил своему брату, вождю Людей Степи, взять в жены собственную дочь. Не потому, что это было не принято, как раз наоборот, считалось, что родственная кровь, умножаясь, порождает все более сильное потомство. Но девочке было всего шесть зим от роду, она никак не годилась ни в жены, ни тем более в матери. На стороне Кинды был здравый смысл, но на стороне вождя — древние обычай.

А они гласили, что если жена вождя умерла, не дав потомства мужского пола, он должен во благо племени взять в жены свою старшую дочь и как можно скорее зачать ребенка.

Девочка умерла наутро после брачной ночи, и Кинду обвинили в том, что он из злобы навел порчу на свою же кровь. Все мужчины племени собирались у его земляного дома, выволокли его наверх и погнали в степь, забивая камнями.

Конан с друзьями прибыли как раз вовремя: особенно меткий камень попал Кинде в висок, он упал лицом в траву и замер, ожидая смерти.

Появление верховых, из которых двое были хорошо вооруженными гигантами, вмиг разогнало толпу. Конан не стал их преследовать, только Силла послала вдогонку несколько стрел.

Пульткут пришел в себя только к закату. Долго сидел у костра, молча раскачиваясь из стороны в сторону. По всем законам привычной ему жизни он должен был умереть, и то, что этого не случилось, вызывало у Кинды глубокое недоумение и даже разочарование.

Но рано утром он встал лицом к восходящему солнцу и пропел что-то надрывно-протяжное, похожее на вой белых волков заснеженного Ванахейма. После чего на скверном туранском объявили, что нежданные спасители, пришедшие со стороны пустыни, должно быть, посланцы его отца, бога Песчаного Смерча, который живет там, где души умерших громоздят бархан на бархан, а живым бывать запрещено.

— Кинда умер в Мире Степи, ему туда больше нельзя, — заявил он. — Он родился в новом Мире, который начинается от другого края Обители Отца. Теперь Кинда пойдет в этот Мир и узнает, каков он.

Так Север, Юг, Запад и Восток объединились в этой четверке. После недолгого обсуждения новые друзья решили идти еще дальше на восток, до самого Кхитая, и узнать, на что на самом деле похож Край Мира.

Все, кроме, пожалуй, одного Кинды, были с детства наслышаны о сказочных сокровищах Империи Нефрита и Шелка. Конан давно мечтал побывать в Городе Тысячи Драконов и проверить, правда ли хоть сотая доля того, что рассказывают о тех краях праздные глупцы.

А болтали, и впрямь, всякое. И о ломящихся от золота сундуках богачей, и о храмовых идолах, самодовольных и пузатых, с глазами из черных агатов и полной пастью зубов-аметистов. О нефrite, который так обилен в тех краях, что из него делают даже ночные горшки. О струящихся шелках, легких, точно крыло бабочки, и ярких, словно радуга. Об огромных опахалах, сделанных из перьев сказочной птицы Рух, гнездящейся на краю света, опахалах столь тяжелых, что требовалось двое рабов, чтобы обмахивать им скучающего

вельможу... Последнее, впрочем, Конана интересовало мало — едва ли подобную диковину удалось бы запросто унести — но одна только мысль о прочих богатствах таинственного края заставляла сердце бывшего шадизарского вора учащенно биться.

Четверо охотников за праздными сокровищами подходили все ближе к сладко дремлющей в аромате цветущих вишнен столице, а та и не подозревала, какая страшная угроза нависла над ее многоярусными храмами и высокими дворцами с покатыми красными крышами.

...Принц Римьерос, герцог Лара, также двигался к столице, и его приближением — вернее, приближением чужого закованного в латы войска, о мощи и слаженности действий которого ежедневно доносили во дворец соглядатаи, — при дворе Императора были обеспокоены гораздо больше, чем какими-то оборванцами, бродящими по лесам у западных границ.

Глава третья

Радушный прием

«Небеснорожденному владыке, чей трои высится над тронами иных государей, как возвышается гора над холмами, и чей небесный свет затмевает солнце, луну и звезды, божественному Повелителю Поднебесной Империи — недостойный слуга его, наместник провинции Уэй, Сен Бо Пхунг.

Спешу уведомить тебя, Повелитель Звезд, что по сведеньям моих соглядатаев, денно и нощно следящих за, продвижением, воинства чужаков, вторгшихся в наши пределы в начале месяца Крисы, либо завтра, либо па второй день они достигнут города Чжанцзяку, что лежит первым в ожерелье кхитайских жемчужин, нанизанных на Великий Торговый Путь Шелка и Нефрита.

Градоправитель, высокочтимый сэй Тхикон Фэн, получив от меня уведомление, со всей приличествующей его возрасту и положению рассудительностью, начал готовиться к приему незваных гостей.

И тут обнаружили мы, Милосердный, что во всей провинции не сыщется ни одного человека, который говорил бы на языке меднокожих пришельцев. Один туранский купец, человек весьма почтенный и достойный всяческого доверия, просветил меня, что на Западе все знают или хотя бы понимают язык одной страны, называемой Аквилония.

Так не сыщется ли при дворе всемилостивого Императора какого-нибудь сведущего в языках человека, который мог бы объясниться с пришельцами? Мои шпионы донесли мне, что люди эти не в силах терпеливо добиваться, чтобы их поняли, а предпочитают действовать сразу мечом. Посему выбранный Дваждырожденным человек должен быть молод, дабы не могли западные люди унизить его старость, и многотерпелив, ибо терпение воистину ему понадобится.

Что же до той цели, с которой они прибыли в Кхитай, то опасения Императора оказались напрасны, ибо это — посольство. Донесения моих шпионов подтверждают предположение мудрейшего Верховного Саккяя, ибо идут пришельцы по дороге, грабежом и разбоем не занимаются, и направляются прямо в столицу, о местоположении которой неоднократно пытались расспрашивать крестьян. После одного из таких расспросов двое лучших заговорщиков риса полей Северных Окраин скончались от ран, ибо решив, что их вознамерились убить, вытащили оружие. Узнав об этом случае, я оповестил деревенских старост и велел им наложить временный запрет на ношение оружия даже тем из крестьян, кому это позволено...»

— Вот они, — уверенно произнес Ян Шань, Верховный Саккей, маг и ближайший советник императора. Титул его дословно означал «левая рука», ибо кхитайцы почитали левую сторону важнее правой, ведь слева у человека находится сердце.

Император отложил в сторону послание наместника и подошел к возвышению, на котором стоял Ян Шань.

— Если Повелитель Звезд соблаговолит заглянуть сюда, он их тоже увидит.

Едва весть о приближающемся войске достигла столицы, император велел расставить на

Западной дороге несколько Магических шаров, чтобы увидеть чужаков задолго до того, как они вступят в самое сердце Кхитая. Всего в стране было двенадцать таких шаров, их триста лет назад выточил из цельных кусков горного хрусталия какой-то неизвестный мастер. Вэй Линг, бывший тогда Главой Алого Кольца, повинуясь воле правителя, наложил на них вечные чары, и с тех пор то, что отражалось в одиннадцати малых, собиралось в двенадцатом большом. Если же изображение приходило сразу с нескольких шаров, специальным заклятием можно было выбрать нужный.

Предпоследний император династии Мун распорядился расставить одиннадцать шаров в одиннадцати городах Кхитая, а двенадцатый установить в большом зале, который с тех пор получил название Дворца Хрустального Шара. Специальные чиновники день и ночь, сменяя друг друга, бодрствовали у нефритового возвышения с круглым гнездом, в котором покоился большой шар. За триста лет четыре шара из одиннадцати были разбиты или раскололись сами, но остальные продолжали служить.

В этот ранний час во Дворце Хрустального Шара кроме императора и Ян Шаня не было ни души. Личная стража Императора — рослые хайбэи с застывшими лицами, в зеленых одеждах Вестников Высшей Воли — выпроводили из зала чиновников и замерли у дверей, дабы никто не помешал беседе повелителя со своим советником.

Облокотившись на холодный камень гнезда, правитель Кхитая какое-то время созергал смуглых высоких солдат, закованных в сверкающую броню. Отрадно было знать, что это — мирное посольство, а не вторжение. Армия императора была достаточно сильна, чтобы справиться с пятижды пятью такими отрядами, но это означало спешное переформирование войска, отсыпал людей, беспокойство и суевье. А Повелитель Звезд, хоть и именовался придворными льстецами Божественным, был уже стар.

В юности он много воевал, в сущности, к власти он тоже пришел войной, три года назад сбросив с Нефритового Трона собственного племянника, правителя беспокойного и неумелого.

В юности, еще наследным принцем, покойный император был обвинен в измене и изгнан. Обвинение оказалось ложным, виновные были наказаны, а изгнаник возвратился в столицу и был восстановлен отцом во всех правах и титулах. Но, проведя пятнадцать лет в отдаленной провинции, он, видимо, так и не смог вновь прижиться при дворе. Правление его закончилось под сенью безумия.

И видя, что страну, с таким трудом собранную воедино прежним правителем, опять разрывает на части, что власть в державе становится лишь пустым звуком, что вновь поднимают голову удельные князьки, силою огня и меча приведенные к покорности, тот, чье имя прежде было Итанг Чжи, младший брат старого Императора, принял решение. В одну ночь стал он Божественным и Дваждырожденным. Но это было лишь первым шагом на долгом и тернистом пути.

Немалых усилий стоило ему восстановить порядок в отбившихся от рук провинциях и дать понять алчным соседям, что Кхитай — по-прежнему неприступная твердыня. И теперь, достигнув наконец высшей власти для себя и покоя для уставшей от межусобиц страны, он хотел сохранить как можно дольше и то, и другое.

В туманной дымке кристалла воинство пришельцев было видно до последней пряжки на ремнях, скрепляющих латы. Верховые ехали первыми, за ними угрюмые быки тянули повозки с шатрами и прочим походным снаряжением, замыкали шествие оруженосцы и слуги.

Последними шли конюшие, шестеро из них вели на крепких плетеных ошейниках больших пятнистых собак.

— Пожалуй, вы правы оба — и ты, Ян Шань, и наместник — это действительно мирное шествие, — сказал наконец император, когда войско миновало первый шар и пропало из виду. — Только безумец пойдет на войну с охотничей сворой в обозе.

— Не меньшим безумцем надо быть, чтобы тащить за собою охотничью свору на другой конец света, — отозвался Ян Шань. — Безумцем — или зингарцем.

— А как по-твоему — это безумцы или зингарцы? — рассмеялся император. Смех его звучал отрывисто и хрипло.

— Скорее — зингарцы, — серьезно ответил Ян Шань. — Повелителю известно, что я немало странствовал по свету и видел, наверное, все народы мира. Судя по доспехам и надменному выражению лиц, это действительно зингарцы. А если я правильно понимаю все эти знаки на щитах и попонах лошадей — это к тому же очень знатные зингарцы. Опасный народ. Нетерпеливый, гневный и вспыльчивый. — Император уже решил, кого выслать им навстречу?

— Да, нужно это сделать, и как можно скорее. — Правитель Кхитая, поморщившись, расправил затекшую спину. — Пойдем со мной. Ты поможешь мне подготовить для этих чужестранцев ответное шествие. Оно должно не уступать им ни в богатстве, ни в праздничности, и в то же время состоять из людей выдержаных и мудрых, я ведь правильно понял твои слова о злом и вспыльчивом нраве?

Ян Шань поклонился, что означало одновременно и готовность к немедленным действиям, и согласие со словами императора. Эти двое были очень разными людьми, даже внешность их составляла разительный контраст — сухой тонкий Ян Шань с острым взглядом темных, сверкающих, как у Духа Лисицы, глаз, и грузный, мучимый отдышкой император, чьи глаза давно спрятались в складках и морщинах опухших век. Движения императора были сдержаны и плавны от тучности и лени, в жестах же мага сквозило напряжение сжатой пружины. Один был похож на стареющего льва, другой — на вечно голодного тощего красного волка. Но несмотря на все эти различия, император и его саккей понимали друг друга почти без слов.

Каждый из них хорошо знал, что оказался там, где он есть, только потому, что помог другому достичь желанного места.

Бывший военачальник кхитайской армии стал императором не без помощи мага-ренегата, проклявшего в свое время изуверские обряды Алого Кольца и променявшего бесконечные поиски древнего знания, одиночество холодной башни и плесень кхарийских манускриптов на придворную жизнь, также не лишенную опасностей, однако куда более соответствующую истинным устремлениям своей натуры. Он не оставил чернокнижие — о нет! — и тем оставался полезен императору, уверенный, что, покуда услуги его необходимы, он останется при дворе, при должностях и почестях, до которых был так жаден. Но утонченная роскошь столицы, тонкий аромат интриг и легкий флер полунамеков были куда дороже и приятнее Ян Шаню, нежели удушливая вонь святилищ и дымящаяся кровь на алтарях забытых богов.

Он служил своему императору — и служил себе самому, и два эти служения были переплетены в его душе настолько тесно, что он и сам не знал, где заканчивается одно и начинается другое. Если не считать одного-единственного. Той тени страха, от которой даже владыка империи, со всей своей армией и преданными хайбэями не в силах был избавить

верного саккея. О которой он даже не знал.

Но о страхе можно было если и не забыть совсем — то хотя бы на время отогнать прочь, заслониться от него повседневными заботами, ничтожными тревогами и радостями. Ощущать его присутствие, как рыщущего в сумерках волка — но не думать о нем. И придворные заботы и хлопоты годились для этих нужд как нельзя лучше.

До самого полудня Император и маг отбирали из царедворцев, чиновников и просто слуг людей, которые смогли бы достойно встретить зингарцев. Это действительно оказалось нелегкой задачей.

Под конец Ян Шань лично проверил, смогут ли избранные более того времени, что требуется обезьяне, чтобы вскарабкаться на дерево, выносить резкие жесты и угрожающий голос. В итоге получилось около тридцати человек, две трети которых составляли старики, умудренные жизненным опытом и знаяшие, что далеко не все народы в этом мире одинаковы. Оставалось найти одного только переводчика.

В посольской канцелярии сыскались двое, утверждавших, что владеют языками запада: один аквилонским, а второй — зингарским. Послушав обоих, Ян Шань велел их высечь и отослать прочь из столицы. Прегрешение их было тем тяжелее, что мошенников долго держали на жаловании ради подобного редкого случая. Маг уже подумывал, не пойти ли ему самому, но тут один из придворных вспомнил о юноше-хайбэе, говорящем на каком-то западном языке — каком именно, царедворец не знал. Слышал только, как молодой телохранитель Императора читал одной из принцесс стихи на чужом языке, не вендейском и не туранском.

— Превосходно! — обрадовался Ян Шань. — Если он благородного происхождения, это еще лучше!

Немедленно все молодые воины, бывшие тогда во дворце, были созваны в тронный зал, и на вопрос мага: «Говорят ли кто-нибудь из вас по-аквилонски?» — из длинного ряда зеленого расшитого шелка вышел совсем еще юноша и молча склонился перед саккеем.

— Как твое имя?

— Moy Pa, Бессмертный, — ответил юноша, не поднимая головы.

— Откуда ты знаешь язык? — Эти слова Ян Шань произнес по-аквилонски и был рад услышать ответ на том же языке:

— Я сбежал из озорства из дома, Бессмертный, и два года странствовал с туранским караваном.

— Хорошо, подойди сюда. Остальные могут удалиться. Поманив за собой жестом Moy Pa, Ян Шань провел его во Дворец Хрустального Шара. Было уже далеко за полдень, и по расчетам мага пришельцы вот-вот должны были появиться во втором шаре.

— Посмотри на них, — велел он юноше, когда в шаре заблестело солнце, пляшущее на доспехах и оружии. — Ты видишь эти лица? Они посмотрели на наших крестьян и теперь полагают, что мы все до единого повалимся им в ноги, как только увидим. Не разочаровывай их пока. Твой аквилонский безупречен — настолько, насколько может быть безупречен чужой язык. Испорти его. Говори бессвязно и неловко, как двухлетний ребенок. Ты понял меня?

— Да, сэй Ян Шань.

— Тогда иди собирайся. Вы отправитесь в путь сегодня же, потому что зингарцы, несомненно, уже войдут в город, когда вы будете только на полпути к нему.

Выходя, Ян Шань мельком обернулся на туманную сферу шара — и невольно вздрогнул:

оттуда смотрели на него огромные, неестественно круглые темные глаза. Повинуясь безотчетному порыву, маг подхватил с пола темный плат, которым накрывали шар, если где-то проходила гроза — иначе бы наблюдающие слепли один за другим — и накинул его на Всевидящее Око.

По ту сторону хрустала стоявший перед шаром Римьерос, хмурясь, разглядывал диковинку. Неужели ему померещилось какое-то движение внутри этого огромного слитка? Словно что-то черное мелькнуло перед глазами и исчезло.

— Барон Марко, подойдите сюда! — крикнул он, не оборачиваясь. Когда да Ронно приблизился, принц указал ему на шар и спросил: — Что это может быть, как по-вашему? Я готов биться об заклад, что точь-в-точь такой же шар мы видели у дороги сегодня рано утром.

Барон задумался

— Надо подождать, не появится ли третий, — сказал он наконец.

— Митра милосердный! — на манер деревенского говора воскликнул Римьерос и в притворном ужасе всплеснул руками. — Еще и третий! Зачем вам их столько, друг мой? Или вы думаете, что, не поняв, для чего предназначены первые два, мы все поймем, увидев третий?

— Да, мой государь, — ответил Марко со всей серьезностью.

— А если третий не появится?

— Это тоже будет ответом, — пожал плечами старый воин. — Посмотрим.

Когда к концу дня они увидели третий шар, как и первые два стоящий у дороги на массивной колонне в рост человека, Римьерос соскочил с коня и торопливо подошел ближе, надеясь здесь разглядеть то, что не успел увидеть во втором. Но на этот раз хрусталь был незамутненно-чист, закатное солнце расцветило его яркими радужными бликами.

— Так каков же ответ? Вы обещали мне ответ, барон. Что такого вы видите в третьем, чего не было в первых двух?

— Расстояние, государь. Два шара — первый и третий — расположены примерно на одинаковом расстоянии от второго. Это значит, что либо мы вышли на дорогу, ведущую прямиком в Пайканг, и шары обозначают какую-то меру длины; либо эти шары установлены вдоль дороги для какого-то магического действия.

Римьерос задумчиво выпятил нижнюю губу.

— Ну хорошо, а если бы третьего не было? — спросил он наконец.

— Тогда я уверился бы в том, что этих шаров здесь всего два и, вероятнее всего, разбил бы, ибо для чего они еще тогда могут быть кроме, как для черного колдовства? — невозмутимо ответил старый воин.

— А что мешает им всем трем быть для чьего-нибудь черного колдовства? — рассмеялся Римьерос.

— Все те же расстояния, государь. Если здесь есть колдун, власть которого распространяется на всю страну, то он, вероятнее всего, ею и правит. А в этом случае вмешиваться неразумно. Я предам духовному суду богохульника, я прогоню прочь от своего порога ведьму, но страна сама должна решать, какой правитель для нее годится, а какой нет.

Римьерос вспомнил мелькнувшую в шаре черную тень и поежился.

— Быть может, это и в самом деле лишь отсчет лиг или в чем они тут измеряют расстояния, — сказал он. — Но мне не нравятся эти шары. Они словно следят за мной, и у второго мне на миг показалось...

— Что, мой принц?

— Ничего. Так, наваждение. А слыхали вы, барон, про магов Красного Кольца? Говорят, кое в чем они превосходят даже стигийцев, поклонников Сета!

Услыхав про «наваждение», да Ронно потянул принца прочь от шара, не слушая дальнейших разглагольствований о магах и магии. Не существовало в мире вещи, к которой он относился с большей подозрительностью — исключая, быть может, только женщин. В них, был уверен барон да Ронно, еще более, чем в колдовстве, кроется корень всемирного зла.

— На всякий случай, отойдите от него подальше, государь. К тому же становится поздно. На поляне уже, наверное, разбили шатры, и я даже здесь слышу запах жаркого, идущий от костров. Пойдемте в лагерь, государь.

Шатер принца и в самом деле уже высился среди поляны на берегу реки, что текла недалеко от дороги. Римьерос пригласил да Ронно к себе и оставил ужинать, непрестанно болтая о различных магических трюках и вещицах. Барон отвечал сдержанно, но под конец трапезы тоже разговорился, и тут принц с изумлением обнаружил, что да Ронно, в отличие от него самого, знает о магии и колдунах отнюдь не понаслышке.

Ни за ужином, ни после Римьерос больше не вспоминал о таинственных шарах. Но среди ночи он вдруг проснулся и вышел, едва накинув плащ поверх рубашки. Он долго стоял перед мерцающей сферой, пытаясь восстановить ощущение пребывания в двух местах одновременно, которое посетило его в тот миг, когда перед глазами мелькнула тень. Но шар просто тихо светился в夜里, отражая и преломляя лунный и звездный свет, дробя его в своей прозрачной утробе на тончайшие лучики... Римьерос зябко передернул плечами и ушел к себе в шатер. Остаток ночи он спал на диво спокойно, и если и снилось ему что-нибудь, то наутро он об этом не помнил.

Двинувшись с рассветом в дальнейший путь, посольство не проехало и нескольких лиг, как джунгли, теснившие дорогу с обеих сторон, вдруг кончились. Прямо за ними, похожие на пестрое лоскутное одеяло, какими зингарские крестьяне занавешивают стены в земляных хижинах, начинались поля.

Последние несколько дней дорога плавно шла вниз, спускаясь с предгорий. Долина лежала еще ниже, и из леса открывался на нее великолепный вид. Подобно дороге, с гор сбегала в долину река, вдоль которой, то приближаясь, то удаляясь, они двигались все это время. В долине река замедляла бег,ширилась и разливалась на множество узких рукавов. Над ней, прочно вцепившись в дно и берега мостами, стоял небольшой город, со стороны суши обнесенный стеной. Вокруг, как цыплята вокруг наседки, ютились домишкы землепашцев. Первая зелень, едва пробившаяся на свежераспаханных полях, напоминала пушок, покрывающий щеки юноши, дома по самые крыши тонули в бело-розовом цветении.

— Что скажете, мой принц? — обернулся к Римьеросу барон, но тот уже двинул коня вперед и вниз по дороге.

— Туда! — коротко велел принц и первым пустил коня рысью.

Их словно ждали. На огромном горбатом мосту, по которому, словно нить сквозь бусину, проходила через город дорога, стояла толпа желтолицых людей. Римьерос, не ожидавший ничего подобного, резко осадил коня, но тут взмыли трубы, ударили гонги и барабаны, словом, поднялся невообразимый шум. Лошади зингарцев, немотя на то, что были привычны и к черной броне конюших, и к лязгу железа, едва не кинулись врассыпную от этой какофонии.

— Это в нашу честь! — понял наконец Римьерос и расхохотался, закинув голову. С ним засмеялись и остальные. Встречающие гостей растерянно застыли, ибо такой откровенный

смех в Кхитае выражал презрение, насмешку и вообще считался крайне оскорбительным. Музыка стихла.

— Да, если можно, больше не гремите так, — снова рассмеялся Римьерос.

Его ничуть не смущало, что все эти люди, по-видимому, не понимали ни слова из того, что он говорил. Увидев, что теперь он улыбается, толпа музыкантов облегченно вздохнула. Несколько старцев с жесткими и тонкими, как волокна непряденного льна бородами, шагнули вперед и низко поклонились принцу, справедливо рассудив, что он — главный в отряде. В ответ на это Римьерос соскочил с коня и отдал церемонный изящный поклон, положив руку на эфес меча.

Снова повисла напряженная пауза. Старики переглянулись, и барон да Ронно, почувствовав неладное, заступил принца.

Но тут из толпы встречающих вышла, как показалось Римьеросу, девочка лет пятнадцати. (Позже выяснилось, что это — жена градоправителя, и что прошлой весной ей исполнилось двадцать пять.) В руках у нее был поднос, полный душистых нежно-розовых лепестков. Онасыпала ими Римьероса с головы до ног, и тому очень понравился такой обряд встречи. Он улыбнулся и высипал оставшуюся на подносе последнюю горсть лепестков на нее. Она рассмеялась — смех этот прозвучал иначе, чем иной когда-либо слышанный Римьеросом женский смех — и прищелкнула пальцами. Толпа расступилась, пропуская стайку диковинных птиц — а, быть может, бабочек. Во всяком случае, на людей эти девушки походили мало, скорее уж — на небожительниц. Их было много, по трое на каждого рыцаря. Градоправитель, высокочтимый сэй Тхикон Фэн, специально набрал достаточное их количество в окрестных поселениях. Если бы зингарцы меньше истосковались по женскому обществу, они бы, наверное, задумались над тем, откуда градоправителю стало известно точное число рыцарей в отряде. Обратил на это внимание только барон Марко, и то много времени спустя. А в тот миг они, не заботясь о менее насущных делах, оставили лошадей и повозки на слуг, а сами вошли вслед за девушками в низкий длинный дом без окон, из двери которого, едва ее открыли, повалил пар.

Девушки знали свое дело. Не успели еще слуги разместиться в указанном им крыле Гостевого Дома, как вымуштрованный самим Марко да Ронно отряд можно было бы взять голыми руками. Каждый город из Ожерелья Великого Пути на площади перед дворцом градоправителя имел специально устроенный дом, который мог принять одновременно три-четыре каравана. Такой Гостевой Дом включал в себя множество различных построек, от конюшен и стойл для быков и верблюдов до огромных бань, в чьих каменных печах день и ночь полыхал огонь. За банями шел трапезный зал высотой в «две крыши», самое большое помещение Гостевого Дома, далее, соединенные между собой галереями, размещались дворы с навесами — общие спальни слуг — и двухэтажные небольшие домики с плоскими крышами-террасами. Комнаты в этих домиках могли быть как дешевым ночлегом для двоих бедных влюбленных, так и пышными апартаментами для какого-нибудь заезжего богача. Мужчин в этом доме обслуживали исключительно юные девушки, а женщин — мальчики с чистой, еще нетронутой бритвой кожей. И те, и другие жили здесь же, при Гостевом Доме, ровно три года — с тринадцати до шестнадцати лет. Здесь их обучали танцам, науке любви, музыке и живописи. Пребывание в Гостевом Доме считалось превосходным воспитанием, и не каждый отец мог позволить себе роскошь отправить ребенка в такую школу.

Вымыв и доведя мужчин до полного изнеможения, девушки оставили их отдыхать в бассейнах с прохладной ароматной водой, а сами взялись собирать на стол в огромном зале с

резными потолочными балками. Пол в нем был застелен множеством слоев пружинящих плетеных циновок, так что те, кто находил в себе еще силы, мог продолжить любовные забавы.

После трапезы, длившейся довольно долго, ибо разносившие кушанья и вина прелестницы были одеты лишь в собственную кожу, гостей проводили на отдых в приготовленные для них комнаты. Римьерос, пребывавший от такого приема в совершеннейшем изумлении и восторге, расположился в своих комнатах на подушках и велел одному из пажей пригласить к нему барона Марко, если тот еще не заснул, как собирался.

Барон не замедлил явиться, хоть вид у него и был несколько заспанный.

— Что угодно моему государю? — спросил он с порога.

— Общества друга! — весело отозвался принц. — Надеюсь, вас не слишком утомили эти жрицы полногрудой Иштар? Клянусь ее милостями, я и забыл, как истосковался за год по подобным вещам! Не хотите ли распить со мной бутыль аргосского вина, барон? Это — последняя.

Он смеялся, покуда паж разливал вино по кубкам, после чего принц махнул ему рукой, разрешая удалиться. Это означало, что речь пойдет не о пустяках, и барон Марко, хоть и с трудом, но выпрямился в кресле.

— Что вы думаете обо всем этом, друг мой? — спросил принц совершенно другим тоном, серьезным и даже немного мрачным. — Что вы думаете о том, что первый же город, в который мы вступили, принял нас как желанных гостей? Я проследил, чтобы от всех кушаний, которые мне подавали, сначала пробовала какая-нибудь из девушек. Я не понимаю этого радушия. Или, увидев наше яркое шествие, они приняли нас за богачей и теперь надеются, что мы хорошо заплатим?

— Нет, — покачал головой да Ронно. — Это как раз обычай. Здесь, я думаю, так встречают каждого, кто пришел из-за гор. Я слыхал от турецких и вендейских купцов, что в Китае принято встречать чужестранцев как королей — но только первые три дня. По истечении их гость обязан за все расплачиваться золотом — и многие, единожды вкусив от этого плода, платят... — Он помолчал, прихлебывая вино, затем продолжил: — Нет, меня настороживает иное. Они не попытались выяснить, кто мы такие, не попытались найти человека, который мог бы с нами объясняться, они не задали ни одного вопроса! И в то же время мгновенно отделили слуг от господ, хотя ваши пажи, мой принц, одеты не хуже, чем любой рыцарь в нашем отряде. Откуда они знают, кто мы такие? Откуда знали, что мы приедем этим утром? Ведь они уже стояли на мосту, когда мы выехали из джунглей. Вот что настороживает меня, государь. Очень плохо, что никто из них, по-видимому, не знает ни слова по-зингарски...

Ширма, каким-то образом передвигавшаяся вдоль стены и служившая в комнате дверью, отодвинулась, и паж с поклоном доложил:

— К вам люди, мой принц. Кажется, это здешние власти. Один из них говорит по-аквилонски. Прикажете впустить?

— Вот оно! — заявил барон с неожиданной мрачностью. — Почему именно по-аквилонски, а не по-турецки? За все это время они не услышали от нас ни слова!

— Полно, дорогой друг, ваша подозрительность становится чрезмерной, — отозвался принц. — То, что мы — не туранцы и не вендейцы, видно, я полагаю, всякому. Ваш рассказ о том, как здесь вытягивают деньги из чужестранцев, совершенно меня успокоил. Это просто прекрасно, что они потрудились добить нам переводчика. Ну, сами посудите, где бы мы его

искали?

Барон покачал головой, но промолчал.

— Пусть войдут, — разрешил принц.

В просторную комнату вошло пятеро или шестеро кхитайцев, одетых причудливо и богато. Римьерос уже заметил, что на Востоке принято одеваться так, чтобы ткань ниспадала мягкими складками. В Туране и Вендии богачи щеголяли парчой и расшитым бархатом, чьи краски были столь ярки, что болели глаза. Здесь же главным украшением ткани была вышивка — и долгополые халаты позволяли любоваться целыми картинами, вышитыми разноцветным шелком и золотом. Если по подолу такого халата были вышиты играющие тигры, то на ходу казалось, будто картинки движутся.

Вошедшие были преклонного возраста — кроме одного, совсем юноши. Один из посетителей, в высокой черной шапке, поклонился и нараспев сказал что-то высоким, чуть дребезжащим голосом. Он умолк, и зингарцы услышали другой голос, с теми же интонациями и неестественно высокими нотами. В первый миг они не поняли ни слова, а во второй — расхохотались. Потому что перевод юноши звучал так:

— Начальника горотьских стен и мос্�тов радусся видеть высоки гости.

— Клянусь Митрой! А я так долго придумывал приветственную речь! — вскричал Римьерос, едва не плача от хохота. — До чего же, наверное, глупо мы выглядим! Ну, что мне ему сказать? Надеюсь, по-кхитайски он говорит лучше, и мои слова не будут звучать для них так же ужасно?

— Возьмите себя в руки, государь, — отозвался барон Марко, уже успокоившийся. — Помните, что вы сейчас — вся Зингара.

Римьерос перестал смеяться и со всей серьезностью поклонился старику в высокой шапке:

— Я рад, господа, что первый город, который я увидел в Кхитае, был именно этот. Я — принц Римьерос, герцог Лара, брат короля Зингары. Мой государь послал меня с дарами и приветствием к вашему императору, дабы две наши великие державы стали немного ближе друг к другу.

Юноша перевел. Римьерос остался вполне доволен — по-кхитайски его речь прозвучала с приличествующей случаю торжественностью и важностью. Но едва молодой кхитаец заговорил по-аквилонски, принц снова еле удержался от смеха.

— Моя есть Моу Па. Императора послала моя проводить гости ситолицца. Моя есть мала-мала хайбэй Императора, но пришла гости, и моя будити казать за гости. Начальника горотьских стен и мос্�тов типей звать зингасски княси и свита во двоесси.

— Это бесподобно, — пробормотал Римьерос. А вслух спросил: — А что такое «хайбэй»?

Юноша задумался. Из последовавшего объяснения принц не понял ничего, уяснив лишь, что это нечто очень близкое к Императору — и удовлетворился таким ответом.

Предложение отужинать во дворце градоправителя было встречено с благосклонностью. Римьерос и его рыцари во всем блеске появились в огромном с низким потолком зале. Кхитайцы были в среднем на голову ниже любого из гостей, и молодые гранды выглядели среди них парусниками в окружении маленьких баркасов.

Римьерос, сидевший по левую руку от градоправителя — от Моу Па он уже знал, что это самое почетное место за столом, — довольно быстро привык к несколько странной речи переводчика. Произнося свою несуразицу, юноша был невероятно серьезен. Для него это был

настоящий труд — строить фразы так, чтобы они казались зингарцу забавными и неправильными. С каким бы облегчением перешел он с ломаного языка на настоящий! Но он утешал себя тем, что витиеватые фразы Римьероса, который, разумеется, и не подумал упростить свою речь ради плохого переводчика, звучали в его изложении не менее красиво, чем по-аквилонски.

Сэй Тхикон Фэн расспрашивал принца о том, хорошо ли прошло путешествие, много ли человек погибло в пути и можно ли добраться до Зингары морем; Римьерос отвечал сдержанно, боясь сказать лишнее. Когда речь зашла о разбойниках, часто тревожащих караваны, он, улыбаясь, ответил, что вряд ли същется разбойник, — или даже шайка — который отважится напасть на отряд в триста человек.

— Король Зингары, посылая меня к вашему повелителю, предусмотрел возможность нападения, — заметил он. — Мы проходили по очень опасным местам. Но доставили дар короля в целости и сохранности.

На это градоправитель со вздохом заметил, что бывают разбойники не столько сильные, сколько ловкие. Вот, к примеру, не далее как вчера кто-то забрался в городскую сокровищницу и вынес оттуда все, что счел ценным. Причем разбойник, как видно, был из-за гор, поскольку действительно ценных вещей — двадцати свитков живописи, предназначенных в дар Императрице на грядущем Празднике Весенней Луны — не тронул, забрав только золотые безделушки Заинтересованный, Римьерос начал расспрашивать, но ему мало что могли рассказать. Известно лишь, что этот вор очень ловок и обладает поистине чудовищной силой, пожаловался градоправитель. Ибо прутья клетки, ограждавшей сокровищницу, были отогнуты, а тигр, охранявший ее, — пойман удавкой и привязан к прутьям, едва ли не задушенный.

Римьерос прикусил губу, вспомнив чудовищные бугры мышц киммерийца, и спросил:

— А не видали вы здесь человека с запада, синеглазого, черноволосого и очень высокого? Он, быть может, странствует не один, но с такими же чужестранцами, как и он. Не думаете ли вы, что это — его рук дело? У меня на родине он известен как самый отпетый разбойник и вор.

Да, последовал ответ, два или три дня назад здесь проходило четверо чужестранцев трое мужчин и одна женщина И один из мужчин действительно был синеглаз и черноволос. Неизвестно, с запада он или с севера, но и синеглазый, и его девушка неплохо говорят по-кхитайски, так что вероятнее всего они не издалека. К тому же, они не задержались здесь и дня, проследовав дальше к столице, а кража совершена этой ночью. Так что это никак не могут быть те четверо. Ведь тогда им пришлось бы возвращаться и ночевать в джунглях, а ни один человек, воин он или землепашец, не может отважиться на такой шаг.

Римьерос только головой покачал на подобную наивность.

Глава четвертая

Дворец Ста Десяти Красных Крыш

Голубь Тридцать Четвертый:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зиигари и правителю Карских островов.

Милостью милосердного Митры мы наконец завершили то, ради чего отправились в столь далекий путь.

Сегодня утром наше высокое посольство было милостиво принято Императором Тысячи Городов, как именуют здешнего владыку. Еще его именуют Божественным, Дваждырожденным — ибо, как я узнал, со вступлением на престол Император теряет имя и как бы рождается заново. Прежнее его имя запрещено вспоминать, новое — если только оно существует — не знает никто. Таким образом, ни один маг не может причинить вреда Повелителю Звезд, ибо, не зная имени, не можешь навести ни порчу, ни сглаз.

Ты видишь, брат, я стал весьма просвещен в местных обычаях. Это — всецело заслуга нашего Моу Па, существа невероятно смешного и терпеливого. Его приставили к нам потому, что он, кажется, единственный во всей столице, кто говорит по-аквилонски. Впрочем, нет, есть еще один человек, — Верховный Саккей, как здесь называют главного советника короля. Его имя Ян Шанъ, он был весьма любезен с нами при встрече, и что интересно, манеры его скорее напоминают зингарские. В нем нет и тени этой постоянной угодливости, которая начинает так раздражать в остальных узкоглазых. Но саккей — чрезвычайно занятой человек, как нам объяснили. Так что у него, конечно, нет времени сопровождать нас повсюду, уродя аквилонский язык, как это делает наш добрейший Моу Па.

Всемилостивый Митра, если бы ты слышал, как он говорит! — Моу Па, кому посвящен вон тот высокий храм? — Мала-мала Бо Си Раствакому-то (язык можно сломать, пытаясь выговорить имена их богов), осинь грозни бога ести. Она насыпает мора, чума и болесня на бедны кхитайцы. — Мы не поняли, Моу Па, это бог или богиня? — Эта бога ести. Осинь грозни бога. Она носить ожерелью ис че-лепов миотвых. От нее ты тысси лет насат принессы Такая-то понес сына, и та сына стала перва Императора Кхитая ести.

Ты не выдержал бы с ним и дня, я выдерживаю все это уже не менее пяти дней — с последнего моего письма тебе из города на реке, не помню, как они его мне называли.

Но бедный малый старается, как может, у него вечно мученически-напряженное выражение лица. Наш язык дается ему с трудом, я же так и не могу понять по-кхитайски ни слова, даже само название страны они произносят как-то иначе.

Но оставим пока в стороне восторги путешественника. Голуби дохнут один за другим, у меня осталось их всего трое, и одного я сейчас пошлю к тебе. Вернемся к моему визиту во дворец. Кратиос, если тебе кто-нибудь еще начнет рассказывать про чудеса и богатства Кхитая, отошли его прочь. Ни один язык не в силах описать великолепия и пышности императорского дворца. По секрету скажу тебе, что наш дворец в Кордаве рядом с ним — просто лачуга. Хорошо, что немногие хайборийцы бывали в Кхитаяе — короли разорили бы свои народы, пытаясь выстроить себе с их слов что-либо подобное.

Прежде всего: дворец этот огромен. Его называют Дворцом Ста Десяти Красных Крыш — брат мой, это не преувеличение. Он находится не совсем в городе, а как бы в своем государстве — на островах посреди реки, на которой стоит столица. Это действительно большие сотни домов, один другого краше. Здесь живет сам император, его семья, его слуги и некоторые сановники. Во дворце же находится и множество государственных служб, как-то: суды, торговая палата и прочее. От дома к дому через острова тянутся бесконечные мостики и галереи, выкрашенные в яркие цвета, а иногда сделанные из ценных пород дерева. Арки ворот этих мостиков высечены из глыб нефрита, бирюзы и яшмы, и всюду — драконы. Этот город недаром называют Городом Тысячи Драконов. Как друиды пиктов верят, что каждое дерево имеет душу, так здесь жрецы Падды каждой живой твари дарят дракона-покровителя. Есть драконы огня, земли, воздуха и воды, каждая из этих разновидностей делится еще на сотни. Во всяком случае, я уже сталкивался с Драконами Травы и Драконами Облаков.

Драконом, кстати, называют здесь и моего нового знакомца, Конана. Он прибыл в столицу чуть раньше меня, и теперь только и слышно, что о Сияющем Полуночном Драконе, чья шайка уже совершила несколько ограблений, немыслимых по дерзости и изобретательности. Представь себе только, что он сделал, чтобы обокрасть дом Верховного Жреца: как ни мало у меня осталось голубей, я все же расскажу тебе об этом. Дело в том, что они тут все весной просто сходят с ума — что ни день, то у них по весне какой-нибудь праздник. Праздник Первой Травы, праздник Урожайной Луны, праздник Солнцестояния. Есть среди этого и праздник, посвященный прилету птиц. Первые соловьи появляются в Кхитае рано, гораздо раньше, чем у нас. Сейчас здесь цветут миндаль и вишня, город удивительно наряжен в этом убore. Я и представить себе раньше не мог, что можно объединить город и плодовый сад, ведь у нас города — один лишь камень, а здесь все просто утопает в зелени. И вот где-то на ближайшие десять дней приходится праздник Птичьего Прилета — если я правильно понял Моу Па. Так вот Конан со своей шайкой выбрался за город, наловил три десятка соловьев и выпустил в саду Верховного Жреца.

И вся прислуга, все домочадцы, весь дом от мала до велика вылез в сад и ночь напролет восхищенно внимал их свисту и чириканью. А знаменитый Амра тем временем пресколько вынес из дома все, что смог унести.

Я чуть не умер от хохота, когда наш смешной Моу Па, скривив постную мину, рассказывал мне об этом. Надо же было додуматься до такого, да еще иметь терпение изловить столько птиц! Право же, я начинаю восхищаться этим человеком. Но еще удивительнее показалось мне то, что Верховный Жрец, узнав об ограблении, будто бы пожал плечами и сказал: «Что с того, зато какая это была ночь!» По-моему, это уже легенда, но если это — правда, тогда он либо величайший мудрец, либо величайший болван. Я, кстати, постоянно сталкиваюсь здесь с тем, что не знаю, как воспринимать слова и поступки этих людей — как слова и поступки небожителей, уже почти не принадлежащих нашему суетному миру, или как детский лепет. Право же, любой бы на моем месте растерялся...»

Римьерос отложил перо и принялся перечитывать написанное. Затем скомкал лист и бросил в угол. Отправлять брату подобное письмо означало вызвать его в лучшем случае недоумение, а в худшем — настоящий гнев. Вовсе не за цветущими вишнями и городскими

сплетнями посыпал он в Кхитай младшего брата. Он ждал рассказа о том, как встретили дар, как восприняли появление зингарского посольства.

Но при всем желании не смог бы Римьерос рассказать ему об этом. Странное чувство раздвоенности, поселившееся в нем с той ночи, когда он смотрел в хрустальный шар и видел в нем опрокинутые в бездонность неба звезды, не оставляло его теперь ни на миг.

Сам прием прошел великолепно. Три дня дороги Моу Па без умолку болтал на своем жутком аквилонском, рассказывая о Кхитае, столице, обычаях и нравах отдельных провинций и прочем. Большая часть сведений о торговле, армии, городах и прочем была выужена именно из этих его рассказов. Но иногда Римьерос задавал себе вопрос: а есть ли хоть слово правды во всех его историях? И в то же время все жесты и слова переводчика были так искренни и даже немного наивны...

Как видно, он и впрямь был в милости у Императора, потому что, сопровождая Римьероса, как отметил барон Марко, был «вхож решительно повсюду». И это тоже ни с чем не вязалось, пока зингарец не узнал наконец, кто такие эти юноши в одеждах цвета первой зелени. Личная охрана, послы и слуги Императора, дети знатнейших семей, воины и поэты. Узнав об этом, Римьерос как следует пригляделся к переводчику — и окончательно уверился в том, что тот далеко не так прост, как хочет казаться.

В который раз повторял себе принц, что миссия его исполнена блестяще, что большего почета, вероятно, не был удостоен никто из чужестранцев: его и барона Марко поселили непосредственно во дворце Императора, вернее, одном из его дворцов. Им отвели роскошные покои, светлые, с огромными окнами, в которые лезли цветущими ветвями персики и вишни. Их слуги расположились здесь же, на втором этаже; вместе с ними, в отдельной маленькой каморке под самой крышей, поселился Моу Па — чтобы быть всегда под рукой. Остальных зингарцев разместили немного скромнее, но тоже на Островах.

В столицу они вступили под вечер второго дня пути, и следующий день ушел на то, чтобы отмыться и привести себя в порядок перед посещением Императора. Наутро он проснулся необычайно рано и уже не мог уснуть, маясь бездельем до самого полудня, пока не явились чиновники и царедворцы — сопровождать послов во дворец.

Обойдя накануне в сопровождении Моу Па небольшую часть острова, Римьерос уже был несколько подготовлен к тому, что он увидит в парадных залах. И все же он был уничтожен, сражен и раздавлен, хотя по словам да Ровно держался великолепно. Принц не знал, как это выглядело со стороны, но он постоянно одергивал себя, стараясь не крутить головой в тщетной попытке разглядеть все разом. Дворец Приемов более всего походил на немыслимо увеличенную драгоценную игрушку какой-нибудь принцессы: сказочный домик, искусное творение ювелиров. Повсюду здесь было золото, слоновая кость и яшма. В самом тронном зале наборной мозаикой был выложен пол, рисунок изображал все тех же драконов, но синим цветом служила здесь бирюза, желтым — золото, а белым — слоновая кость. Глаза извивающихся в вечном танце немыслимых тварей были сделаны из крупных рубинов и изумрудов, и по всему этому ходили люди, ходили каждый день, и не в мягких кожаных туфлях, а в деревянных или плетеных сандалиях. А в тот день, день приема послов с другого края света, из далекой Зингары, мозаичный рисунок лишь угадывался, на две трети скрытый длинными подолами расшитых накидок чиновников и придворных всех рангов и возрастов.

Оставалось только одно: принять скучающий вид и идти прямо по этим плиткам, словно дома он только тем и занимался, что топтал драгоценности.

Римьерос, вспомнив, что он сын и брат королей, выпрямил спину, закинул назад голову

и весь прием сохранял на лице надменно-спокойное выражение, хотя Митра свидетель, давалось это ему с трудом. Он как раз с беспокойством думал, сможет ли удержаться от улыбки при каком-нибудь очередном особенно удачном выражении Моу Па, как в зал вошел сам Император и под звон большого гонга воссел на нефритовый трон.

Римьерос сдержанно поклонился.

— Король Зингары в знак дружбы и доброго расположения посыпает великому императору Кхитая дар, который, я надеюсь, будет в глазах владыки ценнее золота и сверкающих камней, — он еще раз склонил голову и махнул рукой четверым слугам, тащившим за ним ларец.

Те поставили его перед тронным возвышением и поспешно удалились. Римьерос, в окружении десяти своих рыцарей, ждал ответа.

Император молча поднялся с трона и подошел к ларцу. Подбежали двое слуг и откинули крышку. Римьерос с замирающим сердцем следил за выражением лица Повелителя Звезд, но оно было непроницаемо, как восковая маска. Человек, стоявший слева от трона владыки, издал какое-то восклицание и тоже подошел к ларцу.

— Ян Шань, саккей Императора и великий маг, — прошептал принцу в самое ухо Моу Па.

Император наконец оторвался от созерцания привезенного сокровища и заговорил.

Римьерос вопросительно обернулся к переводчику, но тот только молча указал взглядом на Ян Шаня, уже доставшего из ларца один из свитков, словно ему нетер-пелось рассмотреть их поближе.

— Дважды рожденный благодарит вас, взявших на себя труд вернуть нам давно потерянное сокровище, — чистым и звучным голосом возвестил Ян Шань на превосходном аквилонском языке, и по его горящим глазам было видно, что о потере этого сокровища он сокрушался больше, чем сам император. — И тем ценнее этот дар в наших глазах, что ради него вы проделали долгий путь с самого края Мира. Поистине далеко должны видеть глаза короля, который так внимателен к вещи, для него, вероятно, не имеющей никакой ценности. Мы благодарны вам за тот долг, который вы на нас таким образом наложили, ибо долг вежливости и дружеского отношения всегда приятен. Отдыхайте теперь после тягот и трудов пути. Император выражает надежду, что вы побудете нашими гостями — хотя бы недолгое время.

На этом прием был окончен. Римьерос чувствовал себя немного отомщенным. От короля Зингары явно не ожидали такого дара. Кратиос был прав — ни камнями, ни золотом невозможно было удивить этих людей. Но древняя кхитайская рукопись, один лишь Митра знает как попавшая в обширные подвалы Старого замка и пролежавшая там по меньшей мере сотню лет, могла заинтересовать их — если не ценностью и редкостью, то хотя бы необычностью и широтой жеста.

Они поразили его, он поразил их.

Позже Моу Па с улыбкой пояснил ему, что большой тронный зал делался специально для того, чтобы поражать. Дворец Приемов строился не один десяток лет, а на то, чтобы достойно украсить его залы, ушла жизнь не одного поколения мастеров. Сами же жилые покои императора выглядели точь-в-точь так же, как те комнаты, в которых поселили принца — ничего лишнего, раздвижные окна и двери, пестрые циновки ишелка на стенах.

Римьерос выглянул в окно. Царил жаркий весенний день, даже, пожалуй, слишком жаркий для этого времени года. Острова словно плыли в золотистой ароматной дымке. Где-

то там, за густой ее завесой, было такое же раскрытое настежь окно, и в него сейчас, быть может, тоже кто-то смотрел на сад и неспешно текущие воды реки.

Ян Шань поспешно отвернулся. Он слишком хорошо знал это чувство — словно наползающая тяжкая туча, накатывало оно на него с того дня, как зингарец пересек границу Кхитая. Что-то было связано с этим человеком, какие-то силы плели вокруг него свою сеть, и в этой сети Ян Шань мог оказаться как пауком, так и мухой. Не случайно же он который раз сталкивается мысленным взором с этим юношем, наивно полагающим, что это он движет событиями, а не события им. Но дело могло обернуться и так, что события эти подхватят и увлекут не только зингарца, но и самого Ян Шаня, а этого допускать было ни в коем случае нельзя.

— Раз уж ты здесь, Моу Па, разотри мне палочку туши, — обратился Император к юноше, пришедшему доложить том, что поделяют гости. — Я редко тебя теперь вижу, но ты ведь все-таки еще мой хайбэй, не так ли?

Моу Па низко склонил голову.

— Я буду счастлив избавиться от этих людей и снова служить Повелителю Звезд, — сказал он тихо, находя на привычном месте шкатулку с кистями и тушью. — Не прошло и пяти дней, как яхожу среди них, и с того времени у меня такое чувство, что я живу в душном и плохом сне.

Ян Шань посмотрел искоса на склонившегося над лаковым столиком юношем. «Этот мальчик недаром любимец Императора, — подумал он. — Вот сейчас он дал название тому, что я ощущаю уже с новолуния, но никак не могу верно определить». Он спрятал зябнущие руки в рукавах халата и повторил свой вопрос:

— Так как же все-таки хочет Император наградить послов?

Император, полуприкрыв веки, следил за тем, как Моу Па старательно растирает тушь.

— Эти свитки и в самом деле представляют такую ценность? — негромко спросил он.

— О да, — с жаром ответил Ян Шань. — Даже если не все в них принадлежит великой кисти Кан Фу Ци, то, что я успел разобрать, совершенно бесценно. Но наши знатоки рукописей осмотрят эти свитки и скажут точно. Хотел бы я знать, как этот ларец попал в Зингару?

— К чему гадать? — отозвался Император. — Главное, что он теперь здесь. Вы оба, побывавшие на западе, скажите мне, что столь же ценно в глазах человека того мира?

— Золото, — криво усмехнувшись, ответил Ян Шань и глубже засунул руки в рукава. — Как-то мне нынче зябко» Золото и драгоценные камни.

Моу Па подождал еще немного, желая удостовериться, что старший закончил свою мысль, и только после этого кивнул:

— Да, золото и камни. Зингарец едва не обезумел в тронном зале, мне казалось, дай ему волю, и он выковыряет каждый кусочек, не думая о том, что тем самым совершенно обесценит его. Для них в золоте существует лишь вес, а в камнях — лишь величина. Красоты они не видят. Этот человек сокрушается о том, что при разделе земли — если я правильно его понял — ему досталось слишком мало. А между тем это «мало» является собою пусть небольшое, но княжество. Я едва сдержался, чтобы не сказать ему, что в конце концов ему не понадобится земли больше, чем всего лишь три дэ в длину и один — в ширину.

Старики невольно улыбнулись. Отрадно было видеть, что новое поколение впитало то понятие о ценностях, которое в их глазах отличало кхитайцев от всех остальных народов.

— Хорошо сказано, — одобрительно отозвался Ян Шань. Он помолчал, потом

вымолвил, причем недобрая улыбка исказила его губы. — Жаль, что мы не можем отдать ему княжество Тай Цзон — он был бы счастлив увезти его, а мы — избавиться от обузы и вечного соблазна.

Обузой маленькое княжество, или кайбо, чье название тай Цzon означало «Благословенный Край», было для императора, а вечным соблазном — для Ян Шаня. Княжество исправно платило все подати, но существовало само по себе, словно отдельное маленькое государство. Его жители не чтили грозных богов Кхитая, а поклонялись Святому Падде, которого называли Учителем и Пророком. Учение Падды запрещало убивать всякую живую тварь, поэтому тайцонцы не ели ни мяса, ни рыбы, а птицу разводили только ради яркого оперения. Из-за табу на убийство ни один тайцонец не был пригоден к воинской повинности. Один-единственный раз попытался Владыка Кхитая набрать рекрутов в Тай Чанре, столице княжества — и был сильно разгневан. Никакие уговоры и побои не действовали. Юноши, с виду прекрасные воины, хорошо сложенные, сильные, наотрез отказывались брать в руки оружие. Двоих из них забили насмерть, остальных пришлось вернуть родным — в весьма плачевном состоянии. |

Кроме непригодности к военной службе, которую император почитал первейшим долгом каждого верноподданного, тайцонцы вообще были непригодны к каким-либо службам. Своего кайбона они почитали чуть ли не богом, и когда бы ни пытался император переманить в столицу кого-либо из искусников Тай Цзона — а их шелка, изделия из серебра и фарфора славились далеко за пределами Кхитая, — ему неизменно отвечали отказом, ссылаясь на то, что не могут уйти от своего князя. У Ян Шаня же были свои виды на это княжество. В джунглях, к югу и юго-востоку от Тай Чанры, все еще сохранились руины двух древнейших городов. О народе, населявшем эти города, было почти ничего не известно, кроме того, что правители их, как и кайбон Тай Цзона, объединяли в себе власть и духовную, и светскую. Еще сумел Ян Шань разузнать, что поклонялся этот народ не какому-то конкретному богу, а Великому Равновесию, и жрецы этого культа были самыми искусными магами мира.

Ян Шань несколько раз пытался проникнуть в эти города и разыскать храмы, и однажды ему даже удалось вскрыть один из них. Но путь к сокровищнице ему преградили силы, противоборствовать которым он не смог. Из тьмы древности поднялись жрецы культа и едва не уничтожили дерзкого мага. Все, что ему удалось сделать, это усыпить их на сорок лет — и срок этому сну уже подходил к концу.

А виной этому всему — и неприступности храмов, и дерзости тайцонцев — была династия князей Тай, вот уже тринацать поколений правившая в этом княжестве. От отца к сыну переходил в династии некий магический дар — и справиться с непокорным княжеством и его владыками не было никакой возможности.

— Очень жаль, — повторил Ян Шань. — Лучше бы его не было вовсе, чем так.

Император, до того лежавший на подушках, внезапно сел с видом человека, осененного великолепной идеей.

— Почему же не можем? — с расстановкой сказал он. — Отдать нетрудно, пусть возьмет — если только сумеет. Сто воинов, закованных в тяжелые латы — это немалая сила. А ради того, чтобы покорить наконец этих строптивых, я добавил бы ему еще сотню, а то и две

Ян Шань искоса посмотрел на Моу Па — тот с отсутствующим видом возился с кистями.

— О чем это говорит мой Повелитель? — негромко молвил маг. — Чем нам прельстить зингарца, чтобы заставить его двинуть своих воинов на Благословенную Землю? Нет там ни золота, ни камней. Земля щедра, это правда, но что ему до того? Не останется же он здесь жить?

— А мы ему скажем про храмы в джунглях, — все так же неспешно, даже нараспев проговорил Император. — Помнится, ключ от ловушки одного из них у тебя, Ян Шань, где-то был. Одного ему хватит с лихвой, остальные же три будут наши. Равно как и серебряный рудник в их горах.

— Покойный кайбон, отец Тай Юэня, уже выстоял против одного похода, — возразил Ян Шань, сам принимавший участие в той бесславной битве. — За его родом стоит древняя сила Благословенной Земли. Чудом тогда удалось мне усыпить Четверых, я едва не погиб в том противоборстве.

— Ты был тогда молод и неопытен, — заметил Император. — Сам же Тай Юэнь сейчас слаб, болезнь подорвала его силы, а сын его слишком мал. Что мы потеряем, если попробуем еще раз?

Ян Шань задумчиво хмурил брови.

— Воистину, ничего, Повелитель. Но если зингарец не вернется, что мы скажем его брату, королю?

— Что же он за воин, если не сможет взять с тремя сотнями маленький клочок земли, жителям которого запрещено убивать? — лукаво улыбнулся Император. — К тому же, если их и вправду трое братьев, король

Зингары будет только рад смерти возможного убийцы его сыновей. Дай мне кисть и бумагу, Моу Па. Близится вечер, а я еще не отправил письма госпоже Старшой Жрице. Она будет рада, если его доставишь именно ты, она всегда тебя отмечала…

Он начертал несколько строк на листе и, свернув его, отдал юноше,

— Вложи в него цветущую ветку, когда пойдешь мимо той вишни, что растет здесь под окнами. А зингарскому принцу скажи, что Император будет ждать его завтра во Дворце Приемов. Я все равно пришлю за ним утром — ему нравятся пышные шествия, — но обрадовать ты можешь его уже сегодня. Что с тобой? Ты краснеешь, словно мальчик.

Моу Па смущенно улыбнулся.

— Я очень давно не видел госпожу Старшую Жрицу, — пробормотал он.

— Ну так ступай повидай ее, — рассмеялся Император. — Иди. Но если будет ответ, непременно принеси его еще сегодня, даже если она будет сочинять его до полуночи.

Юноша с почтительным поклоном принял письмо и, пятаясь, вышел из покоев Императора. Щеки его и в самом деле пылали, но вовсе не от того, что ему сейчас предстояла встреча с нареченной матерью.

Император собирается отдать зингарцу Тай Цзон!

Он повторял эту фразу про себя, пока она не утратила смысла, а сам он, оступившись на мостики, едва не свалился в воду. Тогда он спустился к реке, ополоснул лицо и напился.

Император собирается отдать зингарцу Тай Цзон.

Полное имя юноши было Тай Моу Па, и знал об этом Ян Шань и Император, он не только не присутствовал бы при их беседе, но и, вероятно, никогда не стал бы хайбэем. Госпожа Старшая Жрица, усыновившая его после смерти матери, с которой была дружна с детства, вводя приемного сына во дворец, благоразумно умолчала о том, откуда родом красивый юноша. А ее протекции было достаточно, чтобы никто его об этом не спросил.

Тай Моу Па, в полном смятении чувств, отнес Старшему Жрице письмо, дождался ответа, доставил его Императору вкупе с приложенным даром к празднику Весенней Луны — тонкой тростниковой флейтой, и лишь после этого смог отправиться к себе.

Время было уже за полночь. Из своей шкатулки с письменными принадлежностями он достал кисть и тушь, разложил на крыше шкатулки лист бумаги и принялся быстро писать. Но тут снизу до него донесся какой-то невнятный шум, он насторожился и поспешил убрал начатое письмо.

Шум внизу объяснялся просто: незадолго до возвращения Моу Па к Риммеросу пришел гонец с посланием от Ян Шаня. В послании коротко говорилось о том, что Император намерен подарить принцу за принесенное сокровище целое княжество, с которым принц может поступить по своему усмотрению. Но сперва это княжество надо будет завоевать, и потому принцу при завтрашнем визите следует настаивать, чтобы Божественный дал ему в придачу к его рыцарям еще две сотни лучников. После того, как Император даст на это согласие, Ян Шань будет ждать принца в храме Во Лян богини войны и охоты, куда вечером тайно проводит его Моу Па, ибо будет лучше, если об этом визите никто не будет знать.

Прочтя это письмо, Риммерос в отрешенной задумчивости уставился в угол, пытаясь из нескольких скучных строк понять, не злая ли это шутка придворного мага. Взгляд его зацепился за скомканный и брошенный лист. Он уже забыл о своей утренней неудачной попытке описать брату прием и потому с некоторым недоумением разгладил бумагу и прочел, словно не его рука выводила эти строки:

«Высокородный принц Риммерос, герцог Ла-ра — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингари и правителю Карских островов.

Милостью милосердного Митры ми наконец завершили то, ради чего отправились в столь далекий путь...»

Принц оглушительно расхохотался и, выкрикивая: «Брат мой король!» — подскочил к клетке с голубями, которую распорядился поставить в своих комнатах. Вытащив из клетки отчаянно бьющуюся птицу — она была предпоследней из пестрых — он в каком-то диком упоении одним движением руки свернул ей шею.

Глава пятая

Щедрость Императора и бескорыстие мага

«Тай Моу Па — саккею Тринадцатого кай-бона княжества Тай Цзон, Тай Кип Бо.

Нынче вечером я получил известие, повергшее меня в ужас и смятение.

Ко двору Императора прибыл недавно чужестранец, знатный, но бедный землями. Он привез Повелителю Звезд в дар некую редкость, весьма ценную, за каковую редкость Император хочет пожаловать чужестранцу наше княжество, Тай Цзон. Узнал я об этом случайно, но из первых рук, и спешу уведомить об этом князя нашего, Тай Юэня и тебя, высокоочтимый. Будучи постоянно на виду, я не могу сам спешно исчезнуть из столицы и потому призываю тебя сюда. У зингарца сотня своих мечников, весьма искусных, и Повелитель намерен дать ему еще две сотни лучников из кхитайской армии. Выйдут они не ранее, как через несколько дней. Торопись так, как только возможно».

Выведя последний знак неровно, волнуясь и пачкаясь в туши, он оттиснул вверху свой перстень-печатку, сложил лист голубком и, подойдя к окну, тихонько свистнул.

Из темноты послышался ответный негромкий свист. Моу Па запустил голубка, и снизу вынырнула на свет грязная мальчишечья рожица.

— Скорее, Чу! — шепотом крикнул Моу Па. — Возьми моего жеребца в конюшне, ты знаешь, где. Чтобы через два дня ты был уже в Тай Чанре!

Мальчишка радостно кивнул и исчез. Едва Моу Па успел отойти от окна, как с лестницы послышались шаги, и голос Римьероса позвал из-за двери:

— Моу Па, ты не спиши еще?

— Ниэт, — ответил Моу Па как мог ленивее, изображая сонливость и потягивание.

— Тогда спустись к нам. Только тихо, чтобы тебя никто не видел и не слышал.

Соблюдая все предосторожности, Моу Па проскользнул в покой принца и замер у порога, чуть склонившись.

— Ты хорошо знаешь Кхитай? — спросил принц. Он нервно вышагивал по комнате, не подозревая, что очень похож сейчас на собственного брата.

— Мала-мала знаесси, — ответил переводчик.

— Что такое княжество Тай Цэ.. Дз.. Ну, то, что вы переводите как «страна благословенного покоя»?

Надежда затеплилась в душе Моу Па. Быть может, если убедить принца, что княжество мало и бедно, он не захочет принимать такой дар?

От волнения он едва не забыл про свой ломанный аквилонский.

— Тай Цзон — кайбо мала-мала ести. Люди самеш-ные — тарава едят.

— Как это — траву едят? — не понял зингарец. — Лотосоеды, что ли?

Видя искреннее изумление переводчика, Римьерос пояснил:

— Я не знаю, как это у вас называется. Те, которые едят или нюхают черный лотос и грезят от этого наяву.

— Ниэт, ниэт, — замотал головой Моу Па. — Тарава, которая растет. Жука, личинка, жаба. Птица — ниэт, мяса — ниэт, одна тарава.

— Кажется, я понял, — вмешался барон Марко, неизменный вечерний гость принца. — У них запрет на мясную пищу. Верно? Это значит, что они не разводят ни скота, ни птицы — скверно, мой принц,

Моу Па, на мгновение забывшиесь, обиделся:

— Разводит, все разводят! Карасивы пиро любиэт. Ма-лака любиэт. Осинь червя любиэт.

— Какого еще червя, что ты несешь?

— Селка червя. Карасивы селка.

— Ах, шелковичного червя! Пресветлый Митра, я уж подумал, что они его себе разводят на еду. А почему они не едят мяса?

— Свята Падда казн ниэт. Мяса исти — ниэт, зверя резати — ниэт, людя — този ниэт.

— Ну и местечко! — покачал головой Римьерос. — Вы слышите, да Ронно? Просто какая-то святая обитель, а не княжество! На что оно нам тогда сдалось?

— Подождите до завтра, мой принц. Кажется, вам хотел сказать что-то важное сам Ян Шань? Я уверен, не все здесь так просто, как видится на первый взгляд. Ступай к себе, Моу Па. Ты больше не нужен.

Едва за кхитайцем закрылась дверь, барон Марко заговорил:

— Государь мой, зачем вы так легковерны? Вы и в самом деле считаете, что эта рукопись — или что бы это ни было — стоит целого княжества? А если это спорные земли, и, войдя в них, мы окажемся меж двух огней? Император произвел на меня впечатление человека скорее мудрого и хитрого, чем щедрого.

— Все верно, вы же и сами слышали те ужасы, которые рассказывает Моу Па, — отозвался принц. — Но как бы ни было бедно княжество, в нем всегда найдется, что взять. Судя по всему, что я тут до сих пор видел, у нас и кхитайцев мнение о том, что имеет ценность, а что — нет, иногда расходится до прямо противоположного. Впрочем, — тут он зевнул, — в одном вы правы, мой дорогой друг. Надо дождаться завтрашнего приема и послушать, что скажет нам Ян Шань.

Барон одобрил это в высшей степени мудрое решение, и зингарцы разошлись каждый в свои покои.

Наутро принца разбудила пестрая свита, присланная ему императором. Римьероса ожидали все в том же Дворце Приемов.

Второй прием был обставлен еще пышнее первого. В присутствии множества мудрецов и просто ценителей искусства свитки были вынуты из ларца и во всеусыпанье прозвучали имена, чье несомненное авторство подтверждалось личными печатями. В найденном королем Зингары ларце, как оказалось, была собрана небольшая библиотека. То и дело раздавались восхищенные ахи и охи, и Моу Па пояснял Римьеросу, что сейчас речь идет об утраченном еще в древности трактате великого кхитайского мудреца, постигшего суть вещей, а сейчас — о безымянном повествовании древнейшего автора о великой войне между Северным Кхитаем и Южным. Война эта длилась не дни и даже не луны, а многие годы, пока наконец оба королевства не объединились в одну Поднебесную Империю посредством брака между двумя домами.

Для каждого свитка выносился отдельный футляр — лаковый или деревянный, и ветхий манускрипт со всею осторожностью помещался в него, как стигийские мумии — в свои каменные саркофаги. Римьерос следил за этой церемонией со все возрастающей скучой, как вдруг она неожиданно кончилась.

Император поднялся со своего места. Ударил огромный медный гонг. Ян Шань

возвестил волю Владыки Небесных Полей:

— Дар, доставленный нашими гостями, — бесценен. После смерти нашей от этого источника вкусят наши дети и дети наших детей, и так далее. Посему нашли мы уместным подарить высокому гостю нечто, что также могло бы служить после него его детям и детям их детей. Династия Тай в княжестве Тай Цзон клонится к закату. Тринадцатый кайбон Благословенной Земли медленно умирает. Императору было бы жаль увидеть жемчужину наших северных провинций в запустении и унынии, и потому отныне передает он право распоряжаться и княжеством, и жителями его, и всем, что есть в нем, нашему высокому гостю, потомку королей, не уступающему кай-бонам Тай Цзона ни знатностью, ни древностью рода. Вступает он в это право с того дня, как не менее луны проживет в Домена-Вершине-Горы, что находится в столице Тай Цзона, городе Тай Чанре.

Моу Па, искусно подавив легким кашлем ехидный смешок, пояснил:

— Императора хосит казать, сто нова кайбона должны увидеть в Доми все людя Тай Цзон. За одна луна людя пройдет вся.

Римьерос кивнул, — и давая понять, что услышал объяснение, и соглашаясь со здравостью этого довода.

Объявив свою высочайшую волю, Император простился с принцем, пожелал ему удачи в новой земле и сказал, что уже распорядился предоставить Римьеросу две сотни лучших своих лучников, чтобы достойно вступить в новые владения. Ян Шань, следуя за ним к большим черепаховым дверям, щепнул по-аквилонски, проходя мимо принца:

— Я жду сегодня в храме. Не ходите без оружия И Римьерос почему-то снова почувствовал себя одураченным.

Быть может, если бы не это ощущение беспомощности перед волной событий, накатывающей на него с неотвратимостью Предопределения, он вел бы себя и осмотрительнее, и осторожнее. У себя на родине он слыл человеком скрытым и хитрым, здесь же ему постоянно казалось, что его выставили нагишом напоказ перед глумящейся толпой. Это чувство, вкупе с беспомощностью, порождало дерзкое желание делать глупости всем назло. К тому же у него было ощущение, что до развязки событий еще далеко.

Поэтому, препоручив себя милосердию Митры и прихоти Случая, он, в сопровождении одного только Моу Па, без которого не нашел бы нужного храма в огромном городе, едва стемнело, отправился к Ян Шаню.

Благополучно миновав несколько весьма подозрительных мест, они подошли к темной громаде храма, Им отворил сгорбленный старик с трясущимися руками и лысой веснушчатой головой. Он сказал что-то Моу Па и взглянул искоса на принца. В остром, пронзительном взгляде урода Римьеросу почудилась насмешка. Он распрямил спину и откинулся назад голову, говоря себе: «Представь, что сейчас на твоем челе — корона Зингары.» Такие мысли ему очень помогали время от времени.

— Она говорит, что моя останется здесь, а гостя пойдет дальше, — пояснил Моу Па, от волнения не в силах поддерживать на должном уровне неправильность речи. Но Римьерос, сам крайне взволнованный, не заметил этого.

Он только сухо кивнул и пошел по темной галерее вслед за своим провожатым.

Они миновали несколько залов, свернули во множество коридоров и, как показалось принцу, два или три раза прошли мимо одного и того же зала. Если целью этих блужданий было сбить его с толку, то она была достигнута.

Наконец карлик резко свернул куда-то вбок и помчался вверх по ступеням винтовой

лестницы. Лесенка вела в круглую башню, где находилось гнездо Красного Коршуна, как иногда называли при дворе Ян Шаня.

Он любил эту башню. Еще будучи учеником великого Лян Фея, он часто сидел здесь у ног учителя, глядя на огни города внизу. Иногда в такие минуты он действительно воображал себя птицей на высокой скале, вознесенной над миром. Но за смертью учителя последовал разрыв с Алым Кольцом, стоявший ему множества томительных бессонных ночей, а затем ссылка, ожесточившая его сердце и иссушившая разум. Ничего не осталось в нем от мечтательного ребенка, грезившего о веке мудрости и всеобщей любви. С годами он понял, что и мудрость, и любовь каждый понимает по-своему, и потому выбрал себе свою любовь и мудрость. И ни разу не пожалел об этом.

Карлик вбежал в круглую комнатку башни, раздул огонь в очаге, кинул на уголья щепоть ароматной смолы.

— Я рад наконец приветствовать вас от своего имени, принц, а не с чужих слов, — сказал маг вошедшему вслед за карликом Римьеросу. — Располагайтесь. Вон то кресло должно быть вам привычно.

Римьерос сел, с наслаждением вытянувшись и свесив руки с подлокотников.

— У вас прекрасный аквилонский язык, — небрежно заметил он.

— Я владею довольно большим количеством языков и наречий, — тонко усмехнувшись, ответил хозяин. — Повторяю, я рад. Но час уже поздний, лучше, наверное, перейти сразу к делу. Скажите, как вам понравился ответный дар Императора?

— Я еще не знаю, нравится он мне или нет, — уклончиво ответил принц. — Я немного расспрашивал о нем, и мне сообщили, что это княжество бедно и слабо. Я не вижу для себя ни удовольствия, ни выгоды в том, чтобы владеть им.

Он говорил, немного растягивая слова, как это вошло с недавнего времени в моду у молодых аристократов. Ян Шань посмотрел на него несколько странным взглядом.

— Но ведь в каждом княжестве, как бы ни было оно бедно, есть чем поживиться, не так ли? Княжество и в самом деле небогато, но не потому, что в нем нет сокровищ. Едва вы приблизитесь к Тай Чанре, вы еще издали увидите золотую крышу княжеского дворца. Но они покрыли ее золотом не потому, что это — признак богатства или роскоши. Существует поверье, что таким образом в страну притягивается солнце. Римьерос недоверчиво покривил губы.

— Поверье? А что на деле? Я знаю множество случаев, когда поверье придумывалось специально ради того, чтобы придать вес чьей-нибудь прихоти.

— Из собственной прихоти вы можете вызолотить хоть весь город.

— Благодарю за ценный совет. Теперь еще остается выяснить, где достать потребное для этого количество золота.

— Ну-ну, — загадочно улыбнулся маг, — золото подчас берется неведомо откуда. Нельзя сказать, что тайцзонцы купаются в роскоши, но живут вполне достойно.

— Как я понимаю, вы и мне предлагаете зажить там вполне достойно?

— Сказать вам правду, мой принц, я уверен, что вы там не останетесь и на год.

— Почему?

— Потому что такая жизнь — размеренная, с маленькими достойными радостями, маленькими, но тоже достойными бедами — не для вас. Вы созданы для иного, более высокого жребия.

Это была лесть, причем лесть самая грубая, и не видеть этого Римьерос не мог. Но все

равно покраснел от удовольствия и пробормотал:

— Вы мне льстите, сэй Ян Шань.

— Ничуть, — со скрипучим смехом отозвался старый маг, — Пусть другие говорят, что им вздумается, но я, тоже постранствовавший на своем веку, знаю, что такое путь от Зингары до Кхитая.

Римьерос несколько оттаял.

— Но если вы так уверены, что я не задержусь в том «Благословенном Краю» надолго, то зачем хотели, чтобы я принял этот дар и затем пришел к вам?

Ян Шань откинулся в своем кресле.

— Когда-то, когда я был значительно моложе, то есть в вашем возрасте, я попытался пробраться в один из заброшенных храмов в джунглях. Дело в том, что в джунглях к юго-востоку от Тай Чанры все еще высятся древние храмы, посвященные богам, которые были старины еще тогда, когда Сэт не вылупился из своего Изначального Яйца.

Римьерос слушал мага со все возрастающим вниманием.

— Тогда я был молод и верил в свою удачу — так, как сейчас вы верите в свою. А всякая вера, как известно, бывает вознаграждена. И вот я пробрался в древний храм и обнаружил там нечто, чему до сих пор не могу найти названия. Думаю, его просто нет ни в одном из человеческих языков. Исполняющий Желания — звучит слишком грубо, к тому же, это не совсем так. Помощник в Любых Замыслах? Тоже не то. Словом, в том храме до сих пор лежит нечто, и, если я правильно понял один древний манускрипт, для каждого это нечто — разное.

— Не понимаю.

— Ну, представьте, что перед вами сундук, и вы говорите: «Хочу, чтобы он был полон золота». И он полон золота. А потом приходит, скажем, некто маг и говорит: «Хочу, чтобы в нем лежал эликсир Вечной Молодости». И в нем лежит эликсир.

Римьерос недоверчиво усмехнулся.

— А что будет, если подойдут сразу двое? Ян Шань снова скрипуче рассмеялся.

— Хороший вопрос, но я как-то никогда об этом не думал... Видимо, победит тот, чье желание сильнее.

— Кому что нужнее, да?

— Совершенно верно!

— Так вы не добрались тогда до волшебного сундучка?

— Нет, не добрался, хотя теперь у меня есть ключ. Видите ли, мой принц, с возрастом желания утрачивают силу. Только пылкость юности способна завершить задуманное... К тому же, отец нынешнего кайбона признал, что я храню в его сокровищницах, и я еле ноги унес. А дважды тудаходить нельзя. Вы это, кстати, учите.

— Вы хотите сказать, что я туда пойду?

— А почему бы и нет? Разве нет у вас заветного желания?

Римьерос задумался. Затем вскинул на хозяина темные глаза. На миг Ян Шаню снова стало не по себе, как тогда, когда они увидели друг друга в шаре.

— А что я буду должен за это сделать?

Маг рассмеялся — правда, с некоторым усилием.

— Почему же вы непременно должны за это что-то сделать? Я уже сказал вам — дважды тудаходить нельзя. Для меня этот путь закрыт, а между тем ключ от саркофагов находится тоже у меня. В этом есть некая несправедливость.

— Впервые встречаю в этой стране человека, который предлагает мне что-то даром, — покачал головой Римьерос. Недоброе ощущение полной невластиности над событиями снова зашевелилось в нем. Он пытался продолжить эту мысль, проникнуть за занавес тайны, разгадать тайные помыслы мага — но что-то противилось этому, точно хрустальная стена выросла в его сознании, разгородив его пополам. Он пытался думать — и не мог. Волю его точно высасывала зияющая черная воронка. Сил Римьероса оставалось лишь на то, чтобы слушать струящийся завораживающий голос — и соглашаться с каждым словом сак-кея

— Вы, кажется подозреваете меня в недоброте умысле? — Тонкие губы растянулись в усмешке. — Полноте, принц. Ну, сами подумайте, какая мне польза от сокровища, если я не могу его вынести из храма? Ларец, конечно, красив-

— Какой ларец? — насторожился принц. Слабость охватывала его все сильнее, и ему показалось, что он окончательно потерял нить разговора.

— Ларец-ключ. Не такой, которым отпирают обычные замки, а ключ магический. Его я добыл случайно, гораздо позже, чем все это случилось.

Римьерос по-прежнему был полон подозрений, но сомнения его по-прежнему оставались за хрустальной стеной. Он чувствовал неладное, но поделать ничего не мог.

— И вы даже не просите, чтобы я вернулся с сокровищем сюда? — сделал он последнюю попытку.

— Нет, не прошу.

— И не хотите от него даже части?

— Нет, уверяю вас, принц. Богатства мне не интересны. Я хотел лишь помочь вам. А если сам я и получу какую-то выгоду от того, что вы войдете в храм, — вам все равно не понять, что именно я получу. Это тайна, скрытая от непосвященных, и в вашем языке не найдется даже слов, чтобы описать ее. Так что каждый из нас получит нечто, что будет ему полезно — и никто не заступит другому дорогу. — Маг задумался ненадолго, затем поднялся с места. — Ладно, что спорить попусту. Давайте, я лучше принесу вам ларец. Уверяю, увидев его, вы и сами не пожелаете отказаться.

— Несите. — У принца больше не было сил сопротивляться. — Хотя я по-прежнему не понимаю, что вы затеяли...

Ему показалось, лицо мага озарилось недоброй усмешкой, но тот стремительно развернулся и исчез за занавеской, отделяющей стенную нишу, так что, возможно, это лишь почудилось Римьеросу. Покопавшись в нише, Ян Шань извлек на свет шкатулку темного дерева с торчащим в замочной скважине ключом с головкой в виде человеческого черепа.

— Вот, посмотрите, только ни в коем случае не открывайте.

Шкатулка действительно была очень красива. По деревянной полированной поверхности шел неуловимый и подвижный узор волокон. Римьерос взгляделся — и ему показалось, что темная вода подхватила его и тянет прочь, на глубину, в черные омыты забвения...

— Осторожнее, — быстро сказал Ян Шань, дотрагиваясь до его плеча. Принц вздрогнул и очнулся. — Больше не делайте так. Это опасно.

Зингарец с трудом перевел дыхание.

— Ну, по крайней мере, я убедился, что эта вещь — действительно магическая. А где находится тот храм?

— Если в полдень встать на вершине холма Тай Чан-ры, то идти надо прямо на солнце. Иных указаний, к сожалению, нет. Это еще одна причина, по которой я хотел бы отдать вам

шкатулку. Тогда я отыскал его именно в канун солнцестояния. Я не уверен, получится ли его найти в другое время года. Ну что, вы решились?

Римьерос, старательно глядя в сторону, провел пальцами по прохладному дереву. Пожалуй, даже слишком прохладному...

— Я подумаю над этим, — пообещал он. — Но я предпочел бы, чтобы сокровище ждало меня в княжестве.

— Что ж, — улыбнулся Ян Шань, показывая белоснежные зубы хищника под тонкой полоской усов. — Быть может, оно вас и ждет»

— Но вы же сами только что сказали...

— Что в Тай Цзоне нет сокровищ? Верно. И все же, одно, по меньшей мере, имеется наверняка. Тай Юань умирает. И его жена, женщина редкой красоты, остается одна...

Римьерос вспыхнул, вскочил на ноги и схватился за меч.

— Разве я сказал что-то обидное? — мягко спросил Ян Шань. — У нас принято, что вдова либо очень быстро выходит замуж, либо кончает с собой. Было бы жаль, если бы ей, чужой нам по крови, пришлось исполнять наши обычай.

— Чужой по крови? Она не кхитаянка?

— Нет, она из Турана. И при этом самая прекрасная женщина из всех, каких я когда-либо видел — а видел я немало. Разве это не сокровище?

— Мне еще... очень трудно разбираться в ваших обычаях, — пробормотал Римьерос, совершенно сбитый с толку.

Голос мага лился в уши расплавленным золотом:

— Все это стоит того, чтобы хотя бы увидеть. Ведь мы живем один раз, и жизнь коротка...

— Да, — пробормотал Римьерос зачарованно, словно снова смотрел на текущее дерево шкатулки. — Да, конечно.

— Вы обещали мне подумать. И назавтра дать согласие в присутствии Императора.

— Да, конечно.

— А теперь идите, ибо час уже поздний. Я распорядился привезти сюда вашего барона Марко, он ждет вас внизу, чтобы проводить ко дворцу. Идите.

Принц кивнул, явно не понимая, что делает.

— Вот, возьмите ее. — Ян Шань втиснул в бесчувственные руки принца шкатулку. Слушайте внимательно, и пусть каждое слово мое пребудет с вами. Вы войдете в дальний зал, самый дальний, там стоят вдоль стен четыре саркофага. Вы откроете шкатулку посреди этого зала. Только тогда, не раньше и не позднее. Запомнили?

— Я запомнил.

— Уна, проводи его, — негромко велел маг, и страшный старик, вынырнув как из-под земли, подхватил Римьероса под руки и повел вниз.

Принц шел, не чувствуя собственного тела. Но к концу витой лестницы колдовской туман почти весь выветрился из его головы. Увидев у себя в руках шкатулку, он недоуменно повертел ее в руках и, пожав плечами, чуть слышно пробормотал: «Посмотрим».

У входа в храм его и в самом деле ждал барон Марко — с двумя лошадьми. Он сказал, что Моу Па пришел и сказал, что не знает, долго ли пробудет принц у мага, а ему, Моу Па, нужно появиться до полуночи во дворце.

— Прекрасно, — отозвался Римьерос. — Превосходно. Я все решил. Мы поедем в это княжество, барон, и посмотрим, так ли оно никому не нужно, как нам пытаются внушить.

Как вы относитесь к красивым вдовам, а? Кстати, который час?

— Светает, мой принц. Скоро рассвет. Вы просидели у этого человека всю ночь.

Пораженный, Римьерос придержал коня.

— Как всю ночь? Я пробыл у него не дольше часа. Теперь настала очередь барона изумленно вскидывать брови.

— Вы пробыли у него всю ночь, мой принц. Взгляните на небо.

Звезды тускнели. На востоке небо становилось грязно-серым, теряя бархатную глубину ночи. Римьерос сглотнул.

— Не следовало мне забывать, с кем я имею дело, — пробормотал он. — Видно, я задремал у него в кресле. Что ж, в конце концов я жив, и слава Митре. Но эти его послы исполнения чего-то сокровенного...

Он оглянулся на узкое окно в башне, венчающей купол храма, похожего на туранский шлем, чья спица торчит, прямая, как стрела, из складок чалмы.

Снова взгляды их встретились, и снова Ян Шань, хоть и знал, что зингарец, скорее всего, его не увидел, поспешно отвернулся.

— Пусть идет, — устало пробормотал он. — Пусть идет со своими рыцарями на верную смерть. Лишь бы он дошел до храма и открыл шкатулку.

— Небеснорожденный даст зингарцу еще две сотни, и от Тай Чанры останутся одни дымящиеся развалины, — проскрежетал откуда-то снизу Уна.

— Да? — тонким и гневным голосом переспросил Ян Шань. — Если все так просто, как ты говоришь — тогда почему же вся императорская армия не в силах справиться с династией Тай уже тринадцать поколений? Что ты знаешь о Тай Цоне и его князьях, глупец! Пусть этот напыщенный мальчишка хотя бы избавит меня от Четырех Спящих. Проклятый Тай Юэнь, хоть и трижды болен, так или иначе вынудит его отступить, и зингарец уведет Четверых далеко на запад. Они пойдут за ним, не сомневайся! — Маг бормотал торопливо, задыхаясь, точно спешил договорить, покуда голос его не прервался, и карлик-слуга, хорошо знавший, как опасен бывает его хозяин в таком состоянии, испуганно сжался в комок, ожидая, когда пройдет гроза. — Да, так будет! Они пойдут за ним, жаждущие крови, как пошли бы за мной, не останови я их своими чарами. Пойдут и будут преследовать вечно, до самой смерти и за ее порогом! Зингарский глупец снимет проклятие, тяготеющее надо мной. Он уведет за собою Страх! Быть может, после этого я смогу наконец пробраться к подземелью храма... Ради одного этого стоило расстаться со всеми сокровищами мира — что перед этим какая-то шкатулка! Что перед этим Тай Цон и все его мнимые богатства! Что перед этим вся империя! Мальчишка заберет с собой мой Страх...

Глава шестая

Серебряный колокольчик

«Конану из Киммерии — князь и духовный хранитель Тай Цзона.

Молю тебя и заклинаю именем, твоего сурогатного бога Крома, Владыки Могильных Курганов, приди на помощь мне и моему народу. Прошу тебя об этом если не в память о нашей давней дружбе — ибо вряд ли можно назвать дружбой несколько дней, проведенных под одной крышей, — то в память о выпитом вместе вине и съеденном вместе хлебе. И я, и семья моя, и беззащитный народ мой ныне воюю Императора Кхитая ввергнуты в наихудшую беду, которую только можно измыслить.

Прошу тебя, приезжай как можно скорее, потому что даже выехав наутро от получения сего письма, ты опередишь захватчиков на три дня, не более.

Доставившему письмо можешь доверять вполне: это старейший мой советник. Пусть не беспокоит тебя та легкость, с какой он нашел вас: он немного маг и весьма искусен во всем, что касается нахождения нужных людей и сведений».

Писано в Доме-на-Вершине-Горы, в ночь

Солнцестояния, год правления Династии Минь

сто третий. Тай Юэнь Чжанг из династии Тай.

«Письмо это доставьте недавно прибывшему в страну огромному северянину, синеглазому и черноволосому. Он путешествует с девушкой-туранкой, еще одним высоким и светлокожим человеком с запада и карликом из гирканских степей. Они должны были остановиться на каком-нибудь постоялом дворе на окраине города.

Северянин этот грозен с виду и в столице скорее всего промышляет разбоем, но никогда не откажется в помощи, если его как следует попросить, и потому вы заставьте его прочесть это письмо, как бы он не отпирался. Скажите, что я велю дать вам по пяткам сто ударов бамбуковой палкой или сдеру с живых шкуру — словом, придумайте что-нибудь пострашнее. Если станет упрямиться — сулите камни, золото. Если откажется даже после этого, скажите ему, что за спасение нашего княжества я предреку ему жизнь на десять лет вперед.

Тай Юэнь Чжанг»

Моу Па недоумевающе смотрел на оба письма, и вид у него был при этом самый потешный. Если бы его мог сейчас видеть Римьерос, он, наверное, умер бы от рези в животе.

— Я не понимаю, — сказал он наконец жалобно. — Я отправил Чу только вчера поздно ночью, как мог он добраться до Тай Чанры так быстро, что сегодня утром я уже увидел тебя, мой господин?

Старый Тай Кин Бо улыбнулся, отчего все морщинки на его лице сбежались к уголкам глаз и рта.

— Ты слишком давно не был дома, — сказал он. — И отвык. Кайбону вовсе не нужно было твое письмо. Я отправился в путь пять дней назад, едва зингарец прибыл в столицу. Почему же лицо твое помрачнело? Ты ведь так и хотел, чтобы я оказался здесь побыстрее,

разве нет?

Моу Па опустил голову так низко, что тонкая косица его, перевязанная шелковым шнуром, задралась вверх.

— Я и в самом деле отвык. Зачем же я тогда здесь? Теперь я понимаю, почему он так улыбался, когда я пылко объяснял ему, на что нам может понадобиться свое ухо при дворе. Я забыл, что он сам — глаза и уши всего мира...

Старик чуть качнул седой головой и дотронулся двумя сложенными пальцами до склоненного лба юноши.

— Я знаю, чему он улыбался. Уговаривая его отпустить тебя в столицу, ты пекся ведь не только о благе нашего маленького княжества, правда? Тебе хотелось пожить здесь, среди вельмож, богачей и поэтов, увидеть цветение хризантем и пионов в саду Императора. И ничего постыдного или злого нет в юношеском любопытстве, а Тай Юэнь, слава богам всех Четырех Миров, еще достаточно молод, чтобы помнить неуемное хотение знать все на свете, которое тянет таких, как ты, прочь из родительского дома. Подумай лучше вот о чем: при всем умении нашего князя провидеть будущее, к кому бы я пришел сегодня, не будь здесь тебя? А так я могу называться твоим богатым родичем из какой-нибудь отдаленной провинции. И мы вместе поищем этого северянина, как того хочет кайбон.

Моу Па снова посмотрел на свитки — один из них был написан тонкими, словно следы множества птиц на снегу, кхитайскими иероглифами, второй — прихотливой вязью знаков туранского языка.

— Воля кайбона священна, и я займусь поисками немедленно... — сказал наконец он, еще раз прочтя оба послания и аккуратно сложив в ларец черного лака то, которое предназначалось чужаку. — Мне кажется, я знаю, о ком здесь идет речь. Не так давно здесь появилась новая невиданная шайка воров — одного из них, говорят, просто можно показывать ради наживы за деньги, так похож он на огромную обезьяну. Но разыскать в столице нужного человека и так нелегко, что же говорить о том, кто нарочно прячется?

— А вот как раз для этой цели государь дал мне одну вещицу, — улыбнулся Тай Кин Бо. — Очень полезную вещицу.

Он огляделся по сторонам и вдруг жестом вендиjsкого файкъо раскрыл ладонь, в которой — Моу Па мог поклясться в этом всеми Десятью Святынями — за миг до того не было даже медной монетки. А теперь в его выгнутых лодочкой пальцах стоял маленький изящный колокольчик, вроде тех, что привязывают на праздничное шествие к ошейникам и попонкам придворных псов. Осторожно, словно редкостную бабочку за кончики крыльышек, Кин Бо приподнял его и еле заметно тряхнул рукой.

По комнатке раскатился звук, напоминающий звук храмового гонга — только в тысячи раз тише и нежнее. Эхо, заметавшись от стены к стене, стихало медленно, словно не хотело расставаться с этим чарующим звоном.

— Серебряный колокольчик императрицы Утан Мин Ла! — в благоговейном изумлении вскричал Моу Па. — А я слыхал, что он исчез из нашего мира еще при прежней династии! Ведь говорили, что тот вендиjsкий принц выкрал его и бросил в море, чтобы отец его возлюбленной никогда больше не смог найти дочь. Какое чудо! Я никогда не видел его даже издали! Тогда нам достаточно будет подойти к дому Верховного Жреца — именно там он побывал в последний раз. И еще до темноты мы отыщем его!

Его восторги могли бы, вероятно, продолжаться бесконечно, но тут к нему в каморку — разумеется, не стучась, — почти бегом ворвался Римьерос, а вслед за ним, тут же заполнив

собою всю комнату, вошел барон Марко.

— Да у тебя гости! — несколько преувеличенно изумился принц вместо приветствия. — Гони его прочь, мне нужно с тобой поговорить.

— Говоитти? — переспросил Моу Па, выгнув и без того округлые брови. — Не боисся. Она нисего не поймет. Она — моя брата оцца. Она не знает аквилонски.

— Да? — Прикц оглядел подозрительно невесть откуда взявшегося «дядю», но Кин Бо сохранял на лице столь безмятежное выражение, что зингарец счел его и в самом деле вполне безобидным. — Скажи-ка мне, знаток провинций, правда, что жена того князя — туранка? И к тому же красавица?

Моу Па растерянно взглянул на Тай Кин Бо. Тот еле заметно мигнул.

— Пиравда, — ответил юноша. — Осинь карасива.

— А что за столицей в джунглях стоят древние храмы с сокровищами — тоже правда?

— Пиравда, пиравда, — усиленно закивал Моу Па. — Ян Шань хотела взятти, мала-мала не смогла. Давно иссе. Сила нузно. Войско нузно. Мага — ниэт, никак.

— Ну разумеется, — мрачно вставил барон Марко. — Сам не справился, теперь нас посыает.

— А мы в столицу возвращаться не будем, — весело отозвался Римьерос. — Он сам сказал, что ничего оттуда не хочет. Может, и собирался он как-то заставить нас вернуться, но как он это сделает теперь, когда у меня пятьсот человек войска? Глупец! Моу Па, ты знаешь, как туда добраться, чтобы нам не брать провожатого у Ян Шаня?

— Моя зинаети, — снова закивал Моу Па. — Две дни — дорога, патом две дни — тязело, но коротоко.

— А длиннее, но все время по дороге? — быстро спросил Римьерос.

— Пяти дни.

— Превосходно! Пусть Ян Шань думает, что я, как дурак, поволоку сундук к нему. Мы уж как-нибудь разберемся с его сокровищем сами. Прекрасно! Как только Император наберет лучников, мы тронемся в путь. Что ж, больше мне от тебя ничего не нужно.

Он величественно кивнул кхитайцам и вышел. Вслед за ним с озабоченным видом вышел барон Марко. Более всего эта странная военная кампания доставляла хлопот именно ему.

Моу Па низко поклонился им вслед, пряча перекошенное от злобы и гнева лицо.

— Набери побольше воздуха в грудь, сын мой, и медленно выдохни, — улыбаясь, сказал ему Тай Кин Бо. — Сейчас не время предаваться гневу, нас ждут дела гораздо более важные и срочные.

— Да не прогневается на ничтожнейшего из слуг Пад-ды Сияющий Полуночный Дракон, Разящий без Промаха, Носящий Два Меча...

— Короче! — рявкнул Конан. Маленький кхитаец, желтый, как спелый лимон, бормотал бесконечную свою скороговорку и никак не мог добраться до сути. Киммериец уже жалел, что не вытолкал его взашей сразу, едва этот узкоглазый появился на пороге. Но любопытство взяло верх: стоило узнать, что заставило вельможу заплатить полный кошель золота за то, чтобы выяснить, где именно скрывается шайка гиганта-северянина, вот уже пол-луны безнаказанно опустошающая богатые дома и храмы столицы Поднебесной Империи.

Мудрый владелец постоялого двора «Золотая Крыша» сначала донес Конану, что его желает видеть «по важному делу» какой-то небедный господин, а уж потом разрешил своему мальчишке сообщить господину, где разместилась шайка Конана из Киммерии. Судя по

затканному золотом шелковому халату поверх множества иных одеяний, господин, разыскивающий северянина, и в самом деле был небеден.

— Говори внятно, стариk, зачем пришел, не то, клянусь Кромом, за дверь ты вылетишь еще проворнее, чем болтаешь языком! Ну, что тебе от меня понадобилось?

Кхитаец, видимо, только начавший перечислять все мыслимые и немыслимые титулы, коих заслуживал в его глазах Полуночный Дракон, осекся на полуслове и растерянно заморгал. Но вскоре снова обрел дар речи:

— У меня к тебе дело, о несравненный воин, равный отвагой и искусством одному лишь...

— Золотому Дракону непобедимого Бо-Цай, трехголового бога войны, я знаю, — закончил Конан и в сердцах так грохнул кулаком по столу, что подскочили и зазвенели фарфоровые плошки. — Так выкладывай свое дело наконец, Нергал тебя побери!

Ночной посетитель, ожидая, что следующий удар придется по нему, испуганно втянул голову в плечи, прикусив язык. Его маленькая лысая головка утонула в бесчисленных воротах многослойных одежд, и стариk сразу стал похож на большую черепаху. Выглядело это так забавно, что Конан не выдержал и расхохотался. Несколько приободрившись, кхитаец неловко улыбнулся ему в ответ и вынул из рукава халата узкий футляр. Киммериец опасливо раскрыл лаковую коробочку, ожидая любого подвоха — но в футляре был всего лишь небольшой свиток. Развернув его на столе, Конан прочел, щуря глаза в тусклом свете масляной лампы:

«Конану из Киммерии — князь и духовный хранитель Тай Цона.

Молю тебя и заклинаю именем твоего сурового бога Крома, Властителя Могильных Курганов, приди на помощь мне и моему народу. Прошу тебя об этом если не в память о нашей давней дружбе — ибо вряд ли можно назвать дружбой несколько дней, проведенных под одной крышей, — то в память о выпитом вместе вине и съеденном вместе хлебе. И я, и семья моя, и беззащитный народ мой ныне волею Императора ввергнуты в наихудшую беду, которую только можно измыслить.

Прошу тебя, приезжай как можно скорее, потому что даже выехав наутро от получения сего письма, ты опередишь захватчиков на три дня, не более... Тай Юэнь Чжанг из династии Тай».

— Ну, и что все это значит? — спросил Конан, прочитав письмо. Самое удивительное в этом послании было не то, что какой-то кхитайский князь просил его о помощи, ссылаясь на давнее знакомство, а то, что письмо было написано на турецком языке — изящной, легкочитаемой вязью, как будто писавший знал, что кхитай-ские знаки варвару понятны не более, чем темные иероглифы Стигии.

— Пусть позволят Солнцеподобный объяснить, — быстро, словно боясь, что его тут же перебьют, заговорил стариk. — Недавно ко двору Императора прибыли иноземные послы. Знатный князь из Зингары привез Императору драгоценный дар, и Повелитель Звезд отдал ему за это наше маленькое княжество, Тай Цон. Кайбон наш, Тай Юэнь, да снизойдет на него милость Падцы, уже много лет болен, сыну его едва сравнялось десять зим. И потому Дваждырожденный решил поставить над княжеством иноземного правителя, коль скоро, как он думает, власть ныне в нетвердых руках. Но нам не нужен чужестранец! — Личико кхитайца сморщилось, словно из его головы-лимона разом отжали сок. — Мы любим нашего государя и скорее будем дожидаться вступления в Мужской Возраст юного принца, чем покоримся тому темному, с лицом хищной птицы!

Конан хмыкнул: зингарец, по его мнению, больше смахивал на спесивого петуха, чем на хищную птицу. Но старик, несомненно, говорил именно о герцоге Лара. Так вот он, оказывается, зачем прибыл в Кхитай! Римьерос Безземельный решил отвоевать себе на стороне собственное королевство — с благословения Императора.

— Ну ладно, а я-то вам на что? У вашего князя, как бы стар и болен он ни был, должна быть армия, должны быть люди,, Что я сделаю один? У зингарца сотня своих мечников, да Император ему даст еще две сотни!

— Мой кайбон сказал мне, что ты один можешь разгромить целую армию, о могучий! — Ставяясь придать больше убедительности своим словам, кхитаец прижал к груди сплетенные пальцы. — Скажи, что ты хочешь за свою службу — и, хоть и бедно наше княжество, мы отплатим тебе щедро!

Конан впервые за весь разговор взглянул на старика с некоторой заинтересованностью.

— Щедро, вот как? Что же это у вас за страна такая — княжество бедно, правитель стар и немощен, наследник — едва ходить научился. Что с вас взять?

Кхитаец обиделся.

— Правитель наш, святостью близкий к Великому Учителю Падде, не стар и не немощен! — Голос вельможи сорвался на высокую ноту. — Ему передалась часть Божественной Силы всех государей Тай Цзона! Жалея нас, недостойных, он исцелял всех, кто приходил к нему. Все, кто хотел, получали его благословение и предсказание, шла ли речь о рождении ребенка или урожае риса! И вот однажды мы подобрали в горах путника — израненного, еле живого. Наш князь принял чужестранца в своем Доме-на-Вершине-Горы, вылечил его. Вскоре тот ушел. Но свою болезнь он оставил государю, и вот уже три года мучают нашего князя боль в груди и кашель. И не исцелить их ни травами, ни постом и молитвой... — Старик говорил все тише, тонкий его голос был уже еле слышен, как бывает еле слышен голос сказителя, когда он то ли поет, то ли говорит в сумерках у очага. — А последние месяцы начал он кашлять кровью, и очень боимся мы, что Учитель Падда заберет его к себе, столь велика сила и святость его» Мы теперь стараемся его не беспокоить, и приходим за предсказаниями только в случае крайней необходимости — когда засуха или мор на скотину и птицу...

Киммериец слушал старика сдвинув брови.

— Он что же у вас колдун;

— Нет, он — святой, — с убежденностью ребенка заявил кхитаец. — В его руках — Изначальная Сила Падды.

Конан мельком взглянул на свои руки. В них тоже таилась когда-то Сила. Год потратил он на то, чтобы обрести ее: год ученичества у святого старца, год мучений, неудач, проб и ошибок. Но в конце концов ему удалось вызвать дремлющую в нем до поры искру ясного голубого пламени — так что ладони его превращались в чашу, полную живого огня. Год понадобился ему, чтобы понять: эта Сила — не для него. Но Конан не считал этот год потраченным зря. Помимо умения метать молнии из ладоней, старец научил его искусству владения клинком, Искусству Убивать. И, быть может, не так уж и не прав этот таинственный князь, заявляя, что Конан один стоит целой армии. Вот только откуда он об этом знает? Или слава о Конане-с-двумя-мечами докатилась уже до самого Края Мира?

— Предсказание, — хмыкнул Конан. — И сбываются они, эти его предсказания?

— За все тринадцать поколений ни один кайбон Благословленной Земли не ошибался еще ни разу, — с гордостью заявил старик. — Все, что говорит наш князь, исполняется в

точности. Только на глупые вопросы никогда не дает он ответа. — Тут посланник святого кайбона посмотрел на Конана почти сурово. — Поэтому если есть у тебя вопрос, ты получишь на него ответ — если этот ответ существует.

— А какие это вопросы — глупые? — сощурился киммериец.

— Никогда не спрашивай, в какой день умрешь, никогда не спрашивай, что есть горе, а что счастье, — нараспев ответил кхитаец, словно повторял наизусть свод правил. — Никогда не проверяй сплетен, никогда не спрашивай о том, что тебе запретили знать... Однажды — это было триста лет назад — к кайбону Тай Цзон пришел глупый человек и спросил: «В чем смысл жизни?» Кайбон не может отказать никому из своего народа, и он попытался узнать ответ на этот вопрос...

— Ну и?

— Он ушел в горы и не возвращался тридцать лет. А когда вернулся — он был уже не человек, он был Бог. Он принес ответ на глупый вопрос, но к тому времени спрашивавшего уже не было в живых. — Кхитаец посмотрел на Конана, как тому показалось, лукаво. — Поэтому лучше всего задавать вопросы, на которые можно просто ответить «да» или «нет».

— А лучше всего — не задавать вовсе, — понимающе усмехнулся киммериец. Перед глазами у него, как живое, встало смуглое узкое лицо с тонкими чертами и темными, чуть раскосыми глазами. «Умение задать правильный вопрос — это искусство. Сам я никогда не испрашивал себе предсказания в Храме Огня».

«Интересно, где сейчас Юлдуз со своей милашкой? — подумал вдруг Конан. Давно он не вспоминал о старом приятеле — а тут вдруг... — Ведь должен жить где-то здесь, в Кхитae. Может даже, в этом самом Тай Цзоне. При дворе у тамошнего князя. Иначе откуда бы тому знать обо мне — да и туранский выучить откуда?»

И Конан погрузился в воспоминания.

Десять лет назад киммериец служил в войсках Повелителя Турана — тогда еще Илдиза, а не Ездигерда. Когда его отряд стоял под Хоарезмом, охраняя в дни Весеннего Гадания священный свиток, к Конану пришел юноша лет восемнадцати, красавец-полукровка. Он назывался сыном ткача, но владел мечом и держался в седле лучше иных опытных воинов.

Позже выяснилось, что Юлдуз — сын кхитайского вельможи-изгнаника, а в дом почтенного Бахрама, где происходило Весеннее Гадание, он пришел не за тем, чтобы наняться в войско Илдиза Турецкого, а выкрасть свою невесту, несравненную Фейру. Конан, отчасти из озорства, отчасти из дружеского расположения к влюбленным, помог им тайно пожениться и бежать в Кхитай, но до того Юлдуз успел спасти ему если не жизнь, то по крайней мере свободу.

К тому времени с отца его уже было снято обвинение в измене, и Юлдуза на родине должно было ждать богатое наследство, но кто знает, что стало в конце концов с влюбленной парочкой.

Три года назад к власти в Кхитae пришел новый Император — то ли дядя, то ли двоюродный брат старого. При нем, как был уже наслышан Конан, многое переменилось. Головы знатнейших сановников вскоре красовались на пиках на Мосту Двенадцати Драконов, а их княжества отошли новым владельцам, подчас не имеющим не только множеств поколений благородных предков, но и смены одежды. Вот и снова приходит со стороны чужак — мало того, чужестранец — и ему позволяют силой взять княжество, слишком бедное и слабое, чтобы достойно постоять за себя.

— Ладно, — сказал Конан, хлопнув ладонью по столу. — Так и быть, попробую вам

помочь.

Лицо кхитайца расплылось в довольной улыбке.

— Значит, у Дракона с Двумя Мечами есть заветный вопрос к нашему кайбону. Я так и думал, что великий воин захочет узнать, что ждет его впереди. Твой недостойный слуга даст тебе провожатого, и через четыре дня»

Конан предупреждающе вскинул руку:

— Стой, старик! Со мною мои люди, и их вряд ли заинтересует простое предсказание. С ними нужно будет расплатиться по-настоящему, понимаешь?

Тай Кин Бо усиленно закивал.

— Мы наслышаны о подвигах Полуночных Гостей. Золото, камни — вот что прельщает их взоры. То, что переходит из рук в руки, но не становится от этого теплее. Если ты считаешь, что такой награды довольно твоим людям, да будет так.

— Что ж, по-твоему, предсказание ценнее? — Конан испытующе посмотрел на кхитайца. Но тот был серьезен, как изваяние Падды.

— Нет ничего ценнее знания о том, что было, — ответил он. — За это знание Император подарил иноземному принцу наше княжество. Но знание о том, что будет — дар поистине бесценный. И только великой щедростью своей расточал его наш кайбон на наши ничтожные нужды. Но таков обычай. Если бы пришел через горы чужестранец и предстал перед кайбоном с просьбой: «Предскажи мне судьбу мою», — он заплатил бы ту цену, какую назначил бы кайбон. Даже если бы это была его жизнь.

Глава седьмая

Дом на вершине горы

Голубь Тридцать Пятый:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары и правителю Карских островов.

Брат мой, сим извещаю тебя, что возвращение мое в Кордаву откладывается весьма надолго, если не навсегда. Император Кхитая подарил мне мое собственное королевство, и я буду сидеть в нем, покуда не изловлю Конана-киммерийца — если не всего, то хотя бы голову. Или пока не поседею и не лишусь всех зубов — в зависимости от того, что произойдет ранее.

Принц Римьерос, герцог Лара».

— Да тихо ты! — еле слышно шипел снизу Конан на Силлу. — Что ты хихикаешь, как больная обезьяна? Он же сейчас проснется!

Принц и в самом деле заворочался во сне, и Силла, влезавшая с плеч Конана в окно его спальни, замерла посреди комнаты на одной ноге.

Римьерос пробормотал что-то бранное и перевернулся на другой бок. Силла перевела дыхание. Прокравшись к клетке с голубями, где оставалось только две птицы — белая и пестрая, она осторожно протянула руку к той, что сидела ближе. Молниеносно выхватив пестрого голубя из клетки, она замотала ошеломленную птицу в темную шаль. Голубь замер. Второй, оставшийся в клетке, даже не заметил исчезновения товарища.

Было раннее утро, от реки поднимался туман, расползаясь белыми прядями меж черных влажных стволов. Силла притопывала на месте от нетерпения, сдержанно хихикая. Конан деловито прилаживал письмо к лапке перепуганной птицы.

— Да не бейся же ты так, глупая, ведь если я сломаю тебе крыло, как ты полетишь? Ну вот, готово!

— Дай я, дай я! — тянула к голубю руки Силла.

— Держи.

Она несильно сжала птицу меж ладоней, на миг приложила ее к своей щеке — и вдруг резко подбросила в воздух. Посланец почти тотчас же исчез в густом тумане.

— Ну вот, можно сказать, грех мы твой искупили, — с удовлетворением заявил Конан. — Король Зингары получит-таки весточку от нашего принца! Теперь — едемте!

Моу Па проводил их до городских ворот — сейчас он не мог ехать с ними, но собирался незаметно улизнуть от Римьероса где-нибудь по дороге.

Торопясь в Тай Чанру, Кин Бо избрал самый короткий, но и самый глухой путь. И все же дорога через джунгли и предгорья отняла у них меньше времени и сил, чем если бы они путешествовали как все, по общему тракту.

В дороге Тай Кин Бо рассказал им все, что знал сам. Что Сила переходит от отца к сыну: наследник принимает ее с последним вздохом родителя. Что именно поэтому много веков в княжестве нет межусобиц и войн, нет надобности в оружии и армии. Все, что нужно

жителям, они добывают для себя сами, и потому связей с окрестными крупными городами тоже почти нет. Налоги в казну княжество всегда платило исправно, ничего другого Императоры Кхитая никогда с него не требовали. Но пришел к власти нынешний правитель и начал забирать людей воевать. Тайцзонцы отказались сражаться, отказались и признать Императора верховным владыкой. И тот затаил злобу...

Наутро третьего дня пути они выехали из-под полога леса в огромную горную долину. Горы здесь были невысокие, слоистые и древние. Залежи меловых пород давно размыло водой, и скалы были просто испещрены сложными ходами и лабиринтами — наполовину природного, наполовину искусственного происхождения.

Над долиной, упираясь в отвесный высокий склон, полого поднимался зеленый холм — словно пышный пирог пытались разрезать каменным ножом. По склону холма террасами взбирался город, и мощные улицы продолжались входами во внутренние пещеры. На самой вершине холма стоял большой многоярусный дом, его золотые крыши, ярко сияющие на солнце, были хорошо видны отовсюду. Задней его стеной опять-таки служила отвесная скала.

— Это и есть ваш Дом-на-Вершине-Горы? — полюбопытствовал Конан.

— Да, это Тай Чанра и дворец кайбона, — ответил Кин Бо. — Вон там справа — городские ворота. Лошадей надо будет оставить внизу, им тяжело карабкаться в гору — да и незачем.

Городские террасы соединялись меж собой множеством прихотливых лестниц, тогда как сами террасы представляли собой сужающуюся спираль. Лошадям действительно пришлось бы обходить весь город, чтобы подняться к вершине.

От предпоследней террасы наверх ко дворцу вела широчайшая лестница в несколько больших пролетов. Широкие площадки между пролетами были украшены каменными драконами и львами, у которых были почему-то не львиные, а собачьи морды, так что Силла прыскала в кулак, глядя на их улыбающиеся пасти и задорно вздернутые хвосты.

На второй площадке еще издали была видна пестрая толпа царедворцев, встречающих будущего избавителя княжества. Они держались большим полукругом, разомкнутым в центре, где стоял сам князь — в просторных черных с красным исподом одеждах, шитых золотым шелком. Белые нижние одежды красиво оттеняли его бронзовую кожу и густые иссиня-черные волосы.

Едва маленький отряд достиг середины второго пролета, князь — и в самом деле еще совсем молодой — кинулся навстречу Конану вниз по ступеням.

— Наконец-то! — воскликнул он по-турански, и киммериец, хмурясь, остановился, не дойдя до площадки.

Князь был смугл, тонок в кости и немыслимо красив. Подчеркнутые скулы и прямой, точеный нос выдавали в нем примесь какой-то иной, скорее всего туранской или иранистанской крови. Разглядывая его, Конан заметил, что правитель Тай Цона не просто худ, а действительно изнурен долгой болезнью — слишком ясно видна была каждая косточка его тонких, изящных, как у женщины, рук, слишком ярким, лихорадочным блеском горели темные, чуть раскосые большие глаза.

Если бы не эта худоба, Конан, наверное, сразу узнал бы его. Но ему понадобилось еще раз услышать мягкий, глубокий голос, чтобы окончательно удостовериться:

— Что же ты молчишь, мой ун-бashi, мрачен и суров, словно тебя коснулся крылом Дух Серых Равнин? Ты не узнал меня?

— Юлдуз!! — во весь голос заорал Конан и, не церемонясь, сгреб святейшего князя в

свои медвежьи объятия. — Похититель пленников и невест! Вот уж не думал, что это письмо — от тебя! А как поживает прекрасная Фейра?

— Ты увидишь ее сегодня — если, конечно, выпустишь меня и дашь вздохнуть, — отозвался Юлдуз, ныне именуемый Тай Юэнь, князь и духовный хранитель Благословенного Края — Но, может, ты сначала познакомишь меня со своими спутниками? До нас долго доходят новости из столицы, но о том разорении, что учинила ваша шайка, я уже наслышан! Это, несомненно, краса всего Турана Силла, — он с улыбкой поклонился покрасневшей девушке.

Та только дернула плечом, не зная, как ответить на такое приветствие.

— Ну, это — Кинда, — Конан вытолкнул вперед карлика, который с достоинством варвара, сознающего, что род его идет от богов, коротко кивнул и снова отошел назад. — Воин редкого умения и силы, он из гирканских степей. А это — Сагратиус Мейл, наш духовный наставник и исповедник. Охотнее всего он ведет спасительные беседы с молодыми девками и бочонками доброго вина. Митра велел ему бродить по свету и увещевать заблудших, а я, как ты знаешь, самая заблудшая душа во всей Хайбории! — со смехом заключил Конан, хлопая гиганта по плечу, за что в ответ получил дружеского тычка под ребра.

— Если вера твоя неправедна, князь, или черные сомнения грызут твою душу, — пробасил Мейл, — приходи ко мне вечерком, и я поведаю тебе, как прекрасен всеблагой Митра! Он добр ко всем своим детям, не оставит он и тебя своей милостью!

— Я непременно воспользуюсь когда-нибудь твоим любезным приглашением, — отозвался, улыбаясь, Тай Юэнь. — Но сейчас — вы мои гости, и, наверное, устали с дороги. Идемте. У нас в запасе еще не менее четырех дней — я постоянно слежу за войском зингарского принца, и потому знаю каждый его шаг. После обеда я расскажу тебе, какими силами здесь располагаю, и ты убедишься, сколь они ничтожны..

Говоря это, кайбон сделал приглашающий жест и начал неспешно подниматься по ступеням к дому; Конан с товарищами последовал за ним. Поравнявшись с придворными, застывшими в поклонах на площадке, Тай Юэнь махнул им рукой, что, видимо, означало разрешение удалиться. И все же не менее десятка человек, держась на почтительном расстоянии, пошли вслед за князем и его гостями.

— Ты и в самом деле болен, Юлдуз? — негромко спросил Конан, глядя на изможденное лицо друга. — Твой смешной старик — кажется, его зовут Кин Бо — сказал, что у тебя чахотка. Тебе нужно больше охотиться и есть не траву и листья, а мясо, причем лучше всего — сырое.

— Учение Святого Падды запрещает убивать, Конан, — отозвался Тай Юэнь. — Мы не охотимся и не едим ни мяса, ни птицы, ни даже рыбы. Но тебе никто не запретит бить дичь в моих землях. Я еще не сошел с ума, чтобы заставлять Конана-киммерийца питаться одной зеленью! — рассмеялся он.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сдержанно напомнил Конан.

Смех Тай Юэня сразу стих.

— Да, я болен, — ответил он. — И потому Император полагает, что династии правителей Тай Цзона будет полезно добавить немного свежей крови. Но посланный им зингарец просто выжмет из моей земли все соки, перебьет за неповинование половшту жителей и уедет. После чего Императору, конечно же, легко будет прибрать Тай Цзон к рукам!

— А на что ему твое княжество? Тай Кин Бо говорил, что вы небогаты...

— Небогаты, потому что не стремимся к этому. Но в наших горах находится самый большой серебряный рудник Кхитая. Жила едва почата, потому что мы не добываем серебро на продажу, разве что для своих нужд, а они невелики. В джунглях все еще стоят древние храмы, полные сокровищ — мои предки вывезли драгоценности только из двух. Но пока здесь правлю я или мои дети, никому не удастся проникнуть в подземелья храмов. Митра даровал нашему роду магическую силу, а Учитель Падда показал, как ею пользоваться...

— Мне казалось, твой народ поклоняется богу Пад-де, — перебил его изумленный Конан. — А ты поминаешь Митру как верховного бога. Как это понимать?

Юлдуз скосил на него темный смеющийся глаз.

— Но ведь и ты чтишь пресветлого Митру как верховного бога, раз носишь два меча? — улыбаясь, сказал он. — А Святой Падда — не бог, а Учитель. Ты ведь знаешь разницу между Богом и Учителем, Конан? Или я ошибаюсь, и ты не был в прекрасном саду, что чудесным образом цветет посреди пустыни?

Глаза Конана расширились, затем он рассмеялся.

— Я совсем забыл, с кем имею дело! А ты и впрямь пророк! И многое ты можешь так увидеть?

— Почти все, что есть, кое-что из того, что было, и уж совсем немногое — из того, что будет. Но об этом после. Сейчас нас ждет обед. — Тай Юэнь лукаво посмотрел на Конана. — И Фейра.

Киммериец улыбнулся, собираясь спросить, сильно ли изменилась строптивая девчонка, став знатной дамой, но тут Тай Юэнь вдруг согнулся, словно его ударили в живот, и зашелся хриплым, тяжелым кашлем. Сзади подбежал один из придворных, подхватил князя под руки. Тай еще мгновение постоял, согнувшись, потом выпрямился, медленно переводя дыхание и комкая отнятый от рта платок в красных пятнах. Придворный осторожно вынул платок у него из пальцев и спрятал в рукаве своего просторного одеяния. Князь что-то сказал ему по-кхитайски и вымученно улыбнулся Конану.

— Извини. Со мной это теперь часто случается. Пойдемте в дом.

— Погоди, возьмусь я за тебя, — проворчал себе под нос киммериец, — Ишь чего выдумал — от таких пустяков подыхать.

Тай Юэнь сделал вид, что не расслышал. Но про себя с улыбкой подумал, что его грозный ун-баши ничуть не изменился за прошедшие десять лет. Когда-то он взял на себя ответственность за восемнадцатилетнего мальчишку, оставшегося после смерти отца без родных и крова над головой. Что с того, что теперь его бывший наемник сделался князем? Он позвал на помощь, и Конан снова полагал себя ответственным за него, как десять лет назад. «Будет так, как ты скажешь, мой ун-баши», — говорил когда-то юный сын кхитайского князя гиганту-киммерийцу. «Будет так, как ты скажешь, Конан», — молвил негромко ныне владыка и провидец, ведя гиганта-киммерийца в свой дом. — Всегда и везде будет так, как ты скажешь».

Фейра мало изменилась за прошедшие десять лет. Во всяком случае, встретила она Конана так же, как с ним рассталась — с визгом кинувшись на шею. Сняв ее наконец с себя, киммериец оглядел княгиню с ног до головы и молчал так долго, что она забеспокоилась:

— Почему ты так смотришь? Я подурнела?

— Ты просто прекрасна, — искренне выдохнул Конан, вызвав у Силлы вопль негодования.

Киммериец со смехом обернулся к подружке:

— Умение восхищаться чужой женой — не порок, а добродетель. Вон спроси у Сагратиуса. К тому же у нее на свадьбе я, за неимением никого другого, изображал брата невесты, так что с этой стороны тебе опасаться нечего. Смотри лучше не влюбись в Юлдуза!

— Вот еще! — обиженно фыркнула Силла.

За трапезой Тай Юэнь рассказал Конану, как в княжестве обстоят дела с армией и оружием.

— Все, что у нас есть, — это пятьдесят наемников вендейцев, несущих стражу при дворце и храме Падды

Обычай наемных воинов очень стар, уже никто и не помнит, зачем это делалось. Однако все они очень неплохие воины. Но все упирается в то, что тайцы не оскверняют себя ношением оружия. Мы могли бы на время осады уйти в скальные лабиринты и по ним выйти в другие долины, а оттуда напасть с тыла, но для этого надо, чтобы оружием владел хотя бы каждый третий. Можно было бы сформировать отряды, которые осторожно тревожили бы зингарца еще на подходах, — но наша вера запрещает убийство, даже ради спасения собственной жизни.

— Что-нибудь придумаем, — отозвался Конан. — А как ты следишь за продвижением зингарца?

— Просто вижу, — отозвался Тай Юэнь, пожав плечами. — Стоит мне о них подумать, как эти воины встают у меня прямо перед глазами. Сейчас они еще далеко.

— Много ли у нас времени? — спросил Конан.

— Дня три, — отозвался Юлдуз.

— Есть ли у вас в пещерах запасы еды и питья?

— Да, конечно. Как только я понял, что происходит — вернее, скоро произойдет, — я распорядился начинать скапливать на ледниках и просто так все, что возможно. А вчера оповестил всех, чтобы свозили в пещеры все ценности, какие им жаль потерять. Там можно высидеть и полгода, и год — а можно вообще уйти на ту сторону гор.

— Ты не потерял сноровки, клянусь Кромом! — рассмеялся киммериец. — Что ж, пусть идут, мы устроим им достойную встречу!

Три последующих дня Конан занимался муштрай вендейцев. Они и в самом деле оказались хорошими воинами — и послушными и восприимчивыми учениками.

— Если заткнуть все дыры хотя бы парами, — сказал Конан к вечеру третьего дня, — и навалить камней, что бы в лаг зингарцы могли прятываться только по одному...

Они с Тай Юэнем, Сагратиусом и Киндой сидели на теплой плоской крыше дворца. Золото остыпало медленно, нехотя отдавая ночи тепло, ветер едва шевелил первую листву у них над головами.

— Это нетрудно сделать, — отозвался князь. — Мне тут в голову пришла одна мысль... Только не смейтесь, хорошо?

Он негромко сказал что-то одному из вендейских воинов, стоявших в дозоре на крыше. Тот широко ухмыльнулся и скрылся в доме.

Конан, продолжавший прикидывать завтрашнюю расстановку сил, успел забыть о нем в тот же миг, и потому едва не вскочил с места, когда вендинец вернулся.

В первый миг киммериец схватился за оружие — во второй расхохотался.

— Нергал меня побери! Прекрасная мысль, Юлдуз! А еще у вас есть такие маски?

На голове у смуглого воина красовалась жуткая личина демона-ракши — с огромными

зубами, с выпученными глазами, со всклокоченными волосами из конской гривы. В темноте зрелище было довольно жуткое — недаром Конан так подскочил, увидев это страшилище.

— Такая маска есть у каждого воина — для Долгой Пляски в один из летних праздников, — ответил Тай Юэнь, очень довольный произведенным впечатлением. — Ручаюсь, что зингарцы никогда не видывали ничего подобного. Если действовало даже на тебя..

— Еще как действовало! — отозвался Конан. — Завтра мы все это пустим в ход.

На рассвете четвертого дня Юлдуз сказал Конану.

— Что ж, они идут и будут здесь после полудня.

Он легко поднялся с циновки, сбросил расшитую накидку, и Конан заметил, что князь сменил просторные придворные одежды на простые брюки и куртку черного плотного шелка. На ногах у него были мягкие плетеные сандалии, их ремни плотно оплетали щиколотку поверх тонкого короткого вязаного чулка, где большой палец отстоял от остальных, чтобы пропустить крепящий ремень. Еще Конан увидел за спиной у Тай Юэня два меча. Один из них был ему знаком — с этой катаной, наследством таинственного отцаткача, пришел в отряд к киммерийцу юноша Юлдуз. Второй меч был словно братом-близнецом первого, и на гарде его так же переплетались в вечной схватке два драконьих тела.

«Настоящий воин дерется двумя мечами и носит их за спиной, — всплыл в памяти Конана скрипучий голос Учителя. — Если ты встретишь кого-нибудь с двумя мечами, скорее всего, это будет один из моих Учеников. Ты узнаешь его».

Но Юлдуз носил меч за спиной и владел им не хуже самого Конана еще десять лет назад, и потому киммериец лишь спросил не без зависти в голосе:

— Где ты умудрился раздобыть вторую точь-в-точь такую же катану? Это ради нее ты вскрывал древний храм, чтобы его сокровищами расплатиться с купцами, приплывающими раз в сто лет?

Тай Юэнь посмотрел на него чуть удивленно.

— Я думал, ты уже понял, — ответил он, и в словах его Конану послышалась укоризна. — Она оттуда же, откуда и ты когда-то вынес свои клинки: из оружейни старого Учителя, что живет в садах среди пустынь.

Конан, шагавший рядом с ним по пустым залам дворца к потайному ходу в скальный лабиринт, замер на месте и взорвался на друга.

— Так ты был там! — выкрикнул он наконец, едва к нему вернулся дар речи.

— Был, — ответил Тай Юэнь. — Правда, недолго.

— Почему же не сказал сразу?

— Думал, ты сам уже догадался.

— Думал! — передразнил его Конан. — То же мне, пророк! Зингарца видишь за два дня пути, а что перед самым носомTM Давно ты был там?

— Лет за пять до тебя. Не стой на месте, пойдем. — Князь потянул киммерийца за рукав. — Нам еще нужно успеть всех расставить. Я расскажу, пойдем.

— Видишь ли, — начал Тай Юэнь, как обычно, издалека, — я шел туда совсем не учиться. Я шел вслед за своим сном. Вернее, за снами. Несколько лун подряд повторялось мне одно и то же видение: я иду по пустыне, не чувствуя ни жажды, ни усталости, я лечу, как пущенная стрела, а передо мной маячат горы и пышный сад у самого их подножия. И в этом саду встречает меня человек, подобный богу, и что-то говорит мне — самое важное, самое сокровенное. И лицо его сурово и исполнено света. А потом я просыпался и не помнил ни

слова.

Так повторялось изо дня в день, вернее, из ночи в ночь, пока однажды на рассвете я не разбудил жену и своего саккея, сказал им, что ухожу на несколько лун или полгода и оставляю на них княжество. Я знал, что вернусь, а потому не особенно беспокоился, тем более, что на Тай Кин Во — ты ведь с ним уже знаком — вполне можно положиться.

Я оседлал коня, взял с собою пятерых спутников и поскакал туда, куда вел меня мой глаз Падды.

— Талисман? — озабоченно спросил Конан.

— Нет, глазом Падды мы называем третий глаз человека. Он расположен вот здесь, — Тай Юэнь постучал себя пальцем по лбу над переносицей, — и есть у всех, только не у всех он открыт» У тебя, например, я знаю, он открывается в миг сильной опасности.

— Это не глаз, это чутье, — возразил киммериец.

— Называй как хочешь, но это больше чем просто чутье, ты наверняка и сам не раз так думал. В тебе живет Сила, хоть ты и редко ею пользуешьсяTM Наш маленький отряд без приключений добрался до пустынь, но, едва мы оставили позади первые барханы, поднялась сильнейшая песчаная буря. Видно, это была непростая буря, потому что она зашвырнула меня в одну сторону, а всех моих спутников — в противоположную. Когда я очнулся, мой Ночной Ветер, дрожа, стоял надо мной, а вокруг, сколько хватало глаз, были одни пески. Я вознес молитву Митре и пошел наугад. Двое суток шли мы с Ветром, я отдал ему всю воду, которая чудом уцелела в мехах, притороченных к седлу. И все же он едва переставлял ноги, ты же знаешь, как слабеют лошади, если хотя бы день не попают вволю. Я утешал его, как мог, и уже подумывал о том, что милосерднее было бы просто убить его, но наутро мы увидели горы и взбодрились.

Ты, я думаю, подходил к обители Учителя с другой стороны, и потому, наверное, не знаешь о неглубоком ущелье, что в полудне пути от нее, если идти прямо на восток. По дну этого ущелья бежит мутный ручеек, еле живая струйка, но каким даром небес казалась нам каждая капля, когда мы с Ветром наконец добрались до воды!

Напившись, он начал шарить вокруг меж камней, выискивая жалкие кустики травы, а я упал, где стоял, и проспал до самого вечера.

Проснулся я от пристального взгляда. И, открыв глаза, не сразу понял, что проснулся, потому что надо мной стоял тот самый человек, подобный богу, что так часто посещал мои сны.

Но на этот раз он заговорил внятно и отчетливо, я до сих пор помню первые его слова, обращенные ко мне.

«Сын мой, не проспишь ли ты так все на свете?» — сказал он, и голос его был суров и добр одновременно.

«Последнее время я живу во сне, отец мой, — ответил я. — Сон распоряжается мною, сон уводит меня в пустыню, сон приводит ко мне тебя. Или меня к тебе — в зависимости от того, кто из нас сейчас спит».

«Возможно, что оба. Поймай своего коня и следуй за мной».

Я подозвал Ветра и пошел вслед за хозяином моих снов. Я прожил у него три с половиной луны, то есть всю зиму. Это были самые ясные дни моей жизни».

Тай Юэнь замолчал, и Конан спросил:

— И что же?

— Ровным счетом ничего, — светло улыбнулся князь. — Он подарил мне вторую катану

и велел приходить, когда я буду свободен — когда смогу выйти в путь без оружия, слуг, лошадей и прочей ерунды. Пока я князь в этой земле, я не могу уйти и бросить мой народ на произвол судьбы. Но когда вырастет мой сын, я оставлю ему княжеский престол и вернусь в те сады, чтобы снова слушать Его — и весь мир.. Если, конечно, еще буду жив к тому времени, — добавил он, помрачнев.

— И какое же имя дал тебе Учитель? — очень тихо спросил Конан. — Или ты не можешь сказать?

— Он назвал меня Свет, — просто ответил Тай Юэнь. Они были уже у самого входа в пещеры. Конан на миг остановился перед низкой дверью, занавешенной узорной циновкой. Вынул из ножен оба клинка и, скрестив перед собой остриями вниз, произнес торжественно, как клятву.

— Брат мой, я не уеду отсюда никуда, пока не увижу, что ты здоров.

Глава восьмая

Четверо Спящих

Голубь Тридцать Шестой и последний:

«Высокородный принц Римьерос, герцог Лара — своему брату, Кратиосу Третьему, королю Зингары и правителю Карских островов.

Как ни прискорбно мне сообщить тебе об этом, но моя миссия окончена, и я направляюсь домой.

Это означает еще год скитаний, но ведь известно, что дорога обратно кажется втрое короче дороги туда. Я сделал все, что было в моих силах, я устал, мне надоели лица цвета переспелого лимона. Могу сказать тебе, что твои честолюбивые планы потерпели полный крах. Стоило, впрочем, добраться сюда, чтобы убедиться в этом.

Прежде всего: ми им не нужны. Ты можешь прийти к ним с уверениями в дружбе, с дарами, кои они признают необычайно ценными, ты будешь петь перед ними соловьем — и что же? Они охотно послушают и похвалят, но и палец о палец не ударят, чтобы вызволить тебя из когтей кошки. Кратиос, если я когда-нибудь еще раз скажу при тебе, что зингарцы — самый хитрый и подлый народ в мире, шепни мне тихонько «Кхитай», — ил покраснею, право.

Хитрее и двуличнее народа я не встречал никогда в жизни, даже стигийцы — и те лучше, ибо они — известное, а потому не такое страшное зло. Но эти — будут тебе лгать с медовой улыбкой на устах, они будут тебе улыбаться, даже если придут зарезать в постели. Они лживы, лживы до мозга костей. Ни одному слову их нельзя верить. Если мы попытаемся завязать с ними торговый союз, то и не заметим, как эти радушные и щедрые люди нас вымажут в смоле, затем вывалиют в перьях, а потом выставят на посмешище всему миру. Если ты снова найдешь в подвале замка сундук с кхитайскими манускриптами, отдан их королю Аквилонии — а потом можешь с легкой душой смотреть, как он будет корчиться.

Каждый мой шаг, каждое слово использовал кто-то в своих, неведомых мне целях. Император, его маг, князья и царедворцы — все получили с моего недолгого пребывания с твоим посольством в Кхитае свою выгоду. Ми — младенцы рядом с ними, и лучше нам сюда больше не соваться.

Надеюсь, что до встречи дома. Твой брат Йерро».

Римьерос выпустил голубя и долго еще смотрел, как белая тень мечется в небе, таком синем, что было больно глазам. Возможно, он был пристрастен и несправедлив к этой стране, возможно, сейчас в нем говорили обида и гнев, а не трезвый рассудок — но он так не думал. И спроси его кто хоть через тысячу зим, Римьерос повторил бы сегодняшние свои слова, не изменив ни буквы.

Он стоял на самой вершине холма Тай Чанры. За ним вздымались горы, под ногами расстилались джунгли.

Город, уступами поднимающийся на холм, был прекрасен, как сказочный город добрых

фей на острове Вечной Молодости. Широкая белая лестница с добродушными львами и нестрашными драконами сбегала вниз от дворца. Вишни отцветали, и мощеные улицы были усеяны нежно-розовыми и белыми лепестками. Впечатление заколдованного сна или сказки усиливалось тем, что город был пуст. То есть совершенно пуст. Ни единого человека не застало войско Римьероса на улицах, ни даже кошки или собаки.

Жители попрятались в катакомбы, что тянулись бесконечным лабиринтом в этих древних горах. Они унесли с собою все до последней нитки, оставив лишь стены да крыши, самой яркой из которых была золотая крыша дворца кайбона.

Первой реакцией Римьероса на это запустение и тишину была бессильная ярость.

Он разослал солдат и рыцарей обшарить каждую щель, но единственное, что они обнаружили, было множество ходов, ветвящихся и путающихся, уходящих в бездонную глубь горы, к самым корням мира. Но даже в состоянии крайней злобы не мог позволить себе герцог Лара распорядиться обыскивать этот лабиринт. И теперь бесновался от глухого бессилия.

— Что вы скажете на это? — кривя белые от ярости губы, спросил он барона, стоявшего рядом с ним. — Как это все понимать?

— Государь...

— Довольно! — закричал Римьерос почти визгливо. — Довольно с меня этого маскарада! Мой братец сильно поплатится за то, что втравил меня в эту историю! Сначала мы идем по дороге, а потом этот мерзавец Моу Па заявляет, что вон та тропа срежет нам путь, и мы, как бараны на бойне, идем вслед за ним! На стоянке он исчезает, а мы остаемся посреди джунглей неизвестно где!..

— Я говорил вам, государь, что нельзя верить ни одному из этих прохвостов, — попытался вставить хоть слово барон, но принц его не слушал. Казалось, у него вот-вот повалит изо рта пена, как у одержимого.

— День мы тратим на то, чтобы выбраться на дорогу, и на первой же ночевке у нас бесследно исчезают все караульные! За эти пять дней пути мы потеряли людей больше, чем за все путешествие через материк! На что это, я спрошу, похоже? Да не стойте же вы передо мной столбом, сделайте что-нибудь!

— Что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил барон Марко да Ронно уже устало. — Мы только деревянные фишки в чьей-то игре, мой принц. Не лучше ли будет попытаться с достоинством уйти, покуда это еще возможно?

Римьерос вдруг успокоился.

— Это было возможно, когда мы пересекли перевал, — горько сказал он. — Это, быть может, было еще возможно, когда мы отдали императору эти проклятые свитки. Но теперь любой наш уход будет бесславен и жалок. Надо бы распорядиться поджечь город на прощанье, но мне жаль его — здесь и так уже облетели все вишни...

Какие-то новые нотки появились в его голосе, и барон взглянул на принца с удивлением и почти с восхищением — такого он от него не ожидал.

— Велите на всякий случай обыскать еще дворец кайбона, — устало сказал Римьерос. — Хотя, конечно же, мы и там ничего не найдем. Митра отвернулся от нас, друг мой, когда мы затеяли это неправедное дело: воцариться в чужом доме, даже не зная его языка. Мне до сих пор жутко вспоминать тех женщин, сейчас я, кажется, бросился бы перед ними на колени, если бы так вымолил себе прощение. Но все равно они теперь вечно будут являться мне вочных кошмарах...

Он говорил о трех молодых девушких, которых, забредя по своему обыкновению в глушь от стоянки, встретил у лесного ручья.

Это были невинные, изящные создания, в той поре очарования юности, когда даже уродливая черточка красит женщину, потому что дышит свежестью и простотой.

Римьерос попытался с ними заговорить, но девушки прятались друг за друга, страшась бежать и еще более страшась остаться. На вкус принца, их одеяние больше подошло бы мальчикам, ибо состояло из белоснежных брюк и рубашки самого простого покроя, какой только можно придумать.

Он сам не знал, чего хотел от них добиться. Быть может, просто приветливого слова. Но глаза его сверкали так грозно, а вид был так устрашающ, что девушки, тихонько вдруг заплакав, одна за другой разделись и легли у его ног лицами прямо в дорожную пыль.

Ему не понадобилось знать кхитайский язык, чтобы понять, что они хотели сказать ему этим. В ужасе от того, что все и везде в этой стране будут воспринимать его как насильника и захватчика, он бежал от них, плачущих и покорных. Он знал, что теперь никогда не сможет поднять руку на женщину, и из этого следовало, что раньше — мог, просто ни разу этим не воспользовался.

Позже, когда подобную пантомиму ему разыграла целая деревня, он отнесся к этому гораздо спокойнее. Найдя среди лежащих тел деревенского старейшину, он попытался заговорить с ним сперва по-зингарски, затем по-аквилонски и наконец, отчаявшись, по-турански — и, к собственному изумлению, добился ответа. Старик сел прямо посреди дороги и, покачиваясь в такт своим словам, тонко пропел:

— Наш кайбон гибнет, значит, пришла пора и нам гибнуть вместе с ним. Пройди по нашим телам, чужестранец. Иначе ты не пройдешь через нашу деревню. Мы не можем противостоять тебе, но, чтобы добраться до Тай Чанры, твоим воинам придется ступать по головам детей, стариков и женщин — или искать другую дорогу.

Пройти было и в самом деле невозможно. Принц попытался было применить плети, но долго не смог выдержать — уж слишком это походило на истязание. Он свернулся с дороги и повел армию через джунгли.

Он был почти уверен, что, придя в Тай Чанру, застанет то же зрелище — ряды неподвижных тел. Что бы он тогда сделал, он так и не смог придумать, а потому, после первой вспышки ярости, даже вздохнул с некоторым облегчением.

Полуденное солнце нагревало золотую крышу, воздух столбами поднимался от нее, так что казалось, будто золото плавится и медленно отекает вниз. Но даже этого явного сокровища Римьерос не тронул.

Теперь он хотел только одного: понять. Что такого особого в этом человеке, их кайбоне, за которого они все готовы лечь лицом в пыль, только бы чужестранец до него не добрался? Какую силу надо иметь правителю, чтобы вызывать такую любовь?

При дворе императора говорили, что он много лет болен, что магия его, если и была когда-то, ныне иссякла.

«Какой бы силой он ни обладал, призрачной или реальной, — думал теперь Римьерос, — но кайбон Тай Цона достоин восхищения, как достоин восхищения и тот варвар-киммериец — хотя, конечно, плахи и палача он достоин куда больше».

— Дворец пуст, государь, — доложил один из рыцарей.

— Вот и хорошо, — задумчиво отозвался Римьерос и, заметив устремленный на него недоумевающий взгляд, ответил с печальной улыбкой: — Ну, посудите сами, Родерго, что бы

мы стали делать с ними, даже если бы нашли кого-нибудь?

Рыцарь воспринял его слова как удачную шутку и потом весь вечер пересказывал ее у костров. А принц поднялся с места и разыскал Марко да Ронно.

— Барон, — сказал он старому солдату, совершенно сбитому с толку и обескураженному всем происходящим, и от этого даже словно бы разом состарившегося на добрых десять лет. — Я беру две повозки и дюжину рыцарей и отправляюсь к тому храму, про который мне говорил Ян Шань. Если я и там ничего не найду — что ж, значит, такова воля Митры. Вы здесь дожидайтесь меня три дня, если не вернусь — уходите. И смотрите, будьте осторожны. Этот город все-таки обитаем, хоть и кажется опустевшим.

Да Ронно, окончательно переставший узнавать своего взбалмошного принца, который за последние несколько дней менялся прямо на глазах, молча и почтительно поклонился. Римьерос же, и не подумав объяснить ничего больше, взял людей и направился на юговосток.

Храм они нашли только к вечеру, изрядно проплутав. Лианы и кустарники так густо заплели его стены, что дверной проем пришлось прорубать мечами. Изнутри в лицо принцу пахнуло затхлой сыростью.

Заготовив факелов, они начали спускаться по широким замшелым ступеням. Всюду царила гниль и плесень, прямо из камней росли мерзкие, бесцветные грибы. Но чем дальше они продвигались в глубь низкого коридора, тем ярче горели факелы и сущее становился воздух.

Они шли, казалось, целую вечность. Странно, но Римьерос был уверен, что снаружи храм казался меньше.

Коридор оборвался внезапно, и только но исчезшей вдруг пляске теней по стенам они поняли, что вступили в какой-то огромный зал, где тщедушный свет факелов не мог разогнать тьму так же, как не может дюжина людей насытиться крошкой хлеба.

— Потушите факелы, — распорядился Римьерос. — Мне кажется, я вижу свет, он идет откуда-то сверху.

Свита подумала, что принц их, похоже, лишился рассудка, но возражать не посмела. Какое-то время никто не мог различить даже собственных рук в кромешной тьме. Но потом все едва ли не одновременно подняли глаза вверх, к невидимому куполу — и увидели звезды.

Это были не просто созвездия чужого, незнакомого неба, нет, это было что-то гораздо большее.

Герцог Лара вспомнил, как, услышав мальчишкой, что со дна колодца можно даже среди бела дня увидеть звезды, едва не погиб, спустившись в замковый источник, дна которому никто не знал. Его тогда еле вытащили — мокрого, промерзшего до мозга костей. В тот же вечер он свалился с жесточайшей лихорадкой — и бредил звездами, что мерцают на дне колодца.

И вот теперь он стоял на дне, наверное, самого глубокого колодца на свете. Гигантская труба башни с проломившимся куполом была невидима в темноте, и край ее угадывался только по тому, что ограничивал звездный круг, раскинувшийся над головой ошеломленных людей. Они стояли, онемев, подавленные этим величием и бесконечностью, словно никогда раньше не видели звездного неба.

О, нет, сказал себе Римьерос, такого звездного неба не видел еще никто и никогда. Словно сверкающая алмазная пыль вихрилась у него над головой. Звезд было неисчислимое множество, даже летней ночью в кордавской гавани невозможно было увидеть столько звезд.

Самые крупные сияли, как огромные бриллианты, переливаясь каждая собственным светом — красным, зеленым, лиловым. Приглядевшись, Римьерос увидел, что рисунок созвездий и сияющих туманностей непрестанно движется, меняясь, но движется не так, как обычное звездное небо — вокруг

Полярной звезды, — а так, как движутся и меняются облака, когда ветер несет их по небу. Эта звездная река была живая, она текла, она несла свои воды в какие-то иные миры.

— Хотел бы я знать имя того бога, которому был посвящен этот храм, — пробормотал Римьерос. Огляделась, он увидел застывших вокруг в немой неподвижности людей и разбил чары, крикнув: — Ола! Очнитесь! Это дивное место, но не можем же мы стоять тут всю жизнь!

Рыцари и оруженосцы зашевелились, выходя из оцепенения, Римьерос, ошарашенный, но от того старавшийся выглядеть еще более деловитым и собранным, чтобы не дать повода к панике, сухо раздавал приказания:

— Зажгите факелы, или мы ничего здесь не сможем найти. Найдите, где кончается этот зал, и идите вдоль стен. Оглядывайте каждую нишу. Мне нужна дверь или проход или что-то в этом роде.

Дверей и проходов оказалось даже несколько, и Римьерос осмотрел каждый из них, но ни один не вел в анфиладу уменьшающихся залов, о которой говорил ему Ян Шань. «..Дальний зал, самый дальний, там стоят вдоль стен четыре саркофага. Вы откроете шкатулку посреди этого зала». Римьерос откуда-то знал, как они должны были выглядеть.

Наконец отыскалась еще одна дверь, заваленная грудами мусора, камнями и невесть откуда взявшимися здесь ветками. Римьерос велел расчищать проход, и вскоре, еще до того, как дверь открылась, уже ясно видел; это то, что он искал. Ощущение было схоже с полузабытым воспоминанием или сном — что-то неуловимое, как выдохшийся запах или эхо музыки.

После недолгих совместных усилий подход к двери был расчищен. После этого на нее, поплевав на ладони, навалилось трое самых дюжих оруженосцев — и едва не упало внутрь открывшегося зала, потому что дверь подалась с неожиданной легкостью.

— Ждите меня здесь, — велел Римьерос и достал из заплечного мешка ларец.

— Но принц, — попробовал возразить кто-то. — Там же может быть опасно». Позвольте, кто-нибудь пройдет первым или хотя бы разрешите идти с вами! Мы не пустим вас одного!

— Я пойду один, — холодно возразил герцог Лара. — А вы останетесь здесь, и горе будет тому, кого я, возвращаясь, увижу по эту сторону двери!

Он произнес это «возвращаясь» с такой уверенностью, что рыцари отступили. Взяв в одну руку шкатулку, а в другую — факел, Римьерос шагнул через порог. Свита его с тревогой наблюдала за тем, как удаляется пятно света и все ближе подступают к смельчаку тени и блики, пляшущие по стенам.

Римьерос насчитал пять залов, последний из которых, похоже, был ровно в два раза меньше первого. Здесь правильным квадратом, по-видимому, соотнесенными со сторонами света, стояли простые каменные плиты, напоминавшие саркофаги лишь формой и материалом.

Римьерос последовательно осмотрел каждую плиту и убедился, что это — монолиты, без всяких признаков щелей или крышечек. Выйдя на середину комнаты, он воткнул факел в щель в полу и еще раз осмотрелся. Теперь он видел, что все плиты вытесаны из разного

камня. Здесь был зеленый, с темными прожилками нефрит, пестрая, похожая на узоры лишайника на камнях яшма, был белоснежный мрамор, словно светящийся Р темноте собственным светом, и черный и прозрачный, как прозрачен подтаявший лед, обсидиан. Все плиты были одинакового размера, и размер этот действительно в точности совпадал с размерами могилы. В высоту они доходили Рикьеросу чуть выше колена.

— Что ж, попробуем, — проговорил он, бодрясь, Нельзя сказать что ему было страшно — нет, скорее — немного зябко.

Он повернул ключ и откинулся крышку ларца.

В первый миг ему показалось, что ничего не произошло. Свет факела не дрогнул, гром не прокатился по подземелью, каменный пол не сдвинулся, уходя из-под ног. Сама шкатулка была пуста. Римьерос уже хотел рассмеяться, обозвать себя легковерным идиотом и уйти, как вдруг увидел голубоватый дымок, густеющий над плитами.

На, всякий случай он поставил шкатулку на пол, взял в руки факел и отошел к порогу.

Дымок колыхался, свивался и плотнел, и вскоре над камнями повисло по туманной фигуре, закутанной в призрачный плащ. Привидения становились все реальнее: можно было сказать, что они на глазах обрастили плотью. Уже возможно было различить старческие иссохшие лица и руки, бессильно свисающие вдоль тел. Принц следил за этими чудесами со спокойным любопытством.

И вдруг внезапно, как в кошмарном сне, все переменилось. Призраки открыли глаза — и больше Римьерос ничего не мог видеть. Словно восемь тонких игл-лучей, холодных, как лед, пронзили его беспомощное тело. Он превратился в бабочку, пойманную и насаженную на восемь булавок разом.

«Ты — не тот», — прозвучало наконец у него в голове, и лучи отпустили его.

Он перевел дыхание. Лоб, спина и руки его были мокры от липкого, противного пота.

— Вот так сокровище, — пробормотал он в полнейшем изумлении.

«Не кричи», — услышал он в себе с четырех сторон разом.

«Зачем ты здесь», — прозвучало справа и почти одновременно с этим слева послышалось: «Он молод и пришел издалека».

«Они изучают меня», — подумал он и усилием воли унял дрожь в коленях.

«Значительно лучше», — тут же отзвались в нем. — Так зачем же ты здесь? Лучше думай, а не говори вслух».

— Я, — растерянно вымолвил Римьерос. Никто еще не пытался разговаривать с ним мысленно, и его попытки думать готовыми фразами немедленно просились на язык. — Мне сулил здесь сокровище кхитайский колдун Он сказал... что-то про исполнение заветного желания.

«Какое же у тебя заветное желание, смертный?»

— Я надеялся узнать это здесь, — честно ответил принц. — Он сказал — появится то, чего ты больше всего желаешь.

«Но с тех пор ты желаешь иного».

— Да. — Принц опустил голову. — Ведь я уже был в Звездном Колодце. А до того я видел людей, о которых никогда больше не хочу вспоминать — но, боюсь, буду помнитьечно. И теперь я совсем не знаю, чего хочу. Знаю только, что это не золото. И не корона в чужом kraю, ни обычаев, ни языка которого я не знаю, и где даже дети смотрят на меня с ненавистью. Теперь я хочу другого...

«Это хорошо», — заметили все четверо разом. Римьерос так и ощутил это «хорошо» —

сразу с четырех сторон.

— Наверное, — с силой выдохнул он, собравшись с мыслями, ибо внезапно все сделалось для него кристально ясным, и он не понимал теперь, как мог не видеть этого раньше. — Больше всего я хотел бы иметь свое маленькое королевство. Но мне не нужно чужого, не нужно большое королевство брата — мне бы что-нибудь поменьше. И свое. И чтобы меня любили в нем так же, как эти наверху любят своего кайбона.

«На это нужно тринацать поколений», — ответили они со смехом.

— Пусть я буду первым, — упрямо тряхнул головой юный принц.

«Да будет так, — отзвались они. — Возвращайся в свой домен и сделай из него такое королевство. Однако не жди, что на этом все закончится. Хочешь ты того или нет, но престол Зингары ждет тебя. От судьбы не уйти даже бессмертным — не противясь ее воле».

— Я не стану братоубийцей, — сердито отозвался Римьерос. — Такой ценой мне ничего не надо. Я не стану добиваться короны, даже если того пожелают все боги мира! И вам меня не переубедить.

Настало недолгое молчание. Казалось, зал застыл, точно само время остановилось в нем, и Римьерос невольно поежился. Он внезапно пожалел о сказанных словах — точно почувствовал, что могли они пробудить неведомых богов, о которых он только что отзывался с таким пренебрежением, и теперь пронизывающие взгляды их устремлены прямо на него.

Бесплотные голоса разрушили чары. Принц вздрогнул.

«Он не может знать, — произнес один укоризненно. — Не может знать о том, чего не видят его глаза».

«Письмо, — подтвердил другой голос. — Он не может знать о письме. Но король уже получил его».

«И готовит достойную встречу изменнику. У него не останется другого выхода, кроме как принять бой...»

«С судьбой не споришь».

В этой последней фразе была окончательность смертного приговора, и, вконец сбитый с толку и перепуганный, Римьерос вскричал:

— Стойте! О каком еще письме вы говорите? Я не писал брату ничего такого, что могло бы вызвать его гнев. Почему он должен ополчиться на меня?

Но голоса молчали. И фигуры во мраке колыхались почти смущенно, точно выдали нечто такое, о чем не имели права говорить, и, обескураженный, принц осознал, что больше ничего не добьется от загадочных призраков.

— Но если вы говорите, что меня ждет престол, значит, я все же одержу победу? — сделал он последнюю попытку проникнуть за плотную завесу будущего, которую на такой краткий и томящий миг приоткрыли для него подземные стражи.

Они по-прежнему молчали.

В сердцах принц сплюнул и развернулся, чтобы уйти.

— Ну так и спите дальше в своих могилах! К чему вы нужны тогда, таинственные духи, если все, что вы можете, это смущать человеческий ум загадками, кормить его пустыми обещаниями и несбыточными надеждами, или наполнять его душу ядовитым страхом. Мне не нужно ни то, ни другое!

Он был уже готов покинуть зал, уверенный, что стражи и впрямь погрузились в вековой сон, из которого вырвало их его появление, — как вдруг бесплотный голос, в котором, однако, явственно угадывалась улыбка, послышался у него в сознании.

«Мы никогда не спим. А что до страхов, обещаний и надежд — мы каждому даем лишь то, чего он на самом деле хочет. Тот маг, что приходил до тебя, думал, что желает власти. Он желал внушать страх, ибо обида и зависть точила его. И мы дали ему страх, но страх оказался сильнее и пожрал его самого. Теперь мы вечно с ним, и с каждым годом он боится все больше. Видишь, он послал тебя, хотя мог бы прийти и сам».

— Но он сказал мне, что сюда можно прийти лишь однажды, — припомнил Римьерос.

— Он прочел в каком-то древнем манускрипте-

«Он обманывал сам себя — ибо боялся признать истину. Просто обычно второй раз сюда приходить незачем, смертный. С каждым мы пребудем вечно. Теперь ты всегда сможешь чувствовать наше присутствие. Звездный колодец будет в твоей душе, и свет его озарит твою жизнь»

— Это будет очень неудобно, — отозвался Римьерос без восторга. — Как же я тогда смогу лгать?

В ответ в нем что-то тихонько зазвенело, и он понял, что это — смех.

«Ступай теперь. Твое королевство ждет тебя. И тот, другой, он также найдет свое. Вы будете рядом. Еще ближе, чем тогда у костра. А мы будем с вами. И вам незачем будет лгать, — звон повторился. — Ступай».

Этих прощальных слов Римьерос не понял, но в них были обещание и надежда — ему этого было достаточно. Видя, что плоть снова превращается в туман, Римьерос крикнул:

— Стойте! А этот, который правит наверху, он был здесь у вас?

«Конечно, — отзвались они, но уже словно издалека. — Но ведь дело даже не в нас, принц. Неужели ты до сих пор этого не понял?»

Принц Римьерос, герцог Лара, ощутил внутри себя пустоту и понял, что Четверо исчезли. Ларец на полу он забирать не стал.

Прихватив с собой факел, он вернулся к своим спутникам и на вопросительные взгляды ответил лишь:

— Ян Шань обманул меня. Но гораздо раньше он обманул сам себя. Здесь нет сокровищ, нет ничего, что можно было бы взять в руки и унести. Пойдемте наверх. — И, не оглядываясь, двинулся вперед.

Когда они вышли наконец из храма, было уже далеко за полночь. И в эту ночь Римьерос впервые в жизни спал на голой земле, укрывшись одним только собственным плащом.

Ранним утром он поднял еще сонных воинов и велел собираться. Волы, уверенные, что на обратной дороге их нагрузят сверх всякой меры, весело потащили нехитрую утварь свернутого лагеря.

Процессия уже приближалась к Тай Чанре, когда навстречу им со стороны города вылетел из-за деревьев взмыленный всадник.

— Принц! — закричал он еще издали. — Принц! Римьерос дождался, когда гонец поравняется с ним и соскочит с коня, и только после этого ровно спросил:

— Что случилось?

— Принц, барон Марко послал меня немедленно разыскать вас, ибо он очень боялся, как бы с вами чего не приключилось. Этой ночью на нас напали демоны!

— Демоны? — недоверчиво переспросил принц. — Откуда?

— Из пещер, что за городом! Их там сотни, а, может, и тысячи! И у самых страшных по четыре руки, и в каждой — изогнутый меч, острый, как бритва!

Римьерос нахмурился.

— Я же велел не соваться в пещеры. Зачем вы туда полезли, Нергал вас побери? Не могли просто дождаться моего возвращения?

Гонец прижал стиснутые руки к груди — от усердия говорить как можно более убедительно.

— Мы не прошли и десяти шагов, клянусь Пресветлым! Они выскочили на нас — черные, как сама тьма! Мы не успели даже вытащить мечи из ножен, как двое из наших были обезглавлены, а двое — разрублены пополам! Барон Марко был ранен стрелой в бок, мы еле вытащили его оттуда, а стрелы так и сыпались со всех сторон!

Лицо принца потемнело от гнева, и гонец в ужасе отшатнулся, ожидая оплеухи. Но Римьерос этого даже не заметил.

— В лагерь! — скомандовал он. — Четверо остаются при повозках, остальные едут вперед и помогают сворачиваться. Отсюда надо уходить.

В лагере, расположившемся под самыми городскими стенами, ему навстречу вышел, хромая, да Ронно с лицом бледным от потери крови и бессильной ярости.

— Вы ранены, друг мой, и сейчас я вам ничего не скажу, — сдержанно заявил ему Римьерос. — Велите начинать сворачивать лагерь. Мы тотчас же уезжаем домой.

Барон пытался что-то возразить, но принц даже не слушал его возражений. Ни загадочное горное княжество, ни вся эта страна, такая огромная и полная тайн, больше не интересовали его. Может быть, когда-нибудь позже, в окружении придворных дам и рыцарей, он с наслаждением послушает цветистую балладу об этих краях и о собственных подвигах, где, скорее всего, не будет ни слова правды, и вздох сожаления незаметно сорвется с уст *Но сейчас*, помимо воли, взор его устремлялся на запад — На запад, — произнес он вполголоса, не сознавая даже, что говорит вслух, и да Ронно подивился, как уверенно и сурово звучит голос его повелителя. — В Зингару. Довольно мы странствовали по свету — на родине нас ждут великие дела.

ЭПИЛОГ

Наутро, увидев, что зингарец спешно уводит своих, кхитайские лучники, в страхе, что теперь гнев святого кайбона и его демонов падет на их головы, бежали. Жители Тай Чанры вышли из пещер и как ни в чем не бывало взялись за обычные ежедневные труды. Точно и не было ни пережитого страха, ни давящей тьмы пещер, ни ожидания в томительной неизвестности. «Падда не оставил своих детей!» — восклицали они, и в словах их не было ни удивления, ни страха, а лишь бесконечная уверенность, что все именно так и должно было случиться. Падда не оставил своих детей.

А на оплетенной зеленью террасе дворца Конан собрал своих приятелей, ставших ему еще более близкими в этом чужом краю. Совместные вылазки, звон оружия и пролитая кровь сплотили их сильнее, чем все золото, украденное из сокровищниц кхитайских богачей — но теперь Тай Цзон был в безопасности, они с честью справились с возложенной на них миссией, и четвертым искателям приключений предстояло решить, что им делать дальше.

С добродушной усмешкой Конан подтолкнул в бок Сагратиуса, грузно развалившегося в кресле с бутылью самого крепкого вина, какое только удалось отыскать в подвалах дворца. Боевые вылазки последних дней ничуть не утомили толстяка, однако, когда все кончилось, он в ужасе объявил, что, кажется, похудел и осунулся от пережитых волнений, и теперь ему грозит страшная гибель от недоедания — так что теперь он спешно наверстывал упущенное, с утра до вечера почти не покидая стола.

Глядя на лоснящуюся от жира физиономию гиганта, в нездоровье его верилось лишь с большим трудом, однако любому, кто осмелился бы отнестись к жалобам его без должного доверия, пришлось бы познакомиться с дубинкой толстяка.» а на это, особенно после того, как в подземельях Тай Цзона он показал свое искусство, желающих не находилось.

— Что, жрец, по вкусу тебе пришло здешнее гостеприимство?

Не утруждая себя ответом, Сагратиус довольно хрюкнул и вновь приложился к бутылке. Затем тяжело, всем корпусом повернулся к киммерийцу.

— Уж не почудилось ли мне, о блудный сын Крома, или я и впрямь уловил скрытый смысл в твоих словах?

Уловив его настороженность, Кинда с Сиплой, до того негромко переговаривавшиеся о чем-то, стоя у балюстрады, настороженно обернулись. Силла тревожным жестом поправила повязку на предплечье — она настояла, чтобы и ей позволили, наравне с мужчинами, участвовать в обороне подземной галереи, и зингарский клинок зацепил ее. Кинда, по счастью, оказался рядом и сумел вытащить отважную красавицу из гущи сражения. Правда, не раньше, чем она метким броском кинжала уложила нападавшего.

— О чём вы говорите, Сагратиус? — спросила девушка тревожно. На сердце у неё последние дни было неспокойно — и потому любая мелочь воспринималась как угроза.

— Да вот, — с лукавой усмешкой пояснил бывший жрец, похлопывая Конана по плечу, — нашему командиру что-то опять не сидится на месте. Он ведь у нас из тех, кто норовит сбежать в самом начале пира!

Киммериец выглядел смущенным. Он не думал, что Сагратиус так легко раскусит его. А ведь он и сам еще толком ничего не успел решить. К тому же, прежде чем покинуть Тай Цзон, у него оставалось еще одно дело, не решив которое, об отъезде нечего было и думать.

— С чего ты взял, что я собираюсь куда-то уходить? Аквилонец расхохотался.

— Неужели я мог бы хоть на миг поверить, что ты и впрямь решишься принять предложение нашего хозяина и останешься навсегда в этих благословенных краях? Хотя слов нет, предложение заманчивое.

Было в его интонации что-то такое, что заставило варвара мгновенно насторожиться.

— Э-э.« — протянул он, пораженный. — Вот оно что, оказывается! — И обернулся к Силле с Киндой, не упускавшим ни слова из разговора, почувствовав внезапную досаду.

Неужели и эти вот так запросто предадут его? Неужто и им сладкая жизнь покажется приятнее? Он и себе не решался признаться, насколько это задело его. До сих пор Конан даже не допускал подобной возможности. Как ни привык он странствовать в одиночку, но с этой троицей сжился, как с родными, и одна мысль о том, что он мог потерять их, наполняла его болью.

— Так что же? — обратился он к ним. — Вы-то что решили?

К его великому облегчению, Кинда отозвался почти мгновенно, без колебаний.

— Ветер Пустыни несет Кинду, — объявил карлик торжественно. — На восток несет Вечный Ветер своего сына — и на восток я пойду, до самого края мира. Там Великая Пустыня поглотит сына. Там Кинда найдет покой.

Слова его звучали торжественно и уверенно, словно этот невысокий жилистый человечек с далеким взглядом черных глаз не испытывал и тени неуверенности в том, что все будет именно так, и обещанный покой уже ждет его — только руку протяни. Это казалось Конану странным, он не понимал огня, горевшего в душе жителя степей, но не мог не проникнуться уважением к его непоколебимой решимости. И, главное, теперь он знал, что Кинда продолжит путь вместе с ним. На душе у него стало чуть полегче.

— Вот видишь, — обернулся он к Сагратиусу. — Не все такие, как ты, толстый обжора. — И, неожиданно сам для себя, с надеждой добавил: — А может, передумаешь? Что, в других краях, в конце концов, девок и вина тебе не найдется?

Лоснящееся лицо бывшего жреца обрело неожиданно задумчивое выражение.

— Боюсь, друг мой, ты превратно понял мои намерения. Поверь, не еда и не утехи плоти привлекли меня в этих благословенных краях. Я скажу тебе то, в чем не осмеливался признаться прежде никому». — Толстяк вздохнул, собираясь с мыслями. — Видишь ли, Конан, и вы, друзья мои, здесь, в этом крохотном княжестве на краю света мне впервые открылось нечто такое, о чем прежде я не смел даже мечтать. Называйте это Богом, Истиной, Красотой наконец., я искал это всю жизнь. И заливал разочарование вином, ибо был уверен, что поиски мои бесплодны, бессмысленны и навсегда останутся таковыми. Ибо Истина не живет в нашем грешном мире, и людям не дано зацепить даже краешек ее плаща. Но здесь»

— Ты думаешь, что нашел это нечто?

Четверо на террасе вздрогнули. Это подал голос показавшийся в дверях Тай Юэнь. Сагратиус обернулся к нему.

— Мне кажется, да, — произнес он неуверенно. Кайбон Тай Цзона задумчиво кивнул.

— Ты станешь для нас желанным гостем, аквилонец, Но неожиданно жрец Митры покачал головой.

— Я благодарен тебе за эти слова, князь. Более того, я льщу себя надеждой, что когда-нибудь мне позволено будет воспользоваться твоей щедростью. Когда-нибудь. Но не сейчас.

Тай Юэнь не сказал ничего. В чуть раскосых темных глазах его отразилось понимание и сочувствие. Конан подал голос вместо него.

— Как тебя понимать, приятель? То ты остаешься, то нет~ Ты хоть сам-то знаешь, чего

хочешь?

— Конечно! — И неожиданно Сагратиус Мейл расхохотался заливисто и громко, и от смеха его остальные почувствовали неожиданное облегчение. Такой Сагратиус, шумный и веселый, был им куда понятнее и ближе задумчивого философа. — Конечно, друзья мои, я знаю, чего хочу! Бродить по свету, дойти вместе с Киндой до самого края земли и плюнуть вниз — и распить там, на краю, бутылочку доброго винца! Вот чего я хочу. А уж потом, к старости», вернуться сюда и постигать истину. Что еще мне тогда останется?!

— Отлично сказано, дружище! — Конан хлопнул его по плечу. — До старости еще целая жизнь — кто же станет растрачивать ее на пустые раздумья! — Он перевел дух и счастливым взглядом обвел приятелей. Ничто так не пробуждало дух киммерийца, как предвкушение новых странствий. — Вот и отлично! Значит, решено. Передохнем здесь немного, я одно дело закончу — и в путь.

Он поднялся на ноги.

И в этот миг тоненький девичий голосок, почти на грани слез, произнес:

— Только без меня.

Силлы хватило только на эти три коротких слова — и она разрыдалась безутешно и горько. Киммериец, обеспокоенный, сжал ее в объятиях. Он и сам замечал, что последние несколько дней с девушкой творится неладное, но не обращал на это внимания, надеясь, что само как-нибудь обойдется. И вот на тебе.

— Что такое? — Неловкой, непривычной к ласке ладонью он гладил ее по плечам. — Кто тебя обидел, малышка?

Силла покачала головой. Слезы уже не катились у нее по щекам, но взор, упорно избегавший киммерийца, был устранен куда-то вдаль, в глубь парка, начинавшегося чуть ниже террасы.

Проследив за ее взглядом, Конан, к своему изумлению, увидел там, на берегунского озера, стройного, как тростинка, юношу в шелковых одеждах, не сводившего жадных глаз с их террасы.

May Pa, всплыло неожиданно в памяти имя. Бывший придворный императора. То-то он все эти дни крутился поблизости! Но кто бы мог подумать!

Ревность острой иголочкой кольнула сердце Конана, но он поспешил изгнать ее. С самого начала он относился с Силле скорее по-приятельски, покровительственно, и ласки ее принимал с удовольствием, но без испепеляющей страсти. Да и в ее отношении было больше благодарности забитого зверька, попавшего вдруг к добному хозяину, чем настоящей любви. И когда она встретила юного кхитайца, должно быть, вся жизнь для нее перевернулась. Так что он будет искренне рад ее счастью.

— Что ж, — варвар нерешительно обернулся к кай-бону, подошедшему ближе и смотревшему вниз, как и Конан. — Ты здесь главный, тебе и решать, парен.

Тай Юэнь рассмеялся — и тут же смех его сменился кашлем. Киммериец с тревогой взглянул на друга.

— May Pa только сегодня утром признался мне, что полюбил твою сестричку, как только увидел ее. — Конан усмехнулся, отметив слова «сестричка». Но, должно быть, так и вправду будет лучше для всех. — Собственно, я и затем пришел сюда сейчас, чтобы просить за него. — Кайбон улыбнулся, больше не решаясь смеяться. — Впрочем, не сомневаюсь, что даже вздумай я возражать, ты, мой бесстрашный ун-баши, должно быть, выкрад бы их обоих и силком отправил под венец. Как когда-то нас с Фейрой. Так что не мне противиться твоей

воле!

Варвар заулыбался, и на сердце у него потеплело. И даже сияющее лицо Силлы не могло омрачить его хорошего настроения. Ладно! Будут у него еще женщины. Да и что все они стоят перед истинной мужской дружбой!

— Значит, решено. Но не думай, что ты от нас так скоро отделаешься. Я же сказал — перед отъездом мне надо завершить еще одно дело.

— Еще одно?! — В притворном ужасе закатил глаза Тай Юэнь. — Ты уже в одиночку обратил в бегство армию императора, о мой не ведающий сомнений друг. Неужто и этого тебе мало? Какого же врага, достойного своей стойкости и отваги избрал ты себе на сей раз?

— Врага? — С неожиданной серьезностью киммериец взглянул другу в глаза. — Достойного врага, ты прав. Этот враг — сама смерть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да ничего. Просто запомни, не зваться мне больше Конаном, сыном Крома, если я не сумею вырвать тебя из когтей этой проклятой болячки!

И, видя, что тот в растерянности, уверенно скомандовал князю:

— Собирайся. Никаких празднеств и чествований больше не будет, пока ты не перестанешь кашлять кровью. Обещанные предсказания тоже подождут.

— И что ты намерен со мной делать? — с улыбкой спросил Тай Юэнь. — А что до предсказаний, то ты и сам все знаешь не хуже меня. Тебе ведь уже как-то предсказывали судьбу.

— Предсказывали, — мрачно буркнул Конан. — Что королем стану. Ну, лишь бы не ошиблись... Но ты напрасно думаешь, что отвертишься. Нечего мне уши заговаривать глупостями! Ты слышал, что я сказал: собирайся. Кроме ножа никакого оружия не бери.

— Скажи все же, что ты хочешь делать?

— Гонять тебя взад-вперед по джунглям и горам, питаясь тем, что мы сами добудем. Лучшее средство от чахотки — ваша рисовая отрава вперемешку с сырым мясом. Вон, и Сагратиус то же самое говорит. А жрецы Митры в этих делах смыслят поболее ваших местных коновалов.

Толстый аквилонец согласно закивал. Это он первым подал Конану мысль о том, как попробовать излечить его друга. И присоветовал даже кое-какие травы, которые видел в здешних местах. Но дальше все уже зависело только от самого кайбона.

Тай Юэнь смотрел на него, по-прежнему улыбаясь.

— Я же говорил тебе, что мы не едим мяса.

— А ты — будешь, упрямец несчастный', — заявил Конан, медленно закипая. Но князь улыбался весело и понимающе. На него невозможно было долго сердиться.

Киммериец хмыкнул и поднял глаза к небу, оценивая погоду.

— Послушай, ты тучи разогнать сможешь, если захочешь? — спросил он вдруг.

— Никогда не пробовал, — ответил Тай Юэнь, тоже невольно поднимая глаза. — Но наверное смогу, если понадобится.

— И при этом собираешься умирать от крови в легких? Да ты просто сошел с ума со своей дурацкой идеей неотвратимости судьбы. Скажи мне лучше вот что: если бы ты встретил в лесу тигра, подыхающего в ловушке, что бы ты сделал? Прошел бы мимо? Добил бы? Или взялся бы лечить?

— Тигры у нас в горах редки, — рассудительно заметил Тай Юэнь. — Так что, наверное, стал бы лечить.

— Ага. — Теперь Конан глядел прямо на него, чуть сощурив синие глаза. — А чем бы ты его кормил? Ведь пришлось бы убивать.

— Значит, пришлось бы.

— А если бы он царапался и кусался?

— Перестань говорить загадками. К чему ты все это ведешь?

— К тому, что теперь ты — мой тигр. И если ты будешь кусаться и царапаться, я свяжу тебя по рукам и ногам, так и знай. Но своего все равно добьюсь. Когда мы уедем отсюда — ты будешь здоровее жеребчика-трехлетки. И думать забудешь о всяких глупостях. В конце концов, не для того я искал твоей Фейре мужа, чтобы она осталась вдовой во цвете лет. Ну что? — Варвар с деланной угрозой сдвинул брови. — Своей волей пойдешь или веревку брат?

Тай Юэнь посмотрел на преисполненное мрачной решимости лицо киммерийца и понял, что это не пустые угрозы. Свяжет по рукам и ногам и потащит за собой, сколько бы он ни брыкался. И тогда он рассмеялся — как показалось Конану, с облегчением — и негромко откликнулся:

— Не беспокойся, дружище, связывать меня не придется. В горы человек должен идти сам.